Джон Ле Карре

Шпион, пришедший с холода

Часть сборника
Шпион, пришедший с холода. Война в Зазеркалье (сборник)

Шпион, пришедший с холода
Джон Ле Карре

Аннотация
Джон Ле Карре. Шпион, пришедший с холода
Предисловие
1. Контрольно-пропускной пункт «Чарли»
2. Цирк
3. Под откос
4. Лиз
5. Кредит
6. Контакт
7. Кивер
8. «Ле Мираж»
9. День второй
10. День третий
11. Друзья Алека
12. Восток
13. Кнопки или скрепки
14. Письмо клиенту
15. Приглашение
16. Арест
17. Мундт
18. Фидлер
19. Собрание партийной ячейки

20. Трибунал
21. Свидетель
22. Президент
23. Признание
24. Комиссар
25. Стена
26. Путь с холода
От автора

Аннотация

«Шпион, пришедший с холода» – книга, включенная в список журнала «Time» «100 лучших англоязычных романов». Захватывающая история ветерана британских спецслужб Алекса Лимаса, который предпочитает уходу на покой участие в блестяще задуманной, но смертельно опасной операции. Его задача – дискредитировать и по возможности «убрать» главу одной из крупнейших контрразведок мира.

Однако в Большой игре доверять нельзя никому – ни врагам, ни союзникам, ни даже друзьям…

Джон Ле Карре
Шпион, пришедший с холода

Предисловие

Сентябрь 1989 года

«Шпион, пришедший с холода», третья написанная мной книга, решительным образом изменила мою жизнь и поставила ребром вопрос, на что же действительно я способен. До ее публикации я занимался писательством чуть ли не втайне ото всех, находясь сам внутри мира секретных служб, под чужим именем, не привлекая к себе внимания сколько-нибудь серьезной литературной критики. Как только роман появился на прилавках магазинов, время моего незаметного и постепенного роста как литератора навсегда закончилось, как ни пытался я вернуть его самым решительным образом — например, перебравшись с семьей на отдаленный греческий остров. Таким образом, «Шпион, пришедший с холода» стал последней книгой периода моей литературной скромности и целомудрия, и все мои дальнейшие эксперименты с беллетристикой, на счастье или на беду, отныне должны были происходить публично. На много лет вперед в издательском мире перестало существовать такое

понятие, как «заурядный роман Ле Карре», — к чему так стремится большинство писателей, но и страшатся те из нас, кто хоть что-то понимает в настоящей литературе.

Роман я написал в спешке всего за каких-нибудь пять недель. Я работал над ним ранними утренними часами в снятой для меня посольством квартире в Кенигсвинтере, в редкие свободные минуты за своим столом на службе и даже сидя за рулем машины, когда пересекал на пароме Рейн в обоих направлениях, припарковавшись иногда бок о бок с огромным бронированным «мерседесом» канцлера Аденауэра (или то был «БМВ»?), когда он тоже совершал переправу, следуя по делам главы государства. Помню тот переполох, что поднялся у нас в канцелярии после того, как я доложил, какие газеты он читает, а пресс-отдел посольства тут же принялся гадать, кто из журналистов может иметь влияние на направление мыслей великого человека, хотя, как я подозревал, никто: к тому времени Аденауэр давно миновал стадию, когда на него вообще мог повлиять хоть кто-нибудь. Порой я перехватывал его взгляд, и мне казалось, что он даже улыбается, глядя на меня и мой маленький

«хиллман-хаски»[1] с дипломатическими номерами. Но в преклонных годах он уже напоминал старого вождя индейского племени, выражение лица которого не дано было прочесть простому смертному.

Но конечно же, взяться за перо в тот раз меня заставила Берлинская стена: я отправился в Берлин из Бонна, чтобы наблюдать за строительством, как только разнесся слух, что ее начали возводить. Со мной прилетел коллега из посольства, и, когда мы вглядывались в тупые лица громил с промытыми мозгами, которым поручили охрану нового бастиона Кремля в Европе, он сказал мне, чтобы я стер со своих губ идиотскую улыбку. А ведь я и не подозревал, что в тот момент улыбался. Это, стало быть, была одна из тех непроизвольных ухмылок, которые появляются на моем лице в самых неподходящих и очень серьезных случаях. Никакого повода улыбаться у меня тогда и быть не могло. На самом деле я не испытывал ничего, кроме страха и отвращения, — а только такие эмоции и могло вызывать представшее нашим глазам зрелище: постройку стены превратили в превосходное театральное

[1] Примечания: 1

Автомобиль, выпускавшийся в те годы в Великобритании. — *Здесь и далее примеч. пер.*

представление, в первостатейный символ того, как чудовищная идеология окончательно сводит людей с ума.

Как же легко мы забываем пережитые страхи! В моем доме в Кенигсвинтере маляры красили стены столовой, когда стали передавать первые новости о строившихся баррикадах. Уподобляясь всем добропорядочным немцам, они аккуратно отмыли свои кисти и, будучи заботливыми отцами семейств, тут же отправились по домам. Посольский секретный конклав обсуждал планы эвакуации. Но куда эвакуироваться, когда мир вокруг рушится? На контрольно-пропускном пункте, устроенном на Фридрихштрассе, который уже скоро стал известен всем как КПП «Чарли», американские и советские танки смотрели друг на друга, разделенные всего лишь ста ярдами проезжей части и тротуаров, направив стволы пушек точно в башни машин врага. По временам они угрожающе рычали двигателями на повышенных тонах, якобы прогревая их и поддерживая в готовности, но на деле пытаясь психологически подавить противника, как поступают профессиональные боксеры перед важным боем. А где-то по ту сторону стены остались захваченные врасплох британские, американские, французские

и западногерманские агенты. Насколько мне известно, ни один не сумел заранее узнать о том, что произойдет, предвидеть события, и теперь им предстояло пожинать горькие плоды своей неосведомленности. Впрочем, многие из них нашли себе другие занятия. Но все же большинство поневоле оказалось во вражеском тылу и вынуждено было налаживать связь с хозяевами с помощью припрятанных радиопередатчиков, тайнописи и прочих методов, предназначавшихся, вообще-то говоря, лишь для экстренных ситуаций. С возведением стены индустрия шпионажа стала еще более засекреченной и опасной, вовлекла в себя, как никогда прежде, много новых людей, а главное — стала прибегать к более чем сомнительным методам решения своих задач. Как чувствовали себя советские агенты, оказавшиеся в ловушке в Западной Германии, я могу только воображать. Но они, конечно же, тоже не сидели сложа руки — просто изменившаяся ситуация значительно осложнила им и без того нелегкое существование.

И стена стала свершившимся фактом. Она встала надолго. Ее укрепляли и надстраивали. Ее окружили минными полями и контрольно-следовой полосой, разглаженной так ровно, что

на ней сразу бросились бы в глаза даже следы заячьих лап. Очень редко, но кому-то все же удавалось либо перелезть через нее, либо устроить подкоп, либо перелететь на самодельном планере. Это отдельная история, и все те мужчины и женщины, которым удался побег, стали на Западе истинными героями, вероятно, не только потому, что проявили чудеса отваги, но и в силу самой своей малочисленности. Читая новости, приходящие из Восточной Германии сегодня[2], те, кто навсегда запомнил стену, могут смело утверждать, что героизм одиночек проложил дорогу к освобождению миллионов. Наша, то есть западная, пропаганда была в этом смысле совершенно правдива: восточногерманский режим в самом деле ненавидели те, кто жил под его правлением. И беглецы стали авангардом того, что превратилось теперь в армию, состоящую из целого народа, а почти все обвинения, выдвинутые против коррумпированных бонз в руководстве Восточной Германии, оказались справедливыми. И это, вероятно, придает теме моего романа дополнительную остроту.

Что подвигло меня на его создание? Откуда

---

[2] Примечания: 2

Имеется в виду падение Берлинской стены в октябре 1989 г.

взялась основная идея? Скажу сразу, с такой огромной дистанции во времени любой мой ответ неизбежно окажется тенденциозен. Помню только, что я тогда был глубоко недоволен своей профессиональной деятельностью, а в личной жизни испытывал все крайности одиночества и смятения. Вероятно, многое из пережитых мной чувств заброшенности и озлобления поневоле проникло в характер Алека Лимаса. Помню, что хотел влюбиться, но мое прошлое и замкнутость в себе делали это невозможным. А потому обилие колючей проволоки и манипуляций с людьми в сюжете — это неизбежная дань препятствиям, стоявшим в те дни между мной и личной свободой. Я слишком долго жил в бедности, чрезмерно увлекался алкоголем и начал испытывать искренние сомнения в том, что правильно выбрал сферу деятельности. Стремление к освобождению от всех и всяческих пут не могло не сказаться самым пагубным образом на моей семейной жизни, как и на работе. Наблюдая за строительством стены, я видел перед собой воплощенное отчаяние, и поднявшийся во мне при этом зрелище гнев тоже нашел отражение в книге. Хотя уверен, что в своих интервью того времени я ничего подобного не говорил. Вероятно, во мне все еще оставалось

тогда слишком многое от шпиона, или я сам еще не до конца разобрался в себе, чтобы понять: создавая вымышленную историю с оригинальным сюжетом, я в действительности пытался навести хоть какой-то порядок в хаосе своей жизни.

Разумеется, позже я уже не мог написать ничего подобного, и на какое-то время стало расхожим мнение, что я принадлежу к числу так называемых авторов одной книги. Что «Шпион, пришедший с холода» стал моей большой, но случайной удачей, а остальное уже не шло с этим романом ни в какое сравнение. Моя следующая книга — «Война в Зазеркалье» — в значительно большей степени отражала реальность и боль, которую испытывал я сам, но она была тем не менее встречена британской критикой с прохладцей, как «скучная и нереалистичная». Впрочем, быть может, она такой и получилась, потому что я что-то не припоминаю ни одного положительного отзыва на ее выход в британской прессе.

Однако успех «Шпиона» оказался столь оглушителен, что мне на какое-то время следовало затаиться, и я понимал это. Мой первый брак распался, я прошел через все симптомы болезни величия, которой слава поражает любого литератора, добившегося успеха, как бы горячо он

ни отрицал этого. Я нашел другую жену, более мудрую и терпеливую, постепенно сумев взять себя в руки. В результате мне удалось выжить. И для меня больше не существовало отговорок, чтобы писать хуже, чем я умел на самом деле, не пытаясь каждый раз дойти до видимых границ своих способностей и заглянуть через их край, чтобы увидеть, есть ли там дальше хоть что-то еще или это уже предел.

Но мне, конечно же, никогда не забыть того времени, когда уродливый излом исторических событий совпал с отчаянной ломкой моего собственного жизнеустройства, как и тех недель, в течение которых родилась книга, изменившая мою судьбу.

1
Контрольно-пропускной пункт «Чарли»

Американец подал Лимасу еще одну чашку кофе и сказал:

— Почему бы вам не отправиться поспать? Мы вам сразу же позвоним, если он появится.

Лимас промолчал, продолжая смотреть в окно будки КПП на совершенно пустынную улицу.

— Вы же не можете ждать вечно, сэр. Не исключено, что он придет в другой день. Мы условимся с polizei, чтобы они тут же оповестили наше управление, и вы прибудете сюда буквально через двадцать минут.

— Нет, — ответил Лимас, — уже почти стемнело.

— Но вы не можете ждать бесконечно. Он опаздывает почти на девять часов.

— Если вам нужно идти — уходите. Вы проявили себя с самой лучшей стороны, — заверил Лимас. — Я так и доложу Крамеру: вы были мне крайне полезны.

— Но сколько еще будете дожидаться вы сами?

— Пока он не придет. — Лимас подошел к окошку наблюдателя и встал между двумя неподвижными фигурами полицейских. Их бинокли были направлены в сторону восточного КПП.

— Он дожидается полной темноты, — пробормотал Лимас. — Я это знаю точно.

— Но утром вы говорили, что он попытается пройти с группой рабочих.

Теперь Лимас взъелся на него всерьез:

— Послушайте, агенты — это вам не рейсовые самолеты. Они не прибывают по расписанию. Он раскрыт, он в бегах, он испуган. Мундт идет по его следу. И у него будет всего один шанс. Так что предоставим ему самому выбирать время.

Более молодой мужчина колебался, желая уйти, но никак не находя подходящего момента. В будке раздался звонок. Они насторожились, но продолжали ждать. Один из полицейских сказал по-немецки:

— Черный «опель-рекорд», федеральные регистрационные номера.

— Он ничего не видит на таком расстоянии в сумерках, это просто догадки, — шепнул американец и спросил: — Как Мундту все стало известно?

— Помолчите, — отозвался Лимас от окна.

Полицейский вышел из будки и перебрался в укрытие из мешков с песком, устроенное всего в двух футах от белой демаркационной линии, прорисованной вдоль улицы и похожей на разметку теннисного корта. Второй дождался, пока его товарищ присел на корточки у стереотрубы в укрытии, повесил бинокль на грудь, снял с крючка у двери черную каску и тщательно закрепил ее на голове. Где-то гораздо выше помещения КПП внезапно включились прожектора, светом театральных софитов залившие протянувшуюся перед ними дорогу.

Полицейский принялся комментировать происходящее. Но Лимас знал всю процедуру наизусть.

— Машина останавливается у первого контрольного пункта. В ней только один человек, женщина. Ее ведут в помещение Фопо[3] для проверки документов.

Они некоторое время ждали в молчании.

— Что он говорит? — спросил американец.

Лимас не ответил. Взяв запасной бинокль, он пристально всматривался в восточногерманский пропускной пункт.

---

[3] Примечания: 3

Имеется в виду Vopo — Volkspolizei — «Народная полиция» в бывшей ГДР.

— Проверка документов закончена. Получен доступ ко второму этапу.

— Мистер Лимас, это ваш человек? — не отставал от него американец. — Я обязан позвонить в управление.

— Подождите.

— Где сейчас машина? Что происходит?

— Декларирование валюты. Таможенный досмотр, — резко ответил Лимас.

Он продолжал наблюдать за машиной. Двое офицеров Фопо рядом с дверью водителя. Один разговаривает, второй стоит чуть в стороне и подстраховывает. Третий обходит вокруг автомобиля. Остановился рядом с багажником и тоже подошел к водительнице. Ему нужны ключи. Потом он открыл багажник, заглянул туда, захлопнул, вернул ключи и прошел тридцать ярдов вперед по улице, где точно посередине между двумя КПП стоял на посту единственный восточногерманский охранник — приземистый человек в сапогах и мешковатых брюках. Они завязали между собой разговор, хотя явно чувствовали себя неуютно в ярком свете прожекторов.

Небрежными жестами сотрудники Фопо показали, что автомобиль может следовать дальше. Машина доехала до двух полицейских, стояв-

ших посреди улицы, и снова остановилась. Они обошли ее, снова посовещались, но наконец с видимой неохотой разрешили пересечь границу западного сектора.

— Но вы ведь ждете мужчину, мистер Лимас? — уточнил американец.

— Да, мужчину.

Подняв воротник куртки, Лимас вышел наружу под пронизывающий октябрьский ветер. И ему вспомнилось, как когда-то здесь собралась толпа. В будке эта масса изумленных лиц легко забывалась. Люди менялись, но выражение на лицах оставалось прежним. Это напоминало беспомощные группы зевак, которые собираются на месте автомобильных аварий: никто не знает, как это произошло и можно ли трогать тела. Дым и пыль играли в лучах прожекторов, постоянно перемещаясь из одного светового столба в другой.

Лимас подошел к машине и спросил:

— Где он?

— За ним пришли, и ему пришлось бежать. Он взял велосипед. Обо мне они знать не могли.

— Куда он направился?

— У нас была комната над баром рядом с Бранденбургскими воротами. Он держал там кое-какие свои вещи, деньги, документы. Думаю,

он поехал туда. А потом он пересечет границу.

— Этой ночью?

— Он сказал, что этой ночью. Всех остальных схватили — Пауля, Фирека, Лэндзера, Саломона. У него очень мало времени.

Лимас несколько секунд молча смотрел на нее.

— Значит, Лэндзера тоже?

— Прошлой ночью.

Рядом с Лимасом возникла фигура полицейского.

— Вам нужно куда-то переместиться, — сказал он. — Инструкцией запрещено создавать препятствия на пути перехода.

— Идите к дьяволу, — бросил Лимас, полуобернувшись.

Немец заметно напрягся, но тут вмешалась женщина:

— Садитесь ко мне. Мы отъедем дальше к углу улицы.

Он сел рядом с ней, и они медленно покатили к следующему перекрестку.

— Не знал, что у вас есть машина, — сказал он.

— Она принадлежит моему мужу, — объяснила она бесстрастно. — Карл ведь не рассказывал вам, что я еще и замужем, не так ли?

Лимас молчал.

— Мы с мужем работаем в оптической фирме. У нас есть разрешение пересекать границу по служебным делам. Карл назвал вам только мою девичью фамилию. Он вообще не хотел, чтобы я была… как-то связана с вами.

Лимас достал из кармана ключ.

— Вам нужно будет где-то остановиться, — сказал он просто. — Есть квартира на Альбрехт-Дюрерштрассе. Дом рядом с музеем. Номер 28А. Там найдете все необходимое. Когда он прибудет, я вам позвоню.

— Я останусь с вами.

— Я здесь не задержусь. Отправляйтесь в квартиру. Я позвоню. Нет никакого смысла ждать.

— Но он попытается перейти именно в этом месте.

Лимас удивленно посмотрел на нее.

— Он вам и это сказал?

— Да. У него здесь, на их КПП, есть знакомый из Фопо. Сын хозяина дома, где Карл жил. Он может оказаться полезен. Поэтому Карл и предпочел этот путь.

— Он поделился с вами даже этим?

— Он мне доверяет. Рассказывал обо всем.

— О боже! — Лимас отдал ей ключ, а сам вернулся в будку КПП, подальше от холода.

Когда он вошел, немецкие полицейские перешептывались, а один из них — тот, что был выше ростом, — демонстративно повернулся к нему спиной.

— Прошу простить меня, — сказал Лимас. — Мне жаль, что нагрубил вам. — Он открыл свой потертый портфель и порылся в содержимом, пока не нашел то, что искал: ополовиненную бутылку виски.

Более пожилой из двоих кивнул, взял у него бутылку, разлил виски по кружкам, а сверху дополнил черным кофе.

— Куда делся американец? — спросил Лимас.

— Кто?

— Тот молодой человек из ЦРУ, который был со мной.

— Ему пора баиньки, — сказал пожилой, и они дружно рассмеялись.

Лимас поставил свою кружку и спросил:

— Какие у вас инструкции по поводу стрельбы для защиты человека, пытающегося перейти линию? Перебежать незаконно.

Пожилой ответил:

— Мы не можем открывать заградительного огня, мистер…

— Томас, — подсказал Лимас. — Мистер Томас.

Они пожали друг другу руки, и двое полисменов тоже представились.

— Мы не имеем права прикрывать перебежчиков огнем. Это все. Нам сказали, что может начаться чуть ли не война, если станем стрелять.

— Чепуха, — вмешался более молодой из двоих, на которого уже явно начало действовать выпитое. — Если бы здесь не было союзников, то и стены бы уже не было.

— Как и Берлина вообще, — пробормотал его старший товарищ.

— Мой человек попытается перейти границу этой ночью, — коротко информировал их Лимас.

— Здесь? Прямо через КПП?

— Крайне важно перетащить его на эту сторону. За ним охотятся люди Мундта.

— Еще остались места, где можно попробовать перелезть стену, — сказал молодой.

— Он на это не пойдет. Его оружие — хитрость. У него есть нужные бумаги, если только они еще не просрочены. И он будет на велосипеде.

В будке КПП стояла только настольная лампа с зеленым абажуром, но свет уличных прожекторов, подобно искусственной луне, ярко освещал ее внутренности. На улице окончательно сгу-

стилась ночь и воцарилась полная тишина. Они разговаривали так, словно опасались, что их могут подслушать. Лимас подошел к окну и стал ждать, глядя на улицу, протянувшуюся по обе стороны от стены — грязноватого сооружения из каменных блоков с колючей проволокой поверху, подсвеченного пошловатого оттенка желтыми огнями, как театральная декорация ограды концентрационного лагеря. К востоку и западу от стены лежали оставшиеся невосстановленными руины домов Берлина, странный, двухмерный мир развалин, напоминавший о недавней войне.

«Проклятая баба!» — подумал Лимас. И Карл — круглый дурак, который лгал о ней. Лгал, когда недоговаривал, как делают они все — агенты в любой стране мира. Ты учишь их обманывать, заметать за собой следы, а потом они начинают обманывать тебя самого. Карл показал ее только однажды после обеда на Штюрштрассе в прошлом году. Как раз тогда он добился большого успеха, и Шеф пожелал встретиться с ним лично. Шефа всегда манил к себе успех. Они поужинали втроем — Лимас, Шеф и Карл. Тот тоже обожал подобные рандеву. Он явился довольный, как мальчишка из воскресной школы, весь прили-

занный и сияющий, почтительно сняв перед начальником шляпу и оказывая все положенные знаки уважения. Шеф минут пять тискал его руку в своей, а потом сказал: «Хочу, чтобы вы знали, Карл, как мы вами довольны. Чертовски хорошая работа!» Лимас наблюдал и думал: «Эта похвала будет нам стоить еще пару сотен в год». Когда обед закончился, Шеф снова жал Карлу руку, многозначительно намекая, что, к сожалению, должен их покинуть, чтобы снова рисковать жизнью, но уже в другом месте. После чего отбыл в лимузине, за рулем которого сидел персональный шофер. Карл расхохотался ему вслед, Лимас тоже не удержался от смеха, и вот так, не переставая подшучивать над замашками Шефа, они прикончили бутылку шампанского. После этого они перебрались в бар «Альтер фасс», на чем горячо настаивал Карл, и там-то их и поджидала Эльвира — сорокалетняя блондинка с железным характером.

— Это мой самый большой секрет, Алек, — признался Карл, а Лимас пришел в ярость.

Чуть позже они крепко повздорили.

— Что ей известно? Кто она такая? Как ты с ней познакомился?

Но Карл надулся и отмалчивался. Дальше дела

пошли еще хуже. Лимас внес изменения в их совместные действия, поменял явки, пароли, а Карлу все это совершенно не понравилось. Он не мог не понимать, почему Лимас это делает, и не скрывал недовольства.

— Если ты ей не веришь, то уже все равно слишком поздно, — заявил Карл, а Лимасу оставалось только утереться и закрыть тему.

Но с тех пор он стал осторожнее с Карлом, делился с ним лишь самой необходимой информацией, чаще прибегал к всевозможным хитроумным уловкам, которыми владеет любой мастер шпионажа. И вот вам, пожалуйте! Она появляется за рулем своей машины, демонстрируя осведомленность обо всей агентурной сети, о явочной квартире и прочем. Лимасу же ничего не оставалось, как в очередной раз дать себе зарок никогда полностью не доверять ни одному из своих подопечных.

Он взял телефон и позвонил в свою квартиру в Западном Берлине. Ответила фрау Марта.

— У нас на Дюрерштрассе будут гости, — сказал Лимас. — Мужчина и женщина.

— Они женаты? — спросила Марта.

— Будем считать, что женаты, — ответил Лимас, на что она разразилась тем смехом, который все-

гда вселял в него робость. Не успел он положить трубку, как один из полицейских повернулся к нему.

— Герр Томас! Скорее сюда!

И Лимас вышел из будки к посту наблюдателя.

— Там мужчина, герр Томас, — прошептал молодой полисмен. — С велосипедом.

Лимас схватился за бинокль.

Это был Карл. Даже на таком расстоянии его фигура угадывалась безошибочно. Он был в старом плаще из обмундирования вермахта и толкал велосипед. Ему удалось, подумал Лимас, у него все получилось. Он уже миновал проверку документов, осталась только таможня. Лимас видел, как Карл прислонил велосипед к металлическому ограждению и зашел в будку таможенников. «Только не наделай глупостей в последний момент!» — молил Лимас. Но вскоре Карл вышел, приветливо махнул рукой дежурному у шлагбаума, и перекладина в красно-белых полосах медленно поднялась. Он прошел, он приближался к ним, он проделал свой трюк. Оставалось миновать часового из Фопо на дороге и белую полосу. А потом он будет в безопасности.

Но в этот момент Карл, казалось, услышал какой-то звук, почувствовал угрозу: он оглянулся

через плечо, оседлал велосипед и стал усиленно крутить педалями, низко склонившись над рулем. Впереди посреди улицы все еще оставался одинокий страж, но теперь он повернулся и пристально смотрел на Карла. Затем совершенно неожиданно вспыхнули бриллиантово-белые лучи прожекторов, поймали Карла и повели его, как фары машины высвечивают в темноте зайца. Донесся пронзительный вой сирены, громкие гортанные голоса отдавали приказы. Двое полицейских, только что стоявших рядом с Лимасом, опустились на колени и продолжали наблюдение сквозь щели, оставленные среди мешков с песком, сноровисто, но без толку щелкая затворами своих автоматов.

Восточногерманский полицейский выстрелил. Причем сделал это точно и умело, оставаясь строго в пределах своей зоны. От первой пули Карла как будто качнуло вперед, а от второй — отбросило назад. Непостижимым образом он все еще продолжал ехать, держался в седле, минуя часового, который теперь палил в него непрестанно. Затем Карл упал и несколько раз перевернулся на асфальте, а через секунду по мостовой заскрежетал металл велосипеда. Лимасу оставалось только надеяться, что смерть Карла

была мгновенной.

2
Цирк

Он видел, как взлетно-посадочная полоса аэропорта Темпельхоф пропала где-то внизу. Лимас не имел склонности к рефлексиям и не особенно любил философствовать. Он знал, что с ним все кончено, — и для него это был всего лишь факт, с которым предстояло смириться и жить дальше, как живут люди, больные раком или отбывающие тюремный срок. Невозможно было заранее подготовиться, чтобы построить прочный мост из прошлого в день сегодняшний. И он воспринимал свой провал так, как, вероятно, однажды встретит свою смерть — с циничным презрением и отвагой вечного одиночки. Он продержался дольше, чем большинство других, и вот — потерпел поражение. Есть такая поговорка, что собака живет, пока у нее есть зубы. Если прибегнуть к метафоре, то Лимасу зубы вырвали с корнем, и сделал это Мундт.

А ведь десять лет назад он мог пойти по совершенно иной дорожке. Открылось множество вакансий для чисто канцелярской работы в

государственном учреждении без вывески, расположенном на Кембридж-серкус[4]. Лимас имел возможность выбрать любую из бумажных должностей и продержаться в своем кресле до глубокой старости. Но это в корне противоречило бы его характеру. Проще было бы уговорить жокея пересесть в кресло продавца билетов тотализатора на бегах, чем заставить Лимаса сменить работу активного оперативника разведки на роль кабинетного аналитика, строящего теории и исподволь подгоняющего их под интересы Уайтхолла. И он до последнего оставался в Берлине, зная, что кадровики теперь каждый год заново рассматривают его досье: упорный, волевой, презирающий бредовые ограничения, уверенный, что ему в очередной раз подвернется нечто важное. У разведчика, как правило, нет моральных принципов, за исключением одного — он должен оправдывать свою работу достигнутыми результатами. С этим принципом приходилось считаться даже мудрецам с Уайтхолла. А Лимас добивался блестящих результатов. До того как

[4] Примечания: 4

Слово circus может означать по-английски и «круглая площадь», и «цирк». Поскольку штаб-квартира британской разведки располагалась в те годы на Кембриджской площади, называя свое учреждение «цирком», его сотрудники не обязательно и далеко не всегда вкладывали в название негативный или издевательский смысл.

столкнулся с Мундтом.

Оставалось только поражаться, как быстро Лимас понял, что появление Мундта стало для него пресловутой надписью на стене, приговором, который рано или поздно будет приведен в исполнение.

Ганс-Дитер Мундт родился сорок два года назад в Лейпциге. Лимас изучал его личное дело, видел фотографию на внутренней стороне обложки: бесстрастное жесткое лицо под шапкой соломенно-желтых волос; знал наизусть историю его восхождения к власти в Абтайлунге[5], где он занял вторую по важности должность, эффективно руководя всеми операциями. Мундта ненавидели даже сотрудники его собственной организации. Лимасу об этом сообщали и перебежчики, и Карл Римек, который был членом президиума Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) и входил в комитет по безопасности вместе с Мундтом, вселявшим страх даже в него. И, как выяснилось, боялся он не зря, потому что Мундт расправился и с ним тоже.

До 1959 года Мундт оставался в Абтайлунге незначительной фигурой, работая в Лондоне

---

[5] Примечания: 5
Управление министерства обороны ГДР, отвечавшее за разведку.

под крышей восточногерманского представительства сталелитейной промышленности[6]. Но потом ему пришлось срочно бежать в Германию, чтобы спасти свою шкуру после убийства двух собственных агентов, и больше года никаких новых сведений о нем не поступало. Затем совершенно внезапно он вдруг всплыл в штаб-квартире Абтайлунга в Лейпциге в роли начальника отдела материального обеспечения, отвечавшего за распределение валюты, снаряжения и людских ресурсов в целях осуществления особо важных операций. К концу того года в недрах Абтайлунга развернулась ожесточенная борьба за власть. Число и влияние офицеров советской разведки, работавших в ГДР, резко уменьшилось, нескольких ветеранов из старой гвардии отстранили от дел по идеологическим мотивам, и на передний план выдвинулись три фигуры: Фидлер стал начальником контрразведки, Ян занял пост Мундта как главного финансиста и снабженца, а сам Мундт вытянул воистину выигрышный билет — должность заместителя директора оперативного отдела — немалое достижение для человека, которому едва исполнился сорок один год. И стиль

[6] Примечания: 6

Эти события описаны в самом первом произведении Ле Карре — повести «Звонок мертвецу».

работы отдела сразу же радикально изменился. Первым агентом, которого лишился Лимас, стала девушка. Она была лишь звеном в цепочке, выполняя главным образом обязанности курьера. Ее застрелили на улице Восточного Берлина, когда она выходила из кинотеатра. Убийцу полиция так и не нашла, а Лимас поначалу даже был склонен считать ее гибель случайностью, никак не связанной с работой. Месяц спустя носильщик с железнодорожного вокзала в Дрездене, бывший агент из организации, созданной Питером Гилламом, был найден за путевым тупиком мертвым и изуродованным до неузнаваемости. Лимас уже знал, что это не могло быть простым совпадением. Вскоре арестовали и негласно приговорили к смертной казни еще двух членов одной из сетей, находившихся под контролем Лимаса. Так продолжалось какое-то время — противник действовал решительно и беспощадно, выбивая почву из-под ног британской разведки.

А теперь его жертвой стал Карл, и Лимас покидал Берлин, находясь в той же ситуации, в какой был когда-то, прибыв туда впервые, — то есть не имея в своем распоряжении ни одного агента, стоившего хотя бы фартинг. Мундт победил.

Лимас был мужчиной невысокого роста, ко-

торый коротко стриг свои седые со стальным отливом волосы. При этом он обладал незаурядной физической силой. Она угадывалась в строении его спины, плеч, шеи, рук и даже в плотных коротких пальцах.

В одежде, как и в большинстве других вещей, он придерживался строго утилитарного подхода, а потому даже очки, которыми он изредка пользовался, имели прочную металлическую оправу. Костюмы он носил почти исключительно из искусственных тканей и избегал жилеток. Рубашки предпочитал американского покроя с пуговицами, крепившими уголки воротничков, а обувь — замшевую на резиновой подошве.

Лицо его можно было назвать привлекательным: мужественное, с упрямым абрисом тонкогубого рта. Небольшие карие глаза многие почему-то считали типично ирландскими. При этом внешность и манеры Лимаса делали трудной задачей определить, какое место отведено ему в этом мире. Если бы он попытался войти в закрытый лондонский клуб, привратник никогда бы не ошибся и не принял его за постоянного члена, зато в ночных клубах Берлина ему неизменно торопились подобрать лучший из свободных столиков. Он выглядел одновременно и как тип,

от которого можно было ждать неприятностей, и как человек, умевший распорядиться своими деньгами, но все-таки не джентльмен в полном смысле этого слова.

Стюардессе он показался интересным. Она предположила, что он откуда-то с севера страны, что вполне могло быть правдой, а также что он богат — и здесь она сильно промахнулась. На вид ему казалось лет пятьдесят, и эта ее догадка оказалась почти верной. Он не женат, подумала она, но это соответствовало действительности лишь наполовину. Далеко в прошлом остался развод: двое детей, уже старшеклассники, получали от него алименты через один никому не известный частный банк, расположенный в Сити.

— Если хотите еще виски, — сказала бортпроводница, — то поспешите. Через двадцать минут мы уже приземлимся в Лондоне.

— Нет, больше не надо. — Он даже не поднял на нее взгляда, рассматривая в иллюминатор серо-зеленые поля Кента.

Фоли встретил его в аэропорту и отвез в город.

— Шефа сильно разозлило несчастье с Карлом, — сказал он, бросив искоса взгляд на Лимаса. Тот кивнул.

— Как это произошло? — спросил Фоли.

— Его подстрелили. Люди Мундта перехватили его.

— Он мертв?

— Думаю, что да. По крайней мере хотелось на это надеяться. А ведь ему почти удалось прорваться. Не стоило паниковать и слишком торопиться. Они ни в чем не были уверены. Абтайлунг прибыл на КПП уже после того, как ему разрешили переход. Они успели включить сирену, и один из Фопо всадил в него пулю всего в двадцати ярдах от линии. Он какое-то время шевелился, а потом уже не подавал признаков жизни.

— Бедняга.

— Иначе не скажешь.

Фоли не любил Лимаса, но если Лимас и знал об этом, то ему было совершенно наплевать. Фоли состоял членом нескольких клубов, носил дорогие галстуки, любил обсуждать достоинства и недостатки спортсменов, а также непременно указывал свое воинское звание во внутренней переписке. Лимаса он считал человеком с сомнительной репутацией, а Лимас считал его дураком.

— В каком отделе служишь теперь? — спросил Лимас.

— В кадровом.

— Нравится?

— Увлекательно.

— Куда отправят меня? В глубокий запас?

— Пусть Шеф все скажет тебе сам, старина.

— Но ведь ты знаешь?

— Разумеется.

— Так какого лешего не можешь информировать меня?

— Прости, старина, — ответил Фоли, и Лимас внезапно почувствовал, как начинает терять самообладание. Но его вовремя посетила мысль, что Фоли скорее всего лжет.

— Скажи мне по крайней мере одно, если ты не против: мне нужно начинать подыскивать себе жилье в Лондоне?

Фоли поскреб у себя за ухом.

— Не думаю, старина. Едва ли возникнет такая необходимость.

— Значит, не надо? Спасибо хотя бы за это.

Они поставили машину на Кембридж-серкус рядом с парковочным счетчиком и вместе вошли в вестибюль.

— У тебя есть пропуск? Если нет, придется заполнить заявку, старина.

— С каких пор здесь ввели пропуска? К тому же Макколл знает меня лучше, чем мать родную.

— Новые порядки. Цирк все время разрастается, видишь ли.

Лимас ничего на это не ответил, кивнул стоявшему на проходной Макколлу и оказался внутри лифта без всякого пропуска.

* * *

Шеф[7] пожал ему руку с некоторой опаской, словно доктор, проверяющий, целы ли у пациента кости.

— Вы, должно быть, ужасно устали, — сказал он доброжелательно, — садитесь, пожалуйста.

Тот же занудный голос, та же интонация школьного учителя.

Лимас сел на стул лицом к оливково-зеленому электрическому обогревателю, поверх которого непостижимым образом балансировала миска с водой.

— Вам не кажется, что здесь холодновато? — спросил Шеф и, склонившись ближе к обогревателю, принялся потирать над ним руки. Под черным пиджаком у него был сильно поношен-

[7] Примечания: 7

Официально он занимал пост оперативного начальника департамента спецслужб министерства обороны до образования ныне широко известных секретных организаций МИ-5 и МИ-6.

ный коричневый свитер. Лимас сразу вспомнил о жене Шефа — недалекой маленькой женщине по имени Мэнди, которая, кажется, пребывала в твердом заблуждении, что ее муж работает в департаменте угольной промышленности. По всей вероятности, она этот свитер ему и связала.

— А ведь вся проблема в том, что очень сухо, — продолжал Шеф. — Победив холод, вы иссушаете атмосферу в комнате. Это почти так же опасно. — Он подошел к столу и нажал на кнопку. — Сейчас мы попытаемся попросить, чтобы нам принесли кофе. Джинни в отпуске, вот беда. И они приставили ко мне другую девушку. Она никуда не годится.

Он был еще ниже ростом, чем запомнился Лимасу, но в остальном нисколько не изменился. Та же демонстрация живого участия при полной отчужденности, та же чопорная надменность, та же внешняя вежливость и обходительность, сведенные к внешним проявлениям, но не имевшие, как знал Лимас, ничего общего с реальностью. Та же вялая улыбка на лице, та же наигранная скромность, та же приверженность кодексу поведения, который он сам готов был высмеять. Та же банальность.

Достав из ящика стола пачку сигарет, он уго-

стил Лимаса.

— Не поверите, как они за это время здесь подорожали, — сказал он, и Лимасу оставалось только понимающе кивнуть в ответ.

Сунув пачку в карман, Шеф сел. Наступила пауза. Потом Лимас сказал:

— Римек погиб.

— Да, в самом деле, — отозвался Шеф так, словно Лимас поделился с ним каким-то очень верным наблюдением. — Это крайне прискорбно. Весьма… Вероятно, его выдала эта женщина, Эльвира?

— Похоже, что так. — Лимас, естественно, не стал спрашивать, как он узнал об Эльвире.

— И люди Мундта застрелили его.

— Да.

Шеф поднялся и стал слоняться по кабинету в поисках пепельницы. Обнаружив ее, неловко поставил на пол между двумя стульями.

— Как вы себя почувствовали? Я имею в виду, когда застрелили Римека? Это же произошло у вас на глазах, не так ли?

Лимас пожал плечами.

— Я был чертовски раздосадован, — ответил он.

Шеф склонил голову набок и слегка прикрыл

глаза.

— Уверен, ваши чувства этим не ограничились. Наверняка вы были потрясены, так? Это было бы гораздо более естественно.

— Да, я испытал потрясение. Как пережил бы его любой на моем месте.

— Вам нравился Римек? Чисто по-человечески?

— Вероятно, да, нравился, — ответил Лимас покорно. — Мне кажется, сейчас уже нет смысла обсуждать это, — добавил он.

— Как вы провели ночь? Точнее, то, что от нее осталось, после смерти Римека?

— О чем у нас разговор? — Лимас начал немного горячиться. — К чему вы клоните?

— Римек стал последним, — задумчиво сказал Шеф. — Последней жертвой в длинном списке погибших. Если память меня не подводит, все началось с девушки, которую застрелили в Веддинге у кинотеатра. Потом был наш человек в Дрездене и серия арестов в Йене. Как десять маленьких негритят. Теперь Пауль, Фирек и Лэндзер — все мертвы. И наконец, Римек. — Он криво усмехнулся. — Мы заплатили слишком дорогую цену. И я подумал, что, быть может, с вас довольно.

— В каком смысле довольно?

— Мне показалось, что вы переутомлены. Перегорели. Выдохлись.

Воцарилось долгое молчание.

— Об этом вам судить, — наконец сказал Лимас.

— Нам всем приходится жить, не имея привязанностей, верно? Хотя это, конечно же, невозможно. Мы строим друг с другом жесткие отношения, хотя на самом деле вовсе не такие уж черствые люди. Я хочу сказать… Человек не может все время жить на холоде; иногда с холода нужно возвращаться… Вы понимаете, о чем я?

Лимас понимал. Он вспомнил длинное шоссе, ведущее из Роттердама, ровную прямую дорогу среди дюн и бредущий по ней поток беженцев; вспомнил, как появился самолет, казавшийся издали совсем крошечным, и как шествие замерло, вглядываясь в него: самолет снижался почти к самым дюнам. Он вспомнил кровавый хаос, бессмысленный кромешный ад, когда бомбы стали падать вдоль дороги.

— Я не могу продолжать разговор намеками, — произнес Лимас. — Что вы хотите мне поручить?

— Хочу, чтобы вы продержались на холоде еще немного.

Лимас промолчал, и Шеф продолжил:

— Вся этика нашей работы, как я ее понимаю, строится на одном фундаментальном принципе. И состоит он в том, что агрессия никогда не будет исходить от нас. Вы согласны с этим?

Лимас кивнул. Что угодно, только бы ничего сейчас не говорить.

— Да, мы совершаем неблаговидные поступки, но всегда лишь в целях *обороны*. С этим, думаю, тоже трудно не согласиться. Мы вынуждены поступать скверно, но лишь для того, чтобы обычные люди в этой и других странах могли спокойно спать ночью в своих постелях. Или вам кажется, что я ударился в романтику? Разумеется, мы порой делаем страшные вещи, — он усмехнулся, как хулиганистый школьник. — И, оправдывая себя с моральной точки зрения, зачастую допускаем некоторую подтасовку: в конце концов невозможно проводить прямое сравнение между идеологией одной стороны и методами, к которым прибегает другая. Разве я не прав?

Лимас несколько растерялся. Он не раз слышал, как этот человек начинал нести околесицу, прежде чем нанести жестокий удар, но никогда дело не доходило ни до чего подобного.

— Я хочу сказать, что сравнивать между собой

можно только метод с методом, идеал с идеалом. И в этом смысле со времени окончания войны методы наших врагов и наши собственные стали практически идентичны. Нельзя уступать противнику в безжалостности только потому, что политика твоего правительства подразумевает более мягкие подходы, верно? — Он тихо рассмеялся, как бы про себя. — Это же ни в какие ворота не лезет.

«Боже милостивый! — подумал Лимас. — Его разглагольствования уже начинают напоминать туманные речи отцов церкви. Что именно он мне все-таки пытается втолковать?»

— Вот почему, — продолжал Шеф, — по моему мнению, мы должны избавиться от Мундта... О, черт! — Он раздраженно повернулся к двери. — Принесут нам когда-нибудь кофе или нет? — Шеф вновь пересек комнату, открыл дверь и поговорил с невидимой девушкой в приемной. Вернувшись, он закончил: — Я считаю нашим долгом устранить его, если только нам это удастся.

— А зачем? У нас же ничего не осталось в Восточной Германии. Вообще ничего. Вы сами только что подвели черту — Римек был последним. Нам некого там больше защищать.

Шеф сел и какое-то время разглядывал свои руки.

— Это не совсем так, — произнес он наконец. — Но не думаю, что мне стоит утомлять вас скучными подробностями.

Лимас в ответ лишь передернул плечами.

— Скажите мне, — продолжал Шеф, — вы устали от шпионажа? Простите, если я начинаю повторяться. Потому что это феномен, который нам здесь хорошо знаком, хотите верьте, хотите нет. У авиастроителей это называется усталостью металла… По-моему, я верно употребил термин. Как обстоит дело с вами?

Лимас вспомнил свои мысли по пути домой этим утром и задумался над ответом.

— Потому что, если вы истощены, — добавил Шеф, — нам придется изыскивать другие способы добраться до Мундта. Понимаете, то, что я задумал, несколько выходит за рамки привычного.

Вошла девушка с кофе, поставила поднос на стол и наполнила две чашки. Шеф подождал, пока она удалилась.

— Такая дуреха, — заметил он так, словно беседовал сам с собой. — У меня в голове не укладывается, почему так трудно стало найти хорошую секретаршу. Право, не стоило давать

Джинни отпуск именно сейчас. — Он какое-то время с хмурым видом помешивал сахар в своей чашке. — Нам нужно во что бы то ни стало хотя бы дискредитировать Мундта, — сказал он после паузы. — Скажите честно, вы много пьете? Виски там и прочее спиртное?

А ведь Лимас считал, что знает Шефа как облупленного.

— Да, я выпиваю. И думаю, что больше и чаще, чем другие.

Шеф понимающе кивнул.

— Что вам известно о Мундте?

— Он — убийца. Работал в Лондоне года два назад в представительстве министерства сталелитейной промышленности Восточной Германии. Нами тогда руководил советник кабинета министров — Мастон.

— Да, я в курсе.

— Мундт поддерживал связь с агентом — женой чиновника из МИДа. И убил ее.

— А еще он покушался на Смайли. И он же застрелил мужа той женщины. Это омерзительный человек. Когда-то состоял в гитлерюгенде, и все такое. Совершенно не правоверный тип коммуниста и не интеллектуал. Чистый практик холодной войны.

— Подобный нам с вами, — сухо заметил Лимас.

Шеф не воспринял это как шутку и не улыбнулся.

— Джордж Смайли знал о том деле все. К сожалению, он больше у нас не работает, но, я думаю, его стоит разыскать. Он сейчас занимается какими-то исследованиями Германии семнадцатого столетия. Живет в Челси прямо за Слоун-сквер, на Байуотер-стрит. Вы имеете представление, где это?

— Да.

— С ним в паре тогда работал Гиллам. Он сейчас в четвертом отделе стран-союзников на третьем этаже. Боюсь, произошло слишком много перемен с тех пор, как вы работали здесь.

— Что верно, то верно.

— Пообщайтесь с ними денек-другой. Они посвящены в задуманный мною план. А потом я хотел бы пригласить вас на выходные к себе. Моей жены не будет дома, — поспешно добавил он. — Она сейчас ухаживает за больной матерью. Так что мы будем предоставлены самим себе. Только вы и я.

— Спасибо. С удовольствием.

— Мы сможем все обсудить в полнейшем ком-

форте. Это будет замечательно. У вас появится шанс заработать на этом немалые деньги. Все, что получите, вам разрешат оставить себе.

— Спасибо.

— Но разумеется, при том условии, что вы полностью уверены и действительно хотите участвовать… Никакой усталости металла и прочего.

— Если речь идет о физическом устранении Мундта, то я в игре.

— Таковы ли ваши чувства на самом деле? — Шеф выразил свое сомнение в самой мягкой форме. А потом, задумчиво посмотрев на Лимаса, пустился в рассуждения: — Да, вижу, что таковы. Но вы ни в коем случае не должны думать, что обязаны уверять меня в этом. При нашей профессии мы быстро теряем ощущения ненависти или любви, и они становятся для нас чем-то схожим со звуками, которые собаки просто физически не воспринимают на слух. Бывает, остается только своего рода тошнота, и хочется одного — больше никогда и никому не причинять страданий. Простите, если ошибаюсь, но разве не испытали вы нечто подобное, когда у вас на глазах убили Карла Римека? Ведь вами не овладела ненависть к Мундту или любовь к Карлу? Вы почувствовали

лишь тупую боль в ставшем бесчувственным теле… Мне сказали, что вы потом ходили всю ночь. Просто бесцельно бродили по берлинским улицам. Это правда?

— Правда то, что я отправился на прогулку.

— И гуляли всю ночь?

— Да.

— Что стало с Эльвирой?

— А бог ее знает… Я бы очень хотел нанести удар по Мундту, — сказал Лимас.

— Хорошо… Просто отлично. Кстати, если в ближайшее время вы встретитесь кое с кем из прежних друзей, не стоит с ними откровенничать. Скажу больше, — добавил Шеф, — на вашем месте я бы оборвал старые связи. Пусть они считают, что мы обошлись с вами очень дурно и несправедливо. Начинать — так сразу. Легче будет потом продолжить.

3
Под откос

Никого особенно не удивило, когда Лимаса отстранили от оперативной работы. Общее мнение было таким: Берлин многие годы был местом сплошных провалов, и кого-то должны были примерно наказать за это. Кроме того, Лимас стал староват для участия в операциях, где зачастую реакция должна быть лучше, чем у профессионального теннисиста. Лимас отлично поработал во время войны — об этом знали все. В Норвегии и Голландии он остался жив вопреки всему. Его наградили медалью и досрочно отправили в отставку. Чуть позже его, конечно же, вернули в разведку, но вот только с пенсией случилась незадача. Здесь ему решительно не повезло. Слух об этом распустила бухгалтерия в лице Элси. Всем, кто готов был слушать, Элси рассказывала в столовой, что Алеку Лимасу в старости придется как-то жить всего на 400 фунтов в год по причине прерванного служебного стажа. Сама Элси считала это правило нелепым и нуждавшимся в пересмотре: в конце концов, мистер Лимас имел

немалые заслуги, ведь так? Но все инструкции исходили теперь из министерства финансов, не то что в прежние годы. И что тут поделаешь? Даже в худшие времена правления Мастона с людьми не поступали так жестоко.

Лимас, как объясняли новичкам, являл собой типичного представителя старой гвардии разведки, отличительными чертами которого были: привычка к виду крови, мужество, любовь к крикету и никакого образования, кроме средней школы и курсов французского языка. Правда, в отношении Лимаса почти все это было неправдой. Он блестяще владел немецким и голландским языками, а крикет ненавидел. Вот диплома колледжа действительно не имел.

Срок действия контракта Лимаса истекал через несколько месяцев, и его отправили досиживать это время в банковском отделе. В отличие от внутренней бухгалтерии там занимались оплатой заграничных счетов и переводом денег за рубеж, то есть прямым финансированием агентурной сети и ее операций. Большую часть работы в отделе могли бы запросто выполнять молодые клерки, если бы не режим особой секретности, а потому это подразделение и стало одним из отстойников, куда направляли проверенных оперативников,

которым вскоре предстояло уйти на покой.

И жизнь Лимаса покатилась под откос.

Обычно люди его положения падают на дно далеко не сразу — это процесс в большинстве случаев достаточно затяжной, но с Лимасом все получилось иначе. На глазах коллег он из человека, с достоинством уходящего в отставку, превратился в отвратительного забулдыгу — и это за считаные недели. Пьющие люди быстро глупеют, что становится особенно заметно, когда они трезвы, и эта глупость воспринимается порой поверхностными наблюдателями как некое самоотречение, сбивчивость в мыслях и поступках как некое недоступное другим знание. Лимас приобрел эту особенность характера в изумительно короткий срок. Он сделался мелочно лжив, занимал у секретарш небольшие суммы денег, которые забывал возвращать, являлся на работу поздно, а уходил рано, придумывая самые вздорные предлоги. Поначалу товарищи по работе относились к его выходкам снисходительно: возможно, его жизненный крах пугал их так же, как иногда страшат нас нищие и калеки просто потому, что мы опасаемся стать однажды такими же, как они. Но постоянная грубость, беспричинная озлобленность, пренебрежение своими

обязанностями в конце концов образовали вокруг него пустоту.

Но больше всего сотрудников Цирка поразило равнодушие, с которым Лимас воспринял свое отстранение от реальных дел. Казалось, сила воли внезапно оставила его. Молоденькие секретарши, которые прежде отказывались верить даже в то, что в святая святых спецслужб могут работать простые смертные, с особой тревогой воспринимали откровенный распад личности Лимаса. Он перестал следить за собой, его больше совершенно не волновало, кто и что его окружает. Он обедал в дешевой столовой, где обычно можно было встретить только нижних чинов и вольнонаемных из обслуги, а о том, как сильно он пьет, уже ходили не сплетни, а легенды. Он превратился в одиночку, совершил исполненный трагизма переход в унылую группу все еще способных на активные действия людей, которых преждевременно лишили этой возможности, вроде пловцов без пропуска в бассейн или актеров, изгнанных со сцены.

Среди тех, кто не был в курсе реального положения дел, тоже ходили разговоры о том, что он совершил в Берлине серьезные ошибки, из-за чего агентурная сеть понесла существенный

урон, однако никто толком ничего не знал, и все довольствовались домыслами. Сходились только в том, что с ним обошлись необычайно жестоко, даже сотрудники отдела кадров, где сидели те еще филантропы. Когда он проходил мимо, на него незаметно указывали непосвященным, как это бывает с великими в прошлом спортсменами: «Тот самый Лимас. Он напортачил в Берлине. Просто ужас, как человек опустился».

А в один прекрасный день он просто пропал, ни с кем не попрощавшись. Даже, по всей видимости, с Шефом. Сам по себе его незаметный уход не стал бы чем-то из ряда вон выходящим. В силу специфики секретной службы здесь не устраивали пышных проводов с шампанским и вручением именных золотых часов, но даже на таком фоне исчезновение Лимаса выглядело уж очень неожиданным. Ведь, по просочившимся данным, его контракт к тому времени еще оставался в силе. Элси из бухгалтерии, как всегда, поделилась некоторыми крупицами информации: Лимас потребовал выдать ему зарплату вперед наличными, а это, если Элси хоть что-то понимала в своем деле, означало, что у него возникли проблемы с банком. Причитавшееся ему выходное пособие должны были выплатить в

конце месяца — она не знала, сколько в точности, но сумма даже не четырехзначная, вот бедняга! Карточку социального страхования ему выслали на дом. У кадровиков имелся его домашний адрес, но они, говорила Элси, фыркая, ни за что никому его не дадут. Им это строго запрещено, кадровикам то бишь.

Затем всплыла история с другими деньгами. Пополз слух, источник которого, как всегда в таких случаях, остался неизвестным, что поспешное исчезновение Лимаса было связано с вскрывшимися злоупотреблениями в банковском отделе. Пропали большие деньги (сумма теперь называлась именно четырехзначная, как настаивала сотрудница коммутатора с подсиненными волосами), но они сумели почти все вернуть, а на его пенсию наложили арест. Однако многие не воспринимали эту байку всерьез. Если бы Алек захотел обчистить кассу, говорили знатоки, он сделал бы это ловко, не оставив следов в финансовой отчетности штаб-квартиры. Никто не спорил, что он способен на такое, не верилось, наоборот, что он не сумел провернуть простой трюк и не попасться. Но в ответ на это те, кто не склонен был преувеличивать криминальный потенциал Лимаса, настаивали, что надо при-

нимать в расчет злоупотребление спиртным, дороговизну наемного жилья, непривычную для Лимаса огромную разницу между зарплатами в Лондоне и за рубежом, но прежде всего соблазн, возникавший перед человеком, оперировавшим крупными суммами денег из сомнительных источников, зная, что его дни в Цирке сочтены. Впрочем, и те и другие сходились во мнении, что если Алек в самом деле запустил лапу в горшок с медом, то человек он конченый. Теперь ему никто не подыщет другое теплое местечко, как было принято, и рекомендаций он не получит или получит такие, от которых холодный пот прошибет любого возможного работодателя. Казнокрадство принадлежало к числу грехов, за которые не было прощения. И человек, посмевший обокрасть Цирк, даже в могилу ложился с клеймом вечного проклятия, а на похороны контора не то что венка бы не прислала — не оплатила бы даже саван для покойника.

Недели две после исчезновения Лимаса, быть может, всего несколько человек гадали, куда он подевался. Но к тому времени многие бывшие приятели уже старались держаться от него подальше. Он превратился в зануду и всякий разговор сводил к нападкам на Цирк, а паче всего

— на руководство, которое называл не иначе как «цирковыми наездниками», управлявшими разведкой так, словно это был их личный полковой клуб. При этом он никогда не упускал случая критически отозваться об американцах вообще и о ЦРУ в частности. Казалось, Лимас ненавидел заокеанских союзников даже больше, чем Абтайлунг, о котором он упоминать не любил вообще. У него проскальзывали намеки, что именно американцы скомпрометировали его агентурную сеть. Это превратилось в своего рода навязчивую идею. Причем все попытки разубедить его оказывались тщетными. Встречи с ним превратились в мучительную пытку, и даже лучшие друзья, которые не только хорошо знали Лимаса, но и, можно сказать, любили его, постепенно от него отдалились. Вот почему уход Лимаса вызвал лишь легкую рябь на поверхности воды: подули новые ветры, сменилось время года, и скоро о нем забыли.

Лимас жил в крохотной и сильно запущенной квартирке с коричневыми стенами, украшенными пейзажами Кловелли[8]. Из нее открывался

[8] Примечания: 8

Живописный английский рыбацкий городок на берегу Атлантического океана.

вид на задние дворы трех серых каменных складских зданий, окна которых, видимо из соображений эстетики, густо замазали креозотом. Поверх одного из складов обитала семья итальянских иммигрантов, бесконечно ссорившихся по ночам, а по утрам непременно принимавшихся выбивать ковры. Способов сделать свое жилье чуть более уютным у Лимаса было немного. Он смог лишь купить абажуры, чтобы прикрыть ими голые лампочки, и две пары простыней на замену тем полотнищам дерюги, которые ему выдал вместо постельного белья домовладелец. Остальное Лимасу приходилось просто терпеть: неподшитые шторы в цветочек, потертые коричневые ковры и грубую потемневшую мебель, словно переехавшую сюда из общежития для моряков. Из крана над желтой потрескавшейся раковиной за шиллинг можно было извлечь горячую воду.

Лимас нуждался в работе. Денег не было. Не было совсем. Так что, по всей вероятности, история с неудавшимся хищением оказалась правдой. В отделе кадров ему все-таки подобрали несколько альтернативных мест работы, но Лимасу они показались слишком низкооплачиваемыми или до смешного не подходящими именно для него.

Сначала он попробовал себя на производстве. Фирма, выпускавшая промышленные клеи, приняла его на должность помощника менеджера по кадрам — их не смутила весьма двусмысленная рекомендация, полученная им в Цирке. Работа не требовала специальной подготовки, а зарплата составила шесть сотен в год. Продержался он ровно неделю, к концу которой мерзкая вонь гнилого рыбьего жира насквозь пропитала его одежду и волосы, забив ему ноздри, как запах мертвечины. Никаким мылом отмыться от нее оказалось невозможно, и кончилось тем, что Лимасу пришлось постричь свои и без того короткие волосы почти наголо и выбросить два лучших костюма. Еще неделю он провел в попытках продавать энциклопедии домохозяйкам из пригородов, но слишком очевидно не принадлежал к тому типу мужчин, который домохозяйкам нравился или хотя бы был понятен: они с порога отвергали Лимаса вместе с его энциклопедиями. Вечер за вечером он усталый возвращался в свою квартирку с образцом под мышкой и в конце недели позвонил в фирму и сообщил, что не сумел ничего продать. Там нисколько не удивились, напомнили только, что он обязан вернуть выданный ему демонстрационный экземпляр, если он пре-

кращает работать на них, и отключились. Лимас выскочил из телефонной будки в такой ярости, что забыл там энциклопедию, дошел до ближайшего паба и напился вдрызг, на что потратил двадцать пять шиллингов, чего не мог себе позволить. А потом его еще и вышвырнули на улицу, когда он наорал на проститутку, пытавшуюся его снять. Это сопровождалось жестким напутствием никогда больше не появляться в заведении, но уже через неделю ему все простили, и скоро он стал там своим.

Постепенно Лимас сделался известной личностью в округе — серая шаркающая фигура из района многоквартирных домов. Все знали: из него слова лишнего не вытянешь, а друзей ни среди мужчин, ни среди женщин у него нет. Не завел он даже собаки. Окружающие догадывались, что у него какие-то проблемы. Не иначе как муж, сбежавший от семьи и алиментов. Он ни на что не знал цен и не запоминал, когда их ему называли. Охлопывал все карманы в поисках мелочи и вечно забывал взять с собой в магазин корзинку, а потому ему всякий раз приходилось тратиться на покупку пакета. Обитателям улицы он не нравился, но они почти готовы были пожалеть его. Он ходил неряшливый, в грязных

рубашках, небритый даже по воскресеньям.

Некая миссис Маккэйрд с Садбери-авеню подрядилась заниматься уборкой его квартиры, но, не услышав за неделю ни одного доброго слова, отказалась от неблагодарного труда. Она стала важным источником информации для улицы, где торговцы хотели узнать о нем побольше на случай, если он попросит отпустить товар в кредит. Миссис Маккэйрд верить ему в кредит не советовала. Лимас за все время не получил ни одного письма, и все согласились с ней, что дела его, стало быть, совсем плохи. Она не видела у него ни одной фотографии, лишь несколько книг. Ей показалось, что одна из книжек была грязного содержания, хотя она не могла проверить это, поскольку не владела иностранными языками. По ее мнению, у него еще пока водились какие-то деньги на жизнь, но они подходили к концу. Как она выяснила, по четвергам он получал пособие по безработице. Обитатели Бэйсуотера, таким образом, были предупреждены и держались настороже. От той же миссис Маккэйрд стало известно, что он пьет, как извозчик: это подтверждал и владелец паба. Бармены и уборщицы, как известно, в кредит не обслуживают, зато те, кто кредиты иногда предоставляет, ценят их знание

клиентуры на вес золота.

4
Лиз

Наконец он согласился попробовать поработать в библиотеке. На бирже труда ему подсовывали это место каждый раз, когда в четверг утром он являлся за пособием, но он упрямо отказывался.

— Может, это и не ваше призвание, — в очередной раз сказал ему мистер Питт, — но платят неплохо, а работа несложная для грамотного человека.

— Что это за библиотека? — поинтересовался Лимас.

— Бэйсуотерская библиотека литературы по паранормальным явлениям. Она создавалась на частные пожертвования. У них и так были тысячи томов, а недавно они получили в дар еще целую кучу. Вот почему им понадобился дополнительный работник.

Он взял пособие и бумажку с адресом.

— Публика там несколько необычная, — добавил мистер Питт, — но ведь и вы нигде надолго не задерживаетесь, так? Мне кажется, стоит попробовать.

Странный он был, этот Питт. Лимаса не покидала уверенность, что они встречались раньше. А если точнее, то в Цирке во время войны.

Внутри библиотека оказалась похожей на церковь и такой же холодной. От двух черных масляных обогревателей, стоявших вдоль стен, густо несло керосином. В центре зала находилась кабинка, похожая на место для свидетелей в суде, внутри нее сидела мисс Крэйл, библиотекарь.

Лимасу как-то и в голову не пришло, что работать ему предстоит под началом у женщины. На бирже труда никто его об этом не предупредил.

— Я — ваш новый помощник, — сказал он. — Моя фамилия Лимас.

Мисс Крэйл так резко вскинула голову, оторвав свое внимание от коробки с карточками, словно при ней кто-то только что грубо выругался.

— Помощник? Что значит помощник?

— Работник. С биржи труда. От мистера Питта. — Он положил перед ней отпечатанный на ротаторе бланк, куда косым почерком были внесены его данные.

Она взяла его и долго изучала.

— Вас зовут мистер Лимас. — Это не было вопросом, а как будто началом детального выяснения фактов. — И вы представитель биржи труда.

— Нет. Биржа труда только направила меня к вам. Они сказали, что вам нужен работник.

— Понятно. — На ее лице появилась деревянная улыбка.

В этот момент зазвонил телефон, она сняла трубку и начала с кем-то яростно спорить. Лимас догадался, что это была давняя размолвка, поскольку никаких предисловий не потребовалось. Она чуть повысила голос и стала говорить о каких-то билетах на концерт. Послушав минуту или две, Лимас оставил ее и пошел вдоль книжных полок. В одной из ниш он заметил девушку, стоявшую на стремянке и переставлявшую с места на место солидных размеров фолианты.

— Я — ваш новенький, — сказал он. — Моя фамилия Лимас.

Девушка спустилась с лестницы и пожала ему руку, пожалуй, немного формально.

— А я — Лиз Голд. Будем знакомы. Вы уже виделись с мисс Крэйл?

— Да, но она сейчас разговаривает по телефону.

— Наверняка спорит со своей матушкой. Чем вы будете заниматься?

— Пока не знаю. Работать.

— Сейчас мы как раз проводим инвентариза-

цию: мисс Крэйл завела новую картотеку.

Девушка была высокого роста, немного нескладная, с высокой талией и длинными ногами. На ней были туфли на тонкой плоской подошве, как у балетных пуантов, видимо, ей хотелось казаться хоть немного ниже. Подобно телу, ее лицо тоже состояло из крупных деталей и словно еще не решило, стать ему заурядным или красивым. Лимас дал ей на вид года двадцать два или двадцать три. Еврейка.

— Нам просто надо проверить, все ли книги в наличии на полках. А вот это формуляр. Когда вы находите нужную книгу, то карандашом надписываете формуляр и делаете отметку в инвентарном списке.

— А что потом?

— Только самой мисс Крэйл дозволено обвести карандашную запись чернилами. Таково правило.

— Чье правило?

— Его установила мисс Крэйл. Почему бы вам не начать с раздела археологии?

Лимас кивнул, и они вдвоем перешли к следующей нише, где на полу перед полками стояла обувная коробка с карточками.

— Вы занимались раньше чем-нибудь подоб-

ным? — спросила она.

— Нет. — Он наклонился, вынул из коробки пачку карточек и стал перебирать их. — Меня прислал мистер Питт с биржи труда. — Лимас положил карточки на прежнее место и спросил: — А заполнять чернилами карточки тоже разрешено только мисс Крэйл?

— Да.

Лиз оставила его одного. После минутного колебания он взял с полки книгу. Она называлась «Археологические открытия в Малой Азии». Том четвертый. Другие тома, похоже, отсутствовали.

Около часа дня Лимас проголодался. Он вернулся туда, где сортировала книги Лиз, и спросил:

— Как тут у вас обстоит с обедом?

— О, я всегда приношу с собой сандвичи. — Она слегка смутилась. — Могу с вами поделиться, если не возражаете. Здесь ни одного кафе на несколько миль кругом.

— Нет, спасибо, я пойду прогуляюсь. Нужно купить кое-что.

Она смотрела ему вслед, когда он выходил через вращавшиеся двери.

Вернулся он только в половине третьего. От него попахивало виски. В одном магазинном пакете у него лежали овощи, в другом — разного

рода бакалея. Он поставил пакеты в угол ниши и неспешно вернулся к изданиям по археологии. Он делал записи в формулярах минут десять, когда почувствовал, что за ним наблюдает мисс Крэйл.

— Мистер Лимас!

Он стоял на средней ступеньке стремянки, и ему пришлось посмотреть на нее через плечо сверху вниз.

— Слушаю вас.

— Вы не знаете, откуда здесь взялись эти пакеты?

— Они мои.

— Ясно. Стало быть, ваши.

Лимасу оставалось лишь ждать продолжения.

— Что ж, весьма сожалею, но должна уведомить вас, что у нас запрещено приносить в библиотеку продукты из магазинов, — сказала она после паузы.

— А где еще я мог их оставить? Я просто не мог пристроить их где-то в другом месте.

— Где угодно, но не в библиотеке, — отрезала она.

Лимас пропустил ее слова мимо ушей и снова занялся разбором археологического раздела.

— Если бы вы использовали только обычное время, отведенное на обеденный перерыв, —

продолжала мисс Крэйл, — у вас не было бы возможности делать покупки. Никто из нас так не поступает: ни я, ни мисс Голд. У нас нет времени ходить по магазинам.

— Так почему бы вам не добавить к обеду лишние полчаса? — спросил Лимас. — Тогда времени хватило бы на все. А если работы слишком много, можно на те же полчаса задержаться вечером. Чтобы наверстать.

Какое-то время она оставалась стоять, глядя на него и явно обдумывая ответ. Наконец объявила:

— Я обсужу этот вопрос с мистером Айронсайдом, — и вернулась за свою конторку.

Ровно в половине шестого мисс Крэйл надела пальто и, выкрикнув: «До завтра, мисс Голд!» — ушла.

Как понял Лимас, пакеты с продуктами не давали ей покоя всю вторую половину дня. Он прошел в соседнюю нишу, где Лиз Голд сидела на нижней ступеньке лестницы и читала что-то вроде брошюры. Заметив Лимаса, она с виноватым видом сунула ее к себе в сумочку и встала.

— Кто такой мистер Айронсайд? — спросил Лимас.

— У меня такое ощущение, что его не существует в природе, — ответила она. — Это придуман-

ный мисс Крэйл большой начальник, которым она начинает грозить, если не справляется с проблемой сама. Я однажды тоже поинтересовалась, кто он такой. Она начала нервничать, напускать тумана, а потом сказала: «Вам это знать не обязательно». Так что я не верю в его реальность.

— Мне показалось, что в нее не верит и сама мисс Крэйл, — заметил Лимас, заставив Лиз Голд улыбнуться.

В шесть часов она заперла библиотеку и отдала ключ ночному сторожу — очень дряхлому старику, которого контузило еще в Первую мировую войну. По словам Лиз, он добросовестно бодрствовал все ночи, но только из опасения, что немцы могут перейти в контратаку. На улице стоял жесточайший холод.

— Вам далеко отсюда? — спросил Лимас.

— Двадцать минут. Я всегда хожу пешком. А вам?

— Еще ближе, — ответил Лимас. — Доброй ночи. — И он медленно побрел в сторону своего дома.

Войдя в квартиру, Лимас попытался включить свет, но не вышло. Он попробовал выключатель в кухне, а потом электрический камин, стоявший рядом с постелью. На коврике у двери лежал

конверт, Лимас подобрал его и вынес под свет тусклой желтой лампы лестничной клетки. Письмо было от местного менеджера электрической компании, который страшно сожалел, но был вынужден отключить энергоснабжение, пока жилец не уплатит причитавшийся с него долг в сумме девяти фунтов четырех шиллингов и восьми пенсов.

Для мисс Крэйл он стал врагом, а иметь врагов мисс Крэйл очень нравилось. Она либо бросала на него злые взгляды, либо вообще не обращала внимания, но, стоило ему приблизиться, начинала дрожать, оглядываясь по сторонам, словно искала какой-то предмет как оружие для защиты или просчитывала путь побега. Временами она страшно обижалась на него. Так происходило, например, всякий раз, когда он вешал свое пальто на ее крючок, и тогда она могла стоять перед ним и трястись от возбуждения минут пять, пока Лиз не обращала на это внимания и не звала Лимаса.

Тот подходил и спрашивал:

— Вас что-то беспокоит, мисс Крэйл?

— Ничего, ровным счетом ничего, — отвечала она напряженным голосом, тяжело дыша.

— Что-то не так с моим пальто?

— С ним все в порядке.

— Хорошо. — Он пожимал плечами и возвращался к своей работе.

Но после этого она пребывала в нервном состоянии весь день и половину утра общалась с кем-то по телефону театральным шепотом.

— Это она со своей матерью, — объяснила Лиз. — Маме она рассказывает обо всем. Обо мне тоже.

Ненависть мисс Крэйл к Лимасу постепенно достигла такого накала, что ей стало трудно даже разговаривать с ним. В день зарплаты он возвращался после обеда и всегда находил на третьей ступеньке стремянки конверт со своей фамилией, написанной с ошибками. Когда это случилось впервые, он подошел к ней, держа в руках деньги и конверт, чтобы сказать:

— Моя фамилия пишется через «и», мисс Крэйл, и в ней только одно «с».

От испуга ее сначала чуть не разбил паралич, а потом она принялась бесцельно крутить в пальцах карандаш, дожидаясь, пока Лимас оставит ее. Затем она больше часа провисела на телефоне.

Примерно через три недели после того, как Лимас начал работать в библиотеке, Лиз пригласила его к себе на ужин. Она сделала вид, что эта мысль пришла ей в голову совершенно внезапно в пять

часов вечера: похоже, она сразу поняла, что, если пригласить его на завтра или послезавтра, он может забыть об этом или просто не прийти, и потому пригласила на пять того же вечера. Лимасу сначала откровенно не понравилась ее идея, но в итоге он все же согласился.

Они шли в сторону ее дома под дождем, и в этот момент, казалось, могли быть в любом городе — Берлине, Лондоне, — в любом, где плитки тротуаров под вечерним дождем превращались в подсвеченные водные дорожки, а машины издавали шинами унылое хлюпающее шуршание по промокшим мостовым.

Лимас потом часто приходил поесть к ней домой. Приходил каждый раз, когда она приглашала, а приглашала она его постоянно. При этом он почти все время молчал. Но стоило у нее появиться уверенности, что он примет очередное приглашение, как она приобрела привычку заранее накрывать на стол еще утром перед уходом на работу. Она успевала даже приготовить овощи и расставить на столе подсвечники, потому что сама обожала свечи. Лиз сразу заметила, что в жизни Лимаса что-то очень неправильно, и догадывалась, что однажды, по причинам, которых она никогда не поймет, он разорвет знакомство

с ней и она никогда его больше не увидит. И она старалась объяснить ему свою готовность ко всему. Однажды вечером так и сказала:

— Ты уйдешь, когда сам этого захочешь. Я не стану искать тебя, Алек.

Его карие глаза несколько секунд пристально смотрели на нее.

— Хорошо, я предупрежу тебя заранее, — ответил он.

Ее квартира состояла всего из одной комнаты — гостиной, одновременно служившей спальней, — и кухни. В комнате стояли два кресла, диван-кровать и книжный шкаф, набитый дешевыми изданиями классики в мягких обложках, которую она никогда не читала.

После ужина Лиз обычно пыталась поговорить с ним, а он лежал на диване и курил. Она никогда не понимала, слышит ли он ее вообще, и не обращала на это особого внимания. Порой она опускалась на колени рядом с диваном, прижимала его руку к своей щеке, не переставая говорить.

Но однажды вечером Лиз очень серьезно спросила:

— Во что ты веришь, Алек? Пожалуйста, не смейся надо мной. Ответь.

Она ждала, и через какое-то время он ответил:

— Я верю, что автобус одиннадцатого маршрута доставит меня в Хаммерсмит. Но не верю, что за его рулем будет сидеть Санта-Клаус.

Даже такой ответ она попыталась обдумать, а потом спросила еще раз:

— Во что ты веришь?

Лимас пожал плечами.

— Но ты же должен во что-то верить, — упорствовала она. — Хотя бы в Бога. Я ведь знаю, что в тебе есть вера, Алек. Порой я смотрю на тебя, и ты выглядишь так, словно на тебе лежит какая-то особая миссия, как на жреце божества. Не надо усмехаться, Алек. Ведь это правда.

Он помотал головой.

— Прости, Лиз, но ты все вывернула наизнанку. Я не люблю американцев и частные школы. Я не люблю военных парадов и людей, которые платят большие деньги солдатам. — И уже без тени улыбки он добавил: — И очень не люблю разговоров по душам.

— Но тогда, Алек, с таким же успехом ты мог бы утверждать…

— Мне следовало добавить, — перебил Лимас, — что больше всего я не люблю тех, кто указывает мне, о чем мне следует думать.

Она понимала: он уже начинает закипать, но остановиться была не в силах.

— Это потому, что ты не хочешь ни о чем думать, не осмеливаешься задуматься о серьезных вещах! В твоем сознании разлит яд, оно полно ненависти. Ты — фанатик, Алек. Я только пока не поняла, что служит предметом твоего фанатизма. Ты относишься к числу тех редких фанатиков, которые не стремятся никого обратить в свою веру, и это самое опасное, что я ощущаю в тебе. Ты похож… Ты словно дал клятву отомстить кому-то.

Карие глаза пристально смотрели на нее. Когда он заговорил, ее привел в ужас его зловещий тон.

— На твоем месте, — произнес он предельно грубо, — я бы не совал нос в чужие дела.

Но затем он лукаво улыбнулся, как не улыбался никогда прежде, и Лиз поняла: он пытается спасти ситуацию, пустив в ход свое обаяние.

— А во что верит сама наша очаровательная Лиз? — спросил он, и она с горечью бросила:

— Ты, как я вижу, Алек, считаешь меня совсем дурочкой, от которой можно легко отмахнуться?

Позже тем же вечером они вернулись к этой теме. На этот раз первым ее затронул Лимас, спросив Лиз, религиозна ли она.

— Ты меня неправильно понял, — сказала она. — Все не так. В Бога я не верю.

— Тогда во что же?

— В историю.

Он несколько мгновений смотрел на нее в полнейшем изумлении, прежде чем расхохотался:

— О, Лиз… Нет… Этого не может быть. Неужели ты чертова коммунистка?

Она кивнула, покраснев, как сопливая девчонка, разозлившись на его смех, но с облегчением поняв, что он не придает этому значения.

В ту ночь она уговорила его остаться у нее, и они стали любовниками. Но в пять утра он неожиданно поднялся и ушел. Ей это казалось непостижимым: она была счастлива, а он как будто устыдился чего-то.

Он вышел из подъезда ее дома и, свернув, пошел вдоль пустынной улицы в сторону парка. Над городом висел туман. Ярдах в двадцати или чуть дальше виднелась фигура мужчины в плаще, низкорослого, несколько полноватого. Он уперся спиной в металлическую ограду парка, и его силуэт то четко вырисовывался, то наполовину растворялся в тумане. Когда Лимас подошел ближе, туман вдруг сгустился, полностью поглотив фигуру в плаще. А когда рассеялся, там уже

никого не было.

5
Кредит

А потом в один из дней неделю спустя Лимас не появился в библиотеке. Мисс Крэйл была в восторге. К половине двенадцатого она уже доложила о знаменательном событии матушке, а вернувшись после обеда, надолго замерла перед полками археологического раздела, где он работал с первого дня. Она подчеркнуто внимательно сканировала взглядом ряды книг, и Лиз поняла: мисс Крэйл демонстративно проверяет, не украл ли Лимас чего-нибудь.

Остаток дня Лиз полностью игнорировала начальницу, даже не отвечая порой на ее прямые вопросы и целиком сконцентрировавшись на своей работе. Вечером она добрела до дома и заснула, только когда у нее больше не осталось слез.

На следующее утро она пришла в библиотеку необычайно рано. У нее возникла беспочвенная надежда, что чем раньше она там появится, тем скорее сможет снова увидеть Лимаса. Однако уже через несколько часов ее иллюзии рассеялись.

Она поняла: он больше никогда не переступит порога библиотеки. В тот день она забыла приготовить себе на обед сандвичи, а потому решила автобусом добраться до Бэйсуотер-роуд и поесть в закусочной. Она чувствовала себя больной и опустошенной, но не голодной. Может, попробовать найти его? Она обещала не следовать за ним, но ведь и он сказал, что непременно предупредит ее. Так искать или нет?

Лиз поймала такси и назвала его адрес.

Поднявшись по грязной лестнице, она нажала кнопку звонка. Тот, по всей видимости, не работал: до нее не донеслось ни звука. На половике стояли три бутылки молока, рядом лежало письмо из электрической компании. После минутного колебания она громко постучала в дверь и расслышала в ответ едва уловимый стон. Лиз бросилась вниз по лестнице и принялась звонить и стучать в квартиру этажом ниже. Не дождавшись, пока ей откроют, сбежала еще на этаж и оказалась в подсобном помещении продуктовой лавки. В самом углу сидела старуха, покачиваясь в кресле.

— Квартира наверху, — почти прокричала Лиз. — Там очень сильно заболел человек. У кого есть ключ?

Старушка несколько секунд разглядывала ее, а потом крикнула в сторону передней части дома, где располагался магазин.

— Артур, иди сюда! Здесь какая-то девушка!

В проем двери заглянул мужчина в коричневом рабочем халате, но в шляпе.

— Что за девушка?

— Там наверху кто-то серьезно заболел, — объяснила Лиз, — и не может сам открыть дверь. У вас нет ключа?

— Нет, — ответил мужчина, — но у меня есть тяжелый молоток.

И они поспешили наверх. Бакалейщик, так и не снявший модной шляпы, прихватил с собой отвертку и молоток, похожий на кувалду. Он звучно постучал, и они, затаив дыхание, стали ждать отзыва. Но ничего не услышали.

— Там раздался стон, когда я постучала в первый раз. Клянусь, это правда, — прошептала Лиз.

— Вы заплатите за ремонт двери, если я ее высажу?

— Да.

Он с ужасающим грохотом принялся работать молотком. Но ему хватило всего трех сильных ударов, чтобы выбить ту часть двери, где располагался замок. Лиз вошла первой, торговец

последовал за ней. В комнате стоял ледяной холод и царил почти полный мрак, но на кровати в углу они разглядели фигуру мужчины.

«Боже милостивый! — подумала Лиз. — Если он мертв, у меня может не хватить смелости прикоснуться к нему».

Но, подойдя ближе, она убедилась, что Лимас жив. Открыв шторы, Лиз опустилась на колени рядом с постелью.

— Я позову, если мне понадобится помощь. Спасибо вам, — сказала она, не оглядываясь.

Бакалейщик только кивнул и спустился в лавку.

— Алек, что с тобой? Ты болен? Что с тобой?

Лимас повернул голову на подушке. Его запавшие глаза оставались закрытыми. Черная борода резким контрастом выделялась на бледном лице.

— Алек, не молчи. Ты должен сказать мне. Пожалуйста!

Она зажала его руку между ладонями. Слезы бежали по ее щекам. В отчаянии она не сразу сообразила, что ей делать, потом вскочила на ноги, бросилась в кухню и поставила чайник на газ. Она пока не слишком ясно представляла, как действовать дальше, но ей приносила об-

легчение возможность делать хоть что-нибудь. Оставив чайник на огне, она взяла свою сумочку, схватила ключ от квартиры Лимаса со стола у кровати, быстро снова спустилась на четыре пролета лестницы и перебежала через дорогу к аптеке мистера Слимана. Она купила желе, сваренное на телячьих ножках, бульонных кубиков и склянку с аспирином. Кинулась было назад, но вернулась и попросила еще и пакет гренок. Все это обошлось ей в шестнадцать шиллингов, после чего у нее осталось четыре шиллинга в кошельке и одиннадцать фунтов на счету, но ничего из этих денег она не смогла бы теперь снять до завтра. К моменту ее возвращения чайник как раз закипел.

Она приготовила мясной бульон, как делала когда-то ее мама: в стакане, куда опустила ложку, чтобы он не треснул. При этом она непрерывно посматривала на Алека, все еще опасаясь, что он может умереть.

Потом Лиз помогла ему лечь повыше на кровати, чтобы он смог выпить бульон. У него была всего одна подушка, и ей пришлось снять с вешалки у двери плащ, чтобы свернуть его и подложить ему под спину. Ей все же было страшновато прикасаться к нему: он настолько пропитался потом,

что его чуть отросшие короткие волосы стали влажными и скользкими на ощупь. Поставив стакан рядом с постелью, она одной рукой приподняла ему голову, а другой стала поить. Когда Лимас с трудом сделал несколько глотков, Лиз измельчила две таблетки аспирина и смешала лекарство с очередной ложкой бульона. Она разговаривала с ним, как с ребенком, сидя на краю постели, глядя на него, уже без тени страха ощупывая пальцами его голову и лицо, раз за разом шепотом повторяя его имя:

— Алек, Алек…

Постепенно его дыхание стало более глубоким и ровным, мышцы расслабились, а лихорадочное метание сменилось покоем сна. Наблюдавшая за ним Лиз почувствовала, что худшее позади. И только теперь до нее внезапно дошло, что за окном успело почти совсем стемнеть.

А потом ей стало стыдно за себя: ей, конечно же, следовало навести здесь хоть какой-то порядок. Лиз вскочила, нашла в кухне веник и тряпку и взялась за дело со всей своей молодой энергией. Обнаружив среди его вещей чистое посудное полотенце, она аккуратно расстелила его вместо скатерти на прикроватном столике, перемыла посуду, поставив ее рядом с раковиной для

просушки. Когда с работой было покончено, она посмотрела на часы и увидела, что уже половина девятого. Снова поставив чайник, вернулась к постели. Лимас смотрел на нее.

— Не сердись на меня, пожалуйста, Алек, — сказала она. — Я уйду. Обещаю, что непременно уйду, только позволь мне нормально покормить тебя. Ты болен, ты не можешь пока оставаться один… О, Алек!

Что-то в ней надломилось, и она разразилась слезами. Она прикрыла лицо ладонями, но слезы упрямо просачивались между пальцами, как это бывает у детей. И он позволил ей выплакаться, не сводя с нее своих карих глаз и вцепившись обеими руками в край простыни.

Лиз помогла ему умыться и побриться, нашла чистую смену постельных принадлежностей. Потом накормила телячьим желе и консервированными куриными грудками, тоже купленными у мистера Слимана. Сидя на постели и глядя, как он ест, она подумала, что никогда прежде не испытывала такого счастья.

Вскоре Лимас снова заснул. Лиз укрыла его одеялом до плеч и подошла к окну. Раздвинув ветхие шторы и приподняв раму, высунулась наружу. Светились еще два окна из тех, что вы-

ходили во двор. В одном из них мерцал голубыми отблесками экран телевизора, и фигуры сидевших перед ним людей оставались завороженно неподвижными; в другом сравнительно молодая женщина накручивала волосы на бигуди. Глядя на жалкую жизнь этих людей, Лиз снова захотелось плакать.

Она заснула, сидя в кресле, а проснулась, когда уже почти рассвело, чувствуя холод и онемение во всем теле. Лиз подошла к кровати. Лимас заворочался, стоило ей посмотреть на него, и она приложила кончик пальца к его губам. Глаз он не открыл, но взял ее за руку и осторожно притянул к себе на постель, а она вдруг почувствовала, как хочет его. Ничто больше не имело значения. Она стала целовать его снова и снова, а когда в следующий раз встретилась с ним взглядами, ей показалось, что он улыбался.

Лиз приходила к нему шесть дней подряд. Он почти не разговаривал с ней, а в ответ на вопрос, любит ли он ее, ответил, что не верит в сказки. Она ложилась рядом с ним на кровать, клала голову ему на грудь, и порой он запускал свои плотные и сильные пальцы ей в волосы, крепко сжимая их в кулаке, и Лиз со смехом просила не

делать ей больно. В пятницу вечером она застала его полностью одетым, но небритым и удивилась, почему он не побрился. Ее терзала необъяснимая тревога. Из комнаты стали пропадать мелкие вещицы — сначала часы, потом дешевый переносной транзисторный приемник, всегда прежде стоявший на столе. Лиз хотела спросить его об этом, но не осмелилась. Она купила яиц, ветчины и приготовила ужин на двоих, пока Лимас сидел на кровати и курил сигареты одну за другой. Когда у нее все было готово, он пошел на кухню и вернулся с бутылкой красного вина.

За едой он не проронил ни слова, а ее страх все возрастал, пока не стал нестерпимым, и она вдруг не выдержала:

— Алек… О, Алек… Что это? Так мы с тобой прощаемся?

Он встал из-за стола, взял ее за руки, стал целовать так, как не целовал никогда прежде, и долго о чем-то ей говорил, тихо и нежно, рассказывал ей что-то, чего она почти не понимала и едва ли вообще слышала, потому что чувствовала — это конец, а остальное не имело значения.

— Да, прощай, Лиз, — сказал он. — Прощай. — И добавил: — Только никогда не ищи меня больше. Не надо.

Лиз кивнула и с трудом произнесла:

— Хорошо, ведь мы же договорились.

На улице она была только рада обжигавшему лицо холоду и темноте, помогавшей скрыть слезы.

Уже на следующее утро в субботу Лимас попросил мистера Форда, лавочника, о кредите. Причем сделал он это безыскусно, не приложив ни малейших стараний, чтобы его просьба увенчалась успехом. Он заказал с полдюжины разных продуктов питания — их общая стоимость едва ли превышала фунт, — а когда все это было приготовлено и уложено в пакет с ручками, сказал:

— Пришлите мне счет на квартиру.

Лавочник криво усмехнулся и ответил:

— Боюсь, не могу пойти на это. — Уважительное обращение «сэр» слишком явно не прозвучало в его словах.

— Почему, черт побери? — громко спросил Лимас, и небольшая очередь, возникшая позади него, заволновалась.

— Я вас не знаю, — заявил бакалейщик.

— Не стройте из себя идиота, — возразил Лимас. — Я хожу к вам уже четыре месяца.

Щеки торговца побагровели.

— Мы не отпускаем товары в кредит, не про-

верив платежеспособность клиента у его банкира, — сказал он, и тут Лимас сорвался на крик.

— Вы несете полную чушь! — заорал он. — Половина ваших покупателей ни разу вообще не бывала в банке. Они даже не знают, что это такое.

Такое оскорбление снести было особенно трудно, потому что оно полностью соответствовало действительности.

— Я вас не знаю, — повторил торговец еще более грубо, — и вы мне не нравитесь. Так что выметайтесь из моего магазина.

Он попытался выхватить сумку, которую Лимас, к несчастью, уже держал в руках. О случившемся потом рассказывали по-разному. Одни говорили, что в попытке завладеть пакетом лавочник толкнул Лимаса, другие оспаривали это. Но как бы то ни было, Лимас ударил его, по свидетельству очевидцев, дважды, причем ему даже не понадобилась для этого правая рука, в которой он все еще сжимал пакет. Бил он не кулаком, ребром левой ладони, а потом феноменально быстрым движением пустил в ход локоть. И торговец повалился на пол, не подавая признаков жизни. Позже в суде было заявлено, и защита не могла оспорить этих фактов, что бакалейщик получил

два основных повреждения — перелом лицевой кости от первого удара и вывих нижней челюсти от второго. Инцидент не остался не замеченным ежедневной прессой, но привлек не слишком много внимания со стороны репортеров.

6
Контакт

По ночам он лежал на своей шконке, вслушиваясь в звуки, издаваемые другими заключенными. Там был совсем еще юнец, который часто тихо плакал, а еще пожилой тюремный старожил, который любил распевать «Знавал я однажды девчонку из паба», отбивая ритм на своей жестяной миске. Охранник орал на него после каждого куплета:

— Затыкай, Джордж, нанюхались твоего дерьма!

Но на него никто не обращал внимания. Какой-то ирландец то и дело затягивал воинственные гимны Ирландской республиканской армии, хотя все знали, что посадили его за изнасилование.

В течение дня Лимас изнурял себя физическими упражнениями в надежде, что это поможет лучше спать, но толка не выходило никакого. Ночью некуда было деться от постоянного ощущения тюремной изоляции. Не оставалось ничего, пусть самого иллюзорного, что помогло бы отвлечься и хотя бы ненадолго избавиться от тошнотворной

клаустрофобии камеры. Вкус тюремной жизни заполнял его целиком: специфический запах робы, острая вонь дешевых дезинфицирующих средств, которые обильно использовались тюремщиками. И звуки. Звуки, исходившие от таких же пленников. Именно по ночам униженное положение заключенного становилось поистине невыносимым, по ночам Лимасу больше всего хотелось оказаться на залитой солнцем аллее одного из лондонских парков. По ночам он особенно ненавидел стальную клетку, в которой оказался, и приходилось сдерживать мощный внутренний порыв голыми руками раздвинуть прутья, раскроить черепа всем, кто держал его в неволе, и вырваться на свободу, на простор лондонских улиц. Иногда он думал о Лиз. Но позволял своим мыслям обращаться к ней лишь на короткие мгновения, подобные щелчку затвора фотоаппарата, вспоминал ощущение от прикосновения к ее крепкому телу и тут же переключался на что-нибудь другое. Лимас не привык жить воспоминаниями и мечтами.

Своих сокамерников он презирал, а они его ненавидели. Прежде всего за то, что ему удавалось оставаться тем, чем в глубине души хотел бы быть каждый из них: человеком-загадкой. Он

тщательно охранял от любопытствующих значительную часть своей личности; его не удавалось поймать в момент грусти и заставить пуститься в сентиментальный рассказ об оставшейся на воле подружке, о семье или детишках. Они ничего о нем не знали; выжидали, но он так ни разу и не разоткровенничался. Новички в тюрьме, как правило, делятся на два типа. Одни, испытывая стыд, страх и шок, со священным трепетом ждут инициации во все обряды и традиции жизни за решеткой. Другие же пытаются воспользоваться самой своей неопытностью, чтобы заискивать и заслужить одобрение тюремного сообщества. Лимас не делал ничего подобного. Казалось, ему нравилось демонстрировать остальным свое пренебрежение, а они ненавидели его еще и потому, что оказались совершенно не нужны ему, как и остальному миру. Они терпели десять дней, а потом перешли к действиям. Вожаки волчьей стаи не получали от него должных знаков почтения и подношений, а мелкая шушера чувствовала себя рядом с ним неуютно. И ему устроили «толкучку» в столовой за ужином. «Толкучка» — это тюремный ритуал, зародившийся еще в восемнадцатом веке и дошедший до наших дней лишь в слегка измененном виде. Его отличие

заключается в том, что все происходит словно случайно — миска с едой опрокидывается, и все ее содержимое оказывается у заключенного на робе. Лимаса в очереди обступили со всех сторон. Кто-то подтолкнул его, просунувшаяся сзади рука ударила под локоть, и дело было сделано. Лимас ничего не сказал, лишь внимательно вгляделся в несколько окружавших его лиц, а потом терпеливо выслушал грязную ругань надзирателя в свой адрес, хотя тот прекрасно знал, что случилось в действительности.

Четыре дня спустя, работая тяпкой на клумбе в тюремном дворе, он сделал вид, что споткнулся. Тяпку он при этом держал двумя руками поперек тела, так что ее острый конец на шесть дюймов высовывался из правого кулака. Чуть не упав, он вроде бы старался всего лишь сохранить равновесие, но заключенный, работавший рядом, почему-то вдруг сложился пополам, прижимая руки к животу. Больше попыток устроить ему «толкучку» не было.

Но самым странным из всего тюремного опыта ему совершенно неожиданно показался пакет, обернутый в коричневую бумагу и полученный при выходе на свободу. Ему даже пришло на ум необычное сравнение с брачной традицией: «Это

кольцо я надеваю на твой палец, чтобы взять в жены». «Этот бумажный пакет я вручаю тебе, чтобы вернуть в общество». Ему отдали пакет и заставили расписаться в получении, поскольку в упаковке лежала вся его личная собственность. Больше не осталось ничего. Для Лимаса этот момент стал самым унизительным за три месяца, и он преисполнился решимости избавиться от пакета сразу за тюремными воротами.

В целом он не доставил тюремщикам никаких проблем. Жалоб на него не поступало. Начальник тюрьмы, которого тоже слегка заинтриговал этот молчаливый заключенный, ни с кем не делясь своим открытием, списал все на ирландскую кровь, которая, как он был убежден, текла в жилах Лимаса.

— Что вы собираетесь делать, когда выйдете отсюда? — спросил как-то он.

Без намека на улыбку Лимас ответил, что хочет начать новую жизнь, и начальник мог только назвать его намерения «весьма похвальными».

— Как у вас с семьей? — поинтересовался он. — Может, удастся снова сойтись с бывшей женой?

— Попытаюсь непременно, — не моргнув глазом, заверил его Лимас. — Правда, она уже успела снова выйти замуж.

Офицер, надзиравший над условно досрочно освобожденными, рекомендовал Лимасу работу санитара в психиатрической больнице Букингемшира, и Лимас согласился подать туда заявление о приеме. Он записал адрес и даже время отправления поездов со станции Мэрилебон.

— Дорогу уже электрифицировали до самого Грейт-Миссендена, — с энтузиазмом сообщил офицер, и Лимас заверил, что его это тоже очень радует.

А потом ему выдали пакет и выпустили за стены тюрьмы. Он автобусом доехал до Мраморной арки, а оттуда пошел пешком. У него оставались кое-какие деньги, и он решил устроить себе хороший обед. Он мысленно проложил себе маршрут от Гайд-парка до Пиккадилли, а потом через Зеленый парк и Сент-Джеймсский парк к парламентской площади. Потом он пройдет мимо Уайтхолла к Стрэнду, где в большом кафе рядом с вокзалом Чаринг-Кросс можно было получить вполне приличный натуральный бифштекс за шесть шиллингов.

Лондон был сейчас как-то особенно хорош. Весна запоздала, и в парках еще вовсю цвели крокусы и нарциссы. С юга дул прохладный освежающий ветерок; он мог бы гулять в такую

погоду весь остаток дня. Но при нем все еще оставался пакет, от которого необходимо было избавиться. Урны для этой цели были маловаты — он будет выглядеть смешно, если попытается запихнуть пакет в одну из них. Он еще подумал, что стоит, быть может, предварительно кое-что вынуть оттуда — хотя бы документы: страховое свидетельство, водительское удостоверение и форму E.93 (он понятия не имел, что это такое) в толстом конверте с королевским гербом, — но потом решил плюнуть на все. Он сел на скамейку, положив пакет рядом, но не слишком близко, а потом отодвинулся еще чуть дальше от него. Спустя пару минут он вернулся на аллею парка, оставив пакет на скамейке. Но не успел сделать по аллее и нескольких шагов, как услышал окрик. Обернувшись на голос (чуть поспешнее, чем следовало бы), он увидел мужчину в плаще армейского образца, который делал ему знаки одной рукой, держа в другой его пакет.

Лимас сунул теперь обе руки в карманы и не собирался вынимать их оттуда. Он замер, глядя через плечо на мужчину в плаще. Тот явно растерялся, ожидая, видимо, что Лимас подойдет к нему или проявит хоть какой-то интерес. Но не дождался. Лимас только пожал плечами и

двинулся дальше по аллее. До него донесся новый окрик, на который он не обратил внимания, но понял, что мужчина устремился вслед за ним. Он слышал шаги по гравию, ускорившиеся почти до бега и быстро приближавшиеся, а потом уже несколько недовольный голос запыхавшегося человека:

— Эй, послушайте! Я к вам обращаюсь. Подождите!

Когда мужчина в плаще поравнялся с ним, Лимасу пришлось остановиться и снова посмотреть на него.

— В чем дело?

— Это ведь ваш пакет, верно? Вы забыли его на скамейке. Почему вы не вернулись, когда я в первый раз вас окликнул?

Высокий, курчавые темно-русые волосы, оранжевый галстук и бледно-зеленого оттенка рубашка; немного вызывающе, но скорее безвкусно, подумал Лимас. Похож на бывшего учителя, выпускника лондонской школы экономики, который теперь заведует драмкружком. К тому же близорук.

— Вы можете положить его туда, где взяли, — сказал Лимас. — Мне этот пакет не нужен.

Мужчина покраснел.

— Но вы же не имеете права так просто бросаться вещами, — сказал он. — Это получается мусор.

— Еще как имею, — возразил Лимас. — И это не мусор. Кому-нибудь он может пригодиться.

Он хотел пойти дальше, но незнакомец все еще стоял у него на пути, держа пакет в руках, как грудного младенца.

— Не мешайте мне, сделайте милость, — сказал Лимас. — Я должен идти.

— Но послушайте, — не унимался мужчина, даже несколько повысив голос. — Я лишь попытался оказать вам услугу. Зачем же так грубить?

— Если вы только хотели оказать мне услугу, — резко сказал Лимас, — то какого дьявола шли за мной все последние полчаса?

«А он не так уж плох, — подумал Лимас. — Даже не дернулся, хотя внутри, видимо, весь сжался».

— Вы мне показались похожим на одного человека, с которым я встречался в Берлине, вот и все.

— И потому вы полчаса следили за мной? — В голосе Лимаса звучал неприкрытый сарказм, и он ни на секунду не сводил взгляда своих карих глаз с лица собеседника.

— Никакие не полчаса. Я заметил вас только у Мраморной арки, и вы мне показались похожим

на Алека Лимаса. Когда-то я занял у него некоторую сумму денег. В то время я работал на Би-би-си в Берлине, и там был этот человек, у которого я брал взаймы, а денег не вернул. С тех пор меня мучила совесть. Вот почему я пошел за вами. Хотел убедиться, что не обознался.

Лимас продолжал в упор разглядывать его, ничего не говоря и лишь думая: «Нет, он не слишком хорош, но держится молодцом». Придуманная на ходу история шита белыми нитками, но не в этом дело. Лимасу понравилось, как быстро он среагировал, когда не удался такой простой с виду, можно сказать, классический подход.

— Предположим, я действительно Лимас, — сказал он наконец, — а вот вы кто такой, черт возьми?

Незнакомец представился как некий мистер Эйш.

— Пишется через «А», но читается как «Эй», — торопливо добавил он, и Лимас мгновенно понял, что он лжет. Эйш еще некоторое время продолжал притворяться, будто не уверен, что Лимас — это тот самый Лимас, а потому, когда они вместе сели обедать, вскрыл пакет, достал оттуда государственное страховое свидетельство и стал украдкой рассматривать его, как школьник

порнографическую открытку (такое сравнение Лимасу показалось удачным). Эйш заказал ужин без должной оглядки на цены, которая не была бы лишней на первый раз, и они пили франкенвейн в память о былом. Лимас настаивал, что совершенно не помнит Эйша, а тот не переставал удивляться этому. В его голосе даже звучало нечто вроде обиды. Они познакомились на вечеринке, напомнил он, которую Дерек Уильямс закатил у себя на Кудамм[9], и это был правильный адрес, где собралась тогда вся журналистская братия. Ведь такого шумного сборища Алек уж никак не мог забыть? Нет, Лимас ничего подобного не запомнил. Хорошо, но он же был знаком с Дереком Уильямсом из еженедельника «Обзервер», прекрасным парнем, часто собиравшим к себе гостей на выпивку с пиццей? Нет, у Лимаса вообще была отвратительная память на имена, к тому же речь шла о пятьдесят четвертом годе — с той поры много воды утекло… Странно, потому что Эйш (которого, между прочим, зовут Уильям, а для большинства знакомых он просто Билл) помнил. Эйш все *очень живо* помнил. Они пили стингеры из бренди с мятным ликером, и

[9] Примечания: 9
Сокращение от Курфюрстендамм.

все изрядно набрались, а потом Дерек привел роскошных девочек, чуть ли не половину кордебалета из кабаре «Малькастен». Алек уж точно запомнил хотя бы их, неужели тоже нет? И Лимасу показалось, что вот теперь он, кажется, начал что-то припоминать, и если Билл расскажет еще какие-то подробности…

Билл готов был продолжать с превеликим удовольствием, импровизируя на ходу, но прекрасно справляясь с этой задачей и подпустив в свой рассказ добрую толику секса: как они потом оказались в ночном клубе с тремя из тех девчонок: Алек, помощник советника по политическим вопросам из посольства и Билл. Как Биллу было неловко, потому что у него не оказалось при себе денег, и за него платил Алек, а когда Биллу захотелось затащить одну из красоток к себе домой, Алек ссудил ему еще десятку…

— Господи! — воскликнул наконец Лимас. — Вот теперь вспомнил. Все так и было.

— Я был уверен, что ты вспомнишь, — довольно закивал Эйш, глядя поверх бокала. — А теперь давай допьем остальное. Это так забавно!

Эйш принадлежал к тому типу людей, которые строят взаимоотношения с другими, чутко реагируя на их реакции и манеру поведения.

Столкнувшись с мягкостью, он становился напористым, встретив отпор — отступал. Не обладая самостоятельностью мышления, не имея собственных идей и вкусов, он подстраивался под настроения и пристрастия компаньона. Он был так же готов пить чай в «Фортнумсе», как и пиво в «Проспекте Уитби»[10], слушать военный оркестр в парке Сент-Джеймс или джаз в подвальчике на Комптон-стрит. Его голос мог исполниться проникновенным сочувствием к жертвам Шарпвилля[11], а мог дрожать от возмущения по поводу увеличения процента цветного населения в Великобритании. Лимасу подобная черта характера всегда казалась отталкивающей, ему хотелось издеваться над такими типами. Вот и сейчас он то и дело ставил Эйша в положение, когда тот вынужден был делать откровенные заявления, а сам потом давал задний ход, с наслаждением наблюдая, как Эйшу приходится неуклюже оправдываться, выбираясь из тупиков, в которые его постоянно загонял Лимас. А в тот день Лимас был в ударе и часто вел себя с такими извращен-

[10] Примечания: 10

Знаменитый лондонский паб.

[11] Примечания: 11

Город в Америке, где в 1960 г. полиция устроила массовую бойню среди чернокожих демонстрантов.

ным нахальством и наглостью, что собеседник с полным правом мог бы возмутиться и уйти — ведь он еще и платил за это, — но Эйш терпел. Низкорослый, грустного вида мужчина в очках, одиноко сидевший за соседним столом и погруженный в чтение руководства по производству подшипников, если бы подслушал их разговор, мог бы решить, что Лимас — садист по натуре. Если же он лучше и тоньше разбирался в людях, то понял бы, что Лимас на самом деле просто получает удовольствие, а заодно убеждается, что только человек с очень сильным внешним побудительным мотивом может покорно сносить подобное отношение к себе.

Около четырех часов они попросили принести счет, и Лимас сделал попытку оплатить свою часть, но Эйш и слышать не хотел об этом. Он сам расплатился с официантом и достал чековую книжку, чтобы вернуть долг Лимасу.

— Двадцать фунтов и ни пенсом меньше. — Он проставил на чеке дату. А потом поднял на Лимаса взгляд, полный любезного участия. — Чек ведь тебя устроит, не так ли?

Чуть покраснев, Лимас ответил:

— Видишь ли, у меня сейчас, как назло, нет счета в банке. Я только что вернулся из зарубеж-

ной поездки и еще не успел решить этот вопрос. Поэтому будет лучше, если ты дашь мне чек, который я смогу обналичить в банке, услугами которого пользуешься ты сам.

— Увы, дорогой друг, это никак невозможно! Мой банк так далеко, что тебе придется проходить таможню, чтобы получить деньги по этому чеку там.

Лимас пожал плечами, но Эйш только рассмеялся и предложил встретиться завтра в том же месте в час дня, чтобы он мог принести наличные.

На углу Комптон-стрит Эйш поймал такси, и Лимас махал вслед машине, пока она не скрылась из вида. Потом посмотрел на часы. Ровно четыре. Он догадывался, что за ним все еще следят, и потому прошелся до Флит-стрит и выпил чашку кофе в кафе «Блэк энд уайт». Прогулялся по книжным магазинам, почитал вечерние газеты, свежие экземпляры которых были выставлены в витринах редакций, а потом совершенно внезапно, словно эта идея осенила его в последний момент, запрыгнул на заднюю площадку проходившего мимо автобуса. Автобус довез его до Ладгейт-хилл, где угодил в пробку рядом со станцией подземки. Он покинул автобус и нырнул в метро. Купив билет

за шесть пенсов[12], он расположился в хвосте вагона и сошел уже на следующей станции. Затем сел в поезд до Юстона и оттуда пешком вернулся к Чаринг-Кросс. До вокзала он добрался уже в девять часов вечера, и холод заметно усилился. На грузовом дворе его ждал микроавтобус, водитель которого крепко спал за рулем. Лимас на всякий случай проверил номерной знак, а потом окликнул через стекло:

— Вы от Клементса?

Шофер, вздрогнув, проснулся.

— Мистер Томас?

— Нет, — ответил Лимас. — Томас не смог прийти. Я — Эмис из Хаунслоу.

— Забирайтесь в машину, мистер Эмис, — сказал водитель и открыл дверь.

Они направились на запад в сторону Кингс-роуд. Водитель знал, куда доставить пассажира.

Дверь ему открыл Шеф.

— Джорджа Смайли нет дома, — сказал он, — и я решил воспользоваться его гостеприимством. Входите.

Только когда Лимас вошел в прихожую, а дверь оказалась надежно заперта, Шеф включил свет.

---

[12] Примечания: 12
Такой билет предполагал поездку на большое расстояние.

— За мной следили до самого обеда, — заявил Лимас.

Они перешли в небольшую гостиную. Книги здесь были повсюду. Это была приятная на вид комната с высоким потолком и лепниной восемнадцатого века, большими окнами и добротно сложенным камином.

— Он увязался за мной еще с утра. Некто по фамилии Эйш. — Лимас закурил сигарету. — Мелкая сошка. Мы снова встречаемся с ним завтра.

Шеф внимательнейшим образом выслушал историю Лимаса полностью, этап за этапом, с того дня как он избил бакалейщика, и до сегодняшнего знакомства с Эйшем.

— Как вам тюрьма? — спросил Шеф, причем таким тоном, словно интересовался, хорошо ли Лимас отдохнул в отпуске. — Виноват, но мы никак не могли улучшить условия вашего содержания там, сделать жизнь чуть комфортнее. Это выглядело бы слишком подозрительно.

— Разумеется, я все понимаю.

— Мы должны быть последовательны. Всегда и во всем последовательны. Нам нельзя нарушать естественного хода событий. Как я понял, вы еще и тяжело болели. Сочувствую. Что с вами случилось?

— Обычная простуда.

— Как долго вы провалялись в постели?

— Дней десять.

— Какая неприятность! И что же, за вами некому было даже присмотреть?

Воцарилось продолжительное молчание.

— Вы же знаете, что она член компартии, верно? — спокойно спросил Шеф.

— Да, — подтвердил Лимас.

Они снова немного помолчали.

— Я не хочу ее ни во что впутывать.

— А с какой стати нам ее во что-то впутывать? — спросил Шеф теперь уже достаточно резко, и всего на мгновение Лимасу показалось, что ему в кои-то веки удалось пробить стену академичной невозмутимости начальника. — Кто-нибудь предлагал ее участие?

— Нет, — ответил Лимас. — Я лишь хотел особо подчеркнуть это. Мне ли не знать, как иной раз бывает? Любая активная операция может принять совершенно непредсказуемое направление, и в нее втягиваются посторонние. Ты думаешь, что поймал нужную рыбу, но в твоих сетях запутывается и другая. Я хочу, чтобы она полностью оставалась в стороне.

— О, здесь я с вами полностью согласен.

— Что за человека я встретил на бирже труда? Фамилия Питт. Он случайно не работал в Цирке во время войны?

— Я не знаю никого с такой фамилией. Как вы сказали? Питт?

— Да.

— Никогда не слышал. Говорите, он с биржи труда?

— О, ради бога! — пробормотал Лимас, но так, чтобы его было отчетливо слышно.

— Прошу прощения, — сказал Шеф, внезапно поднимаясь, — но я, кажется, совершенно пренебрегаю обязанностями заместителя хозяина дома. Не угодно ли что-нибудь выпить?

— Нет. Я хотел бы уехать на эту ночь, Шеф. Отправиться за город и немного заняться спортом. Дом функционирует?

— Я уже заказал машину, — сказал он. — В котором часу у вас завтра встреча с Эйшем? В час?

— Да.

— Тогда я позвоню Холдейну и скажу, что вы хотите немного поиграть в сквош. А еще советовал бы показаться доктору. Меня беспокоит та ваша простуда.

— Мне не нужен врач.

— Как будет угодно. — Шеф налил себе виски

и стал от нечего делать рассматривать книги Смайли на полках.

— Почему здесь нет Смайли? — спросил Лимас.

— Ему не по душе эта операция, — ответил Шеф совершенно равнодушным тоном. — Она, видите ли, противоречит его принципам. Он понимает ее важность, но не желает участвовать. Это тоже своего рода болезнь, — добавил он со странной улыбкой, — у которой постоянно случаются рецидивы.

— Не могу сказать, чтобы он встретил меня с распростертыми объятиями.

— Все верно. Он не хочет ни во что вмешиваться. Но ведь он рассказал вам о Мундте все, что знал? Дал вам о нем подробную информацию?

— Да.

— Мундт — очень опасный противник, — заметил Шеф. — Нам ни в коем случае не следует забывать об этом. И он первоклассный разведчик.

— Смайли известно, с какой целью проводится операция? Он понимает причину нашего особого интереса к Мундту?

Шеф кивнул и отпил глоток виски.

— Но она все равно ему не нравится?

— Только не думайте, что дело в каких-то мо-

ральных принципах. Он сейчас подобен хирургу, уставшему от вида крови. И потому предпочитает предоставить действовать другим.

— Скажите, — продолжал задавать вопросы Лимас, — почему вы так уверены, что эта нить приведет нас куда нужно? Откуда вы знаете, что мной занялись восточные немцы, а не, допустим, чехи или русские?

— Можете не сомневаться, — ответил Шеф, чересчур сильно надув щеки, — что об этом мы позаботились.

Когда они подошли к двери, Шеф мягко положил руку на плечо Лимаса.

— Это станет вашим последним заданием, — сказал он. — Потом можете навсегда возвращаться с холода. Кстати, о той девушке… Не хотите, чтобы мы ей помогли? Деньгами или чем-то еще?

— Когда все закончится, я сам о ней позабочусь.

— Хорошо. Вы правы. Было бы небезопасно предпринимать что-нибудь сейчас.

— Я лишь прошу оставить ее в покое, — повторил Лимас с особым нажимом. — Не хочу, чтобы к ней кто-то приближался, заводил на нее досье и прочее. Просто забудьте о ней.

Он кивнул Шефу на прощание и вышел в ночь. На холод.

7
Кивер

На следующий день Лимас на двадцать минут опоздал к обеду с Эйшем, и от него сильно разило виски. Но это нисколько не повлияло на настроение Эйша, который при виде Лимаса расплылся в радостной улыбке. Сообщив, что и сам слегка припозднился, задержавшись в банке, он протянул Лимасу конверт:

— Бумажками по одному фунту. Надеюсь, это не проблема?

— Спасибо, — ответил Лимас, — и давайте выпьем.

Он не побрился, и на нем была рубашка с грязным воротничком. Подозвав официанта, заказал себе двойную порцию виски и коктейль «розовый джин» для Эйша. Напитки скоро принесли, и у Лимаса заметно дрожала рука, когда он наливал в свой стакан содовую, чуть не расплескав ее по столу.

Они плотно пообедали, сопроводив еду обильными возлияниями, причем разговаривал за столом главным образом Эйш. Как Лимас и ожи-

дал, сначала он сосредоточился на себе самом. Трюк старый, но проверенный.

— Сказать тебе правду, я поймал удачу за хвост совсем недавно, — сказал он. — В статусе свободного журналиста пишу очерки об Англии для зарубежной прессы. После Берлина, признаться, я поначалу наделал глупостей. Би-би-си не продлила контракт, и пришлось взяться редактировать захудалый еженедельник о хобби для престарелых. Можешь себе представить что-то более ужасное? И потому, когда издание накрылось после первой же забастовки типографских рабочих, я испытал только облегчение. На какое-то время пришлось уехать жить к маме в Челтнэм. У нее там антикварный магазин, и дела идут отлично, дай ей бог здоровья. А потом я получил письмо от своего старого приятеля Сэма Кивера, который писал, что открывает небольшое частное агентство, которое будет готовить разного рода материалы о жизни в Англии, но специально рассчитанные на иностранного читателя. Ну, ты понимаешь, о чем речь. Скажем, делаю статью на шестьсот слов о танце Моррис[13]. Но Сэм нашел

[13] Примечания: 13

Старинный английский народный танец, изначально исполнялся с мечами. Построен на ритмических шагах и сопровождается специфической музыкой.

правильный подход к делу. Он продает только уже переведенные статьи. И знаешь, в этом его огромное преимущество перед конкурентами. Кажется, что стоит покупателю самому нанять переводчика? Но когда перед редактором лежит материал на полколонки для зарубежных новостей, ему далеко не всегда охота тратить время и деньги на перевод. И еще Сэм наладил прямой выход на главных редакторов зарубежных изданий. Для этого мотался по всей Европе, как тот цыган, но зато теперь пожинает плоды своих усилий по полной программе.

Эйш замолк, как бы приглашая Лимаса рассказать теперь о себе, но тот сделал вид, что не понял. Он лишь кивнул со скучающим видом и обронил:

— Чертовски хорошая идея.

Эйш хотел заказать вина, но Лимас сказал, что предпочтет продолжать пить виски, и к моменту прибытия кофе опустошил четыре больших стакана. Судя по всему, он находился в плохой форме: у него выработалась привычка всех горьких пьяниц сначала опустить голову и прильнуть губами к краю стакана, а уже потом выпить, словно опасаясь, что руки могут его подвести.

Эйш какое-то время продолжал молчать.

— А ты, случайно, не знаком с Сэмом Кивером? — спросил он потом.

— С каким Сэмом?

Теперь в голосе Эйша слышались нотки раздражения.

— С Сэмом Кивером, моим боссом. Я только что тебе о нем рассказывал.

— Он тоже был в Берлине?

— Нет. Он хорошо знает Германию, но в Берлине никогда не жил. Недолго проторчал в Бонне внештатным корреспондентом. Ты мог там с ним пересекаться. Он — душка.

— Не думаю, что мы встречались.

Снова пауза.

— А чем ты сейчас занимаешься? — спросил Эйш.

Лимас передернул плечами.

— Меня отправили на свалку, — ответил он, глуповато улыбнувшись. — Положили в мешок и вышвырнули.

— Я никак не вспомню, кем ты был в Берлине. Уж не одним ли из бойцов невидимого фронта холодной войны?

«Бог ты мой, — подумал Лимас, — а он пытается сразу взять быка за рога».

Он сделал вид, что колеблется, потом побагро-

вел и произнес со злобой:

— Был мальчиком на побегушках у треклятых янки, как и все мы.

— Вот что я тебе скажу. — Эйш говорил так, словно уже какое-то время прокручивал эту идею в голове. — Тебе непременно надо познакомиться с Сэмом. Он тебе понравится. — А затем, как будто спохватившись, добавил: — Но, черт возьми, Алек, я даже не знаю, где тебя найти, если понадобится.

— И не найдешь, — апатично ответил Лимас.

— Что-то я тебя не пойму, старина. Где ты живешь?

— Где придется. У меня сейчас трудные времена. Работы нет. А эти сволочи отказали мне в пенсионном обеспечении.

Эйш был явно потрясен.

— Но это же ужасно, Алек! Почему ты мне сразу не сказал? Можешь какое-то время перекантоваться у меня. Я живу скромно, но есть лишняя комната, если ты не против спать на раскладушке. Ты же не можешь ночевать на скамейках в парках, милый мой дружище!

— На какое-то время я теперь в порядке, — ответил Лимас, похлопав себя по карману с только что полученным конвертом. — И работу найду. —

Он решительно мотнул головой. — Недели не пройдет, как найду. И все будет путем.

— Какую работу?

— Еще не знаю. Любую.

— Но не можешь же ты растрачивать себя по мелочам, Алек! Ты же говоришь на немецком, как на родном, я-то помню. С такими способностями ты много чем можешь заняться.

— Я и так уже много чем занимался. Продавал энциклопедии какой-то хреновой американской фирмы, сортировал книги экстрасенсов в библиотеке, проверял время явки рабочих на вонючей фабрике клея. Что еще я могу? — Он смотрел не на Эйша, а на поверхность стола перед собой; дрожавшие губы кривились в усмешке.

Эйш почувствовал его волнение и решил, что настал подходящий момент. Перегнувшись через стол, он заговорил напористым, почти победным тоном:

— Но, Алек, чтобы преуспеть, тебе нужны контакты с людьми, разве ты не понимаешь? Я же все это проходил. Испытал бедность на собственной шкуре. Вот когда только связи могут по-настоящему выручить. Я не знаю, чем ты занимался в Берлине, и знать не хочу, но ты явно не свел там знакомств с важными персонами, так ведь? Если

бы пять лет назад в Познани судьба не столкнула меня с Сэмом, я бы тоже до сих пор горе мыкал, как ты сейчас. Послушай, Алек. Поживи у меня недельку. Мы пригласим в гости Сэма и, быть может, еще нескольких старых берлинских знакомых, кого застанем в Лондоне.

— Но я же не умею писать, — возразил Лимас. — Я не сумею выжать из себя ни одной самой поганой строчки.

Эйш положил ладонь поверх его руки.

— Не надо пока беспокоиться об этом, — сказал он ободряюще. — Любую проблему со временем можно решить. Где твои пожитки?

— Что?

— Ну, там, одежда, багаж, барахло всякое.

— У меня ничего нет. Я все продал, кроме пакета.

— Какого пакета?

— Того свертка в коричневой бумаге, который ты подобрал в парке. Я как раз хотел избавиться и от него тоже.

Квартира Эйша располагалась на Долфин-сквер. Лимасу ее вид показался вполне предсказуемым. Небольшая, неброская, с несколькими наспех собранными сувенирами из Германии: пивными кружками, глиняной крестьянской трубкой и

парой второсортных статуэток из нимфенбургского фарфора.

— Выходные я провожу у матушки в Челтнэме, — объяснил он. — А здесь ночую только по рабочим дням. Очень удобно иметь пристанище в городе, — добавил он небрежно.

В меньшей из двух жилых комнат они поставили раскладушку для Лимаса. Часы показывали половину пятого.

— И давно ты здесь обитаешь? — спросил Лимас.

— Около года или чуть больше.

— Легко нашел квартиру?

— Это дело случая. Даешь объявление, и однажды тебе звонят и предлагают как раз то, что нужно.

Эйш заварил чай, и они пили его, причем Лимасу было явно не по себе, как человеку, отвыкшему от комфорта. Даже сам Эйш несколько притих. Покончив с чаем, он сказал:

— Пойду прошвырнусь по магазинам, пока они еще работают, а потом мы решим, как быть дальше. Я, наверное, звякну Сэму уже сегодня вечером. Думаю, чем раньше вы встретитесь, тем будет лучше для всех. А тебе я бы посоветовал вздремнуть. Ты выглядишь уставшим.

Лимас кивнул.

— Спасибо тебе… — Он сделал неловкий жест, обведя комнату рукой. — …Спасибо за все.

Эйш в ответ только похлопал его по плечу, снял с вешалки свой армейский плащ и ушел.

Дождавшись, пока Эйш удалится от дома на достаточно безопасное расстояние, Лимас аккуратно запер дверь квартиры на засов и спустился вниз в вестибюль, где стояли две кабинки с телефонами-автоматами. Он набрал номер в районе Майда-Вейл и попросил соединить его с секретарем мистера Томаса. Девичий голос отозвался почти сразу:

— Секретарь мистера Томаса вас слушает.

— Я звоню по поручению мистера Сэма Кивера, — сказал Лимас. — Он принял приглашение и надеется лично связаться с мистером Томасом сегодня вечером.

— Непременно передам информацию мистеру Томасу. Он знает ваши контактные координаты?

— Это на Долфин-сквер, — ответил Лимас и продиктовал адрес полностью. — Всего доброго.

Потом он задал несколько вопросов привратнику, вернулся в квартиру Эйша и уселся на раскладушку, пристально рассматривая свои стиснутые ладони. Через некоторое время лег,

решив последовать совету Эйша и немного отдохнуть. Стоило ему закрыть глаза, и он вспомнил, как Лиз лежала рядом с ним в Бэйсуотере, и с легким беспокойством подумал, что с ней сталось.

Разбудил его Эйш, приведший с собой низкорослого, несколько полноватого мужчину с длинными седыми волосами, зачесанными назад, и в костюме с двубортным пиджаком. Говорил незнакомец с чуть заметным акцентом выходца из Центральной Европы, скорее всего из Германии. Представился он как Кивер — Сэм Кивер.

Они пили джин с тоником, и снова разговор поддерживать пришлось по большей части Эйшу. Все как в старые добрые времена в Берлине, ностальгически затянул он. Парни собрались гульнуть, и вся ночь в их распоряжении. Но Кивер сразу заявил, что не хотел бы слишком засиживаться: утром ждет работа. Они решили поужинать в китайском ресторане, который уже был знаком Эйшу — он находился напротив полицейского участка Лайм-хаус, а вино разрешалось приносить свое. Как ни странно, у Эйша на кухне нашлось бургундское, и они прихватили его с собой, вызвав такси.

Ужин удался на славу, и они выпили обе бу-

тылки вина. После первой Кивер стал заметно разговорчивее: он только что вернулся из поездки по Западной Германии и Франции. Ситуация во Франции напоминала ад кромешный, де Голль уходил, и одному богу известно, что ожидало эту страну. Притом что ее наводнили сотни тысяч деморализованных беженцев из бывшей колонии в Алжире, он не исключал, что там может установиться фашистский режим.

— А что в Германии? — спросил Алек, поощряя его продолжать.

— Там суть дела в том, сумеют ли янки удержать западных немцев под контролем, — охотно ответил Кивер и с явным интересом ждал следующего вопроса Лимаса.

— Что вы имеете в виду? — спросил тот.

— Только то, что сказал. Даллес одной рукой дает им право проводить независимую внешнюю политику, а Кеннеди другой отбирает это право. Немцев такое отношение к себе начинает бесить.

Лимас кивнул, соглашаясь, и сказал:

— Типично для этих паршивых янки.

— Алек, кажется, недолюбливает наших заокеанских кузенов, — без надобности влез в разговор Эйш, но его реплика не вызвала ни малейшего

интереса у Кивера, который только вяло пробормотал:

— Вот как?

Кивер давно играет в эти игры, понял Лимас. Как человек, хорошо знающий правила, он дожидается, чтобы ты сам подошел к нему. И довел до совершенства образ человека, который догадывается, что его попросят об услуге, но не собирается легко соглашаться оказать ее.

После ужина Эйш сказал:

— Я знаю одно местечко на Уордур-стрит — ты однажды бывал там, Сэм. У них все обставлено по высшему разряду. Почему бы нам не вызвать ландо и не отправиться туда?

— Минуточку! — воскликнул Лимас так резко, что Эйш невольно вскинул на него обеспокоенный взгляд. — Сначала скажите мне, кто будет платить за всю эту музыку?

— Я, — быстро ответил Эйш. — Мы с Сэмом.

— А вы с ним договорились об этом?

— Нет, но…

— Потому что у меня за душой ни пенса, и ты это знаешь, верно? По крайней мере ни пенса лишнего, чтобы выбрасывать на ветер.

— Само собой, знаю, Алек. Но я ведь до сих пор хорошо заботился о тебе, не так ли?

— Да, — ответил Лимас, — позаботился, что верно, то верно.

Он вроде бы хотел что-то к этому добавить, но передумал. Эйш выглядел лишь слегка встревоженным, но не обиженным, а Кивер сохранял прежний непроницаемый вид.

В такси Лимас разговаривать отказался. Эйш пытался наладить с ним беседу, но тот лишь отмахнулся. Они приехали на Уордур-стрит и вышли из машины, причем ни Лимас, ни Кивер даже не дернулись, чтобы расплатиться с таксистом. Потом Эйш провел их мимо витрин магазинчиков, в которых были выставлены журналы «с девочками», к длинному коридору, где в дальнем конце сияла неоном вывеска: «Мужской клуб „Красная верба“. Вход по членским билетам». По обе стороны двери были прикреплены фото девушек в соблазнительных позах, у которых поперек самых интимных мест протянулись полоски с надписями: «Уроки анатомии. Только для членов клуба».

Эйш нажал на кнопку звонка. Дверь мгновенно открыл мощного сложения мужчина в белой сорочке и черных брюках.

— Я — член клуба, — сказал Эйш, — а эти двое джентльменов со мной.

— Дайте-ка взглянуть на членскую карточку.

Эйш достал из бумажника удостоверение на плотной бумаге и протянул охраннику.

— Вашим гостям придется заплатить по фунту с носа как временным членам. Но пропускаю только по вашей рекомендации. Надеюсь, правила вы знаете?

Он попытался вернуть карточку, но Лимас стремительно протянул руку и перехватил ее. Разглядывал несколько секунд, потом передал хозяину.

Достав из кармана брюк две фунтовые бумажки, Лимас вложил их в руку ожидавшего платы вышибалы.

— Вот тебе взнос за гостей, — сказал Лимас и, не обращая внимания на попытки Эйша протестовать, сам провел их через занавешенную портьерой дверь в тускло освещенный вестибюль клуба. Потом повернулся к охраннику.

— Пусть для нас подберут столик, — сказал Лимас, — и принесут бутылку виски. А потом оставят в покое.

Громила ненадолго задумался, но потом решил, что лучше не пререкаться, и сопроводил их вниз по лестнице. По мере того как они спускались, до них все отчетливее доносились приглушенные

звуки музыки.

Их усадили за столик, стоявший в стороне от других, у задней стены зала. Дуэт музыкантов что-то наигрывал, а по углам парами и по трое сидели девушки. Когда они вошли, некоторые попытались выйти их встретить, но охранник отрицательно помотал им головой.

Эйш бросал на Лимаса тяжелые взгляды, пока они дожидались виски. Что до Кивера, тот, казалось, откровенно скучал. Прибыл официант с бутылкой и тремя широкими стаканами. Они молча наблюдали, как он плеснул понемногу напитка в каждый из них, после чего Лимас забрал бутылку и долил по стаканам, по меньшей мере еще столько же. Покончив с этим, он перегнулся через стол и прошипел в лицо Эйшу:

— А теперь, быть может, ты объяснишь мне, что за херня здесь происходит?

— О чем ты? — голос Эйша прозвучал растерянно. — Что ты хочешь знать, Алек?

— Ты шел за мной от самой тюрьмы в тот день, когда меня освободили, — начал Лимас уже более спокойно, — потом прогнал мне тупейшую сказку о том, что мы знакомы еще по Берлину. Отдал мне деньги, которых я тебе не одалживал. Кормил меня дорогими обедами и позволил по-

селиться в своей квартире.

Лицо Эйша налилось кровью, и он попытался ответить:

— Если это тебя смущает…

— Не перебивай, — злобно сказал Лимас. — Не раскрывай рта, пока не дослушаешь меня, понял? Членская карточка клуба выписана на фамилию Мэрфи. Это твоя настоящая фамилия?

— Нет, конечно.

— Сейчас ты мне соврешь, что карточку тебе одолжил приятель, угадал?

— Никто мне ее не одалживал. Если хочешь знать, я часто прихожу сюда, чтобы снять девчонку. И само собой, никто не называет в таких местах своей подлинной фамилии.

— Тогда растолкуй мне, — безжалостно продолжал Лимас, — почему Мэрфи значится съемщиком квартиры, в которой ты живешь?

Наконец Кивер почувствовал, что пора вмешаться.

— Отправляйся домой, — сказал он Эйшу. — Предоставь остальное мне.

Девушка — молодая, но уже довольно-таки потасканная, с черным синяком на бедре — исполняла стриптиз. Ее жалкое тощее нагое тело не вызывало ничего, кроме стыда за нее, пото-

му что в нем начисто отсутствовала эротика, а движения были слишком безыскусными, чтобы вызывать желание. Она медленно кружилась, время от времени подергивая руками и ногами, словно слышала музыку, под которую танцевала, лишь фрагментами, и не сводила с них наивно любопытного взгляда ребенка, попавшего в компанию взрослых. Темп музыки вдруг ускорился, и девушка отреагировала на это, как собака на окрик хозяина, принявшись раскачиваться в такт. С последним аккордом она сорвала с себя бюстгальтер, обнажив чахлую грудь и пошлые блестки в трех местах, похожие на старые елочные украшения.

Лимас и Кивер молча наблюдали за ней.

— Думаю, самое время предположить, что в Берлине я видел стриптиз получше, — после долгой паузы сказал Лимас, и Кивер понял, насколько он все еще до сих пор зол.

— Не сомневаюсь, что видели, — добродушно отозвался он. — Я и сам частенько бывал в Берлине, но, боюсь, ночные клубы мне не по вкусу.

Лимас промолчал.

— Причем, заметьте, я не ханжа, а просто человек рациональный. Если мне нужна женщина, есть способы получить желаемое гораздо де-

шевле. А если хочется потанцевать, для этого существуют значительно более приятные заведения.

Лимас словно и не слушал его.

— Возможно, вы объясните мне наконец, зачем этот котенок взял меня в оборот? — спросил он наконец.

Кивер кивнул:

— Разумеется. Он выполнял мое указание.

— А зачем это вам?

— Я в вас заинтересован. Хочу сделать вам предложение. Как журналист.

Они снова замолчали.

— Значит, как журналист, — повторил Лимас. — Понятно.

— Я возглавляю агентство, которое распространяет статьи в разных странах мира. И мы получаем хорошие деньги — даже очень хорошие — за по-настоящему интересные материалы.

— Кто публикует подобные материалы?

— Они оплачиваются так щедро, что человек с вашим международным опытом, с вашим… прошлым — вы же понимаете, о чем я, — способный выдать убедительную, подкрепленную фактами историю, мог бы за сравнительно короткое время избавить себя от всяких тревог за свое финансо-

вое положение в будущем.

— Кто публикует материалы, Кивер?

В голосе Лимаса послышалась угроза, и на мгновение, всего лишь на долю секунды, на невозмутимом лице Кивера промелькнул мимолетный испуг.

— У меня всемирная клиентура. Есть корреспондент в Париже, через которого распространяется изрядная часть моей продукции. Зачастую я и сам не знаю, кто ее публикует. И должен признаться, — добавил он с обезоруживающей улыбкой, — что меня не слишком это интересует. Они платят и просят присылать еще. Понимаете, Лимас, это люди, которые не обременяют вас излишними деталями, рассчитываются быстро и готовы переводить деньги в иностранные банки. К примеру, в тех странах, где не знают, что такое налоги.

Лимас молчал. Он держал свой стакан двумя руками, уставившись на него.

«Господи, а они торопят события, — подумал он. — Действуют нагло и напористо. Почти до неприличия беззастенчиво». Ему вспомнилась бородатая шутка комиков из мюзик-холла: «Такое предложение не может принять ни одна уважающая себя девушка. А кроме того, вы даже не

назвали сумму». Но с тактической точки зрения, продолжал размышлять Лимас, они поступают правильно, стараясь оказать на него давление безотлагательно. Я пал так, что ниже некуда, тюремный срок еще свеж в памяти, ненависть к этому обществу достигла предельного накала. Я старый конь, не нуждаюсь в психологической обработке и не стану ломаться, делая вид, что они оскорбляют во мне чувство собственного достоинства английского джентльмена. Но с другой стороны, они могут ожидать препятствий чисто практического свойства. Он имеет полное право испугаться: его бывшие коллеги преследовали предателей, как божье око преследовало Каина даже в пустыне, где тот пытался от него укрыться.

И наконец, им прекрасно известно, что они затевают нечто вроде игры в рулетку. Они наверняка знают: непредсказуемость и непоследовательность решений, которые порой принимают люди, могут свести на нет даже самый тщательно продуманный план вербовки: мошенники, лжецы и преступники оказываются готовы устоять перед любым соблазном, а респектабельный джентльмен с легкостью пойдет на измену родине всего лишь потому, что его скверно кормят в столовой

министерства.

— Им придется изрядно тряхнуть мошной, — пробормотал наконец Лимас.

Кивер тут же налил ему еще виски.

— Они предлагают аванс в размере пятнадцати тысяч фунтов. Деньги уже лежат на счете в банке «Кантональ» в Берне. При предъявлении нужного удостоверения личности, которым мой клиент вас снабдит, вы сможете снять всю сумму. Однако мой клиент хотел бы сохранить за собой право задавать вам дополнительные вопросы в течение следующего года, за что будут уплачены еще пять тысяч фунтов. Они помогут вам решить любые проблемы… скажем так, с переселением, если оно потребуется.

— Когда они хотят узнать о моем решении?

— Немедленно. От вас не требуется записывать свои воспоминания. Вы просто встретитесь с моим клиентом, а он позаботится о том, чтобы материал попал в руки опытного… мастера литературной обработки текста.

— Где предполагается организовать встречу?

— Нам показалось, что для всех удобнее и спокойнее будет провести ее за пределами Соединенного Королевства. Мой клиент предложил сделать это в Голландии.

— Но у меня нет паспорта, — уныло возразил Лимас.

— Я взял на себя смелость добыть его для вас, — произнес Кивер чрезвычайно обходительно. Ни в его голосе, ни в манерах не промелькнуло ни намека, что он сделал нечто большее, чем выполнил обычную формальность. — Мы летим в Гаагу завтра утром рейсом в девять сорок пять. Быть может, теперь нам стоит отправиться ко мне на квартиру и уже там уточнить все подробности?

Кивер расплатился, и они взяли такси, доставившее их к дому в весьма фешенебельном районе рядом с Сент-Джеймсским парком.

Квартира Кивера выглядела роскошной и дорогой, но создавалось впечатление, что обставлена она была наспех. Лимас слышал, что в Лондоне работали компании, которые могли продать вам ряды корешков книг для полок и прислать декораторов, которые подобрали бы произведения живописи под цвет обоев. Лимас, который, вообще говоря, почти не обращал внимания на подобные мелочи, теперь с трудом верил, что находится в частной квартире, а не в номере отеля. Когда Кивер показывал отведенную ему комнату (окна которой выходили не на улицу, а на захламленный внутренний двор), Лимас спросил:

— И давно вы здесь обосновались?

— О, совсем недавно, — небрежно ответил тот. — Пару месяцев назад или чуть больше.

— Должно быть, такие хоромы обходятся в целое состояние. Но, как я полагаю, вы заслужили роскошь своими трудами.

— Спасибо.

У себя в комнате он обнаружил бутылку виски и сифон с содовой на подносе с серебряным покрытием. В дальней стене за занавеской располагался коридорчик, который вел к ванной и туалету.

— Отличное любовное гнездышко. И за все платит государство рабочих и крестьян?

— Заткнитесь, — откровенно грубо отозвался Кивер и добавил: — Если я вам понадоблюсь, есть внутренний телефон, связанный с моей комнатой. Спать я пока не собираюсь.

— Думаю, с пуговицами на ширинке я справлюсь сам, — съязвил Лимас.

— Тогда спокойной ночи, — излишне резко сказал Кивер и вышел.

«А он тоже весь на нервах», — отметил Лимас.

Разбудил его звонок телефона, стоявшего рядом с кроватью. Это был Кивер.

— Шесть утра, — сказал он. — Завтракаем в шесть тридцать.

— Хорошо, — ответил Лимас и положил трубку. У него болела голова.

Должно быть, Кивер заказал такси по телефону, потому что в семь утра в дверь позвонили, и он спросил:

— Вы готовы?

— У меня нет багажа, — ответил Лимас. — Только зубная щетка и бритва.

— Об этом мы позаботились. Меня интересует, готовы ли вы вообще?

Лимас пожал плечами.

— Готов, наверное. У вас есть сигареты?

— Нет, — ответил Кивер, — но вы сможете купить их в самолете. Вам неплохо бы как следует ознакомиться вот с этим, — добавил он, подавая Лимасу британский паспорт.

Паспорт был выписан на его настоящее имя, с его фотографией, в угол которой глубоко въелась печать министерства иностранных дел. Документ выглядел и не старым, и не новым; в графе профессия значилось «служащий». Семейное положение — холост. Держа его в руках впервые, Лимас ощущал легкое волнение. Это походило на женитьбу — как бы ни сложилось дальше, твоя жизнь никогда уже не станет прежней.

— А как насчет денег? — спросил он.

— Они вам ни к чему. За все платит фирма.

8
«Ле Мираж»

Утро выдалось холодное, с серым влажным туманом, от которого слегка пощипывало кожу. Обстановка в аэропорту чем-то напомнила Лимасу военные годы: машины, наполовину скрытые туманом, терпеливо дожидались своих хозяев; неожиданно доносившиеся звонкие голоса, источники которых оставались неразличимыми; странное эхо каких-то криков; казавшееся совершенно неуместным цоканье дамских каблучков по асфальту; а потом вдруг резкий шум двигателя буквально у тебя под локтем. И повсюду атмосфера как будто заговора между людьми, собравшимися здесь так рано, объединенными своего рода чувством превосходства над другими — над теми, кто не наблюдал, как растворилась ночь и пришло утро. Даже на работниках аэровокзала сказывалась эта мистерия рассвета и холодного тумана: они смотрели на пассажиров и их багаж с отстраненностью людей, только что вернувшихся с фронта, — заурядные обыватели, те не представляли для них интереса.

Кивер снабдил Лимаса багажом. Чуткое внимание к такой важной детали, вынужден был признать Лимас. Пассажир без багажа вызывал излишнее внимание, чего Кивер всеми силами стремился избежать. Они зарегистрировались у стойки авиакомпании и, следуя указателю, отправились к паспортному контролю. При этом произошел занятный эпизод, когда они заблудились и Кивер нахамил какому-то носильщику. «Нервничает из-за паспорта», — подумал Лимас. Что ж, повод вполне уважительный.

Чиновник-паспортист был молодым тщедушным мужчиной в галстуке пограничной службы и непонятным значком на лацкане. Его лицо украшали светло-русые усы, в голосе слышался северный акцент, от которого он явно, но безуспешно пытался избавиться.

— Собираетесь покинуть страну надолго, сэр? — обратился он к Лимасу.

— На пару недель, — ответил тот.

— Будьте внимательны, сэр. Срок действия вашего паспорта истекает уже тридцать первого числа.

— Знаю, — заверил его Лимас.

Бок о бок с Кивером он вошел в накопитель для пассажиров.

— А вы недоверчивая мразь, как я погляжу, — шепнул Лимас, но Кивер в ответ лишь чуть слышно рассмеялся.

— Мы не можем позволить вам исчезнуть с новым паспортом. Сами должны понимать. Такой пункт в контракте не оговорен.

Им предстояло ждать посадки еще около двадцати минут. Они сели за столик и попросили принести кофе.

— И уберите эту гадость, — сказал Кивер, указывая официанту на оставленные на столе грязные чашки, блюдца и полную окурков пепельницу.

— Скоро подъедет уборщик с тележкой, — пообещал официант.

— Уберите сами сейчас же, — повторил Кивер, снова начиная заводиться. — Отвратительно, что вы не спешите убрать со стола использованную посуду.

Но официант повернулся к нему спиной и удалился. К кофеварке он даже не приблизился и кофе для них не заказал. Кивер побледнел и буквально зашелся от злости.

— Ради всего святого, — тихо сказал ему Лимас, — перестаньте скандалить и расслабьтесь. Жизнь и так слишком коротка.

— Надутый болван, вот кто он такой, — проце-

дил Кивер.

— Хорошо. Отлично. Устройте ему сцену. Самый подходящий момент для этого. Тогда нас здесь уже точно никогда не забудут.

В аэропорту Гааги никаких проблем не возникло. Да и Кивер почти полностью овладел собой. Он оживился и стал необычайно разговорчив за то короткое время, пока они шли от самолета к помещению таможни. Молодой голландец лишь бросил беглый взгляд на их багаж, просмотрел паспорта и на деревянном горловом английском произнес:

— Желаю приятно провести время в Нидерландах.

— Спасибо. — Благодарность Кивера казалась чрезмерной. — Спасибо вам огромное.

Затем длинным коридором они вышли в зал прилета, находившийся в другой стороне здания. Кивер уверенно шел вперед, лавируя между группами туристов, толпившихся у ларьков с парфюмерией, фотоаппаратами и фруктами. Когда они выходили через вращающиеся двери на улицу, Лимас оглянулся. У газетного киоска, развернув перед собой номер «Континентл дейли мейл», стоял невысокого роста, внешне слегка похожий на жабу мужчина в очках, с виду очень

серьезный и чем-то озабоченный. Он казался типичным чиновником. Или кем-то в этом роде.

На стоянке их ожидала машина — «фольксваген» с голландскими номерами. За рулем сидела женщина, которая с ними даже не поздоровалась. Машину она вела медленно, всякий раз останавливаясь, стоило светофору переключиться на желтый, и Лимас сообразил, что так ее проинструктировали, потому что сзади двигался еще один автомобиль. Он пытался разглядеть его в одно из боковых зеркал, но ничего толком не увидел. Лишь однажды мелькнул черный «пежо» с дипломатическим номером спереди, но, когда они сделали очередной поворот, за ними следовал только фургон для перевозки мебели. Гаагу он знал очень хорошо еще со времен войны и пытался сориентироваться, куда они направляются. По его прикидкам, они ехали на северо-запад, в сторону Шевенингена, но вскоре покинули черту города и оказались в окружении многочисленных вилл, отделенных дюнами от берега моря.

Здесь они остановились. Женщина вышла из машины, оставив их ждать внутри, и нажала кнопку звонка небольшого бунгало с кремового оттенка стенами, расположившегося почти в самом конце улицы. С портика над крыльцом

свисала вывеска из кованого железа с названием «Ле Мираж», выведенным бледно-голубым готическим шрифтом. В одном из окон виднелось объявление, сообщавшее, что все номера заняты.

Дверь открыла добродушная с виду полненькая женщина, которая сразу устремила взгляд мимо водительницы на машину. Ни на секунду не отводя от нее глаз, расплывшись в довольной улыбке, она устремилась к ним по дорожке. Женщина напомнила Лимасу его покойную тетушку, которая однажды крепко отшлепала его за то, что у него постоянно рвались шнурки на ботинках.

— Как же хорошо, что вы приехали! — воскликнула она. — Мы так рады вашему приезду!

Хозяйка пригласила их внутрь бунгало. Кивер пошел первым. Женщина-шофер вернулась в машину. Лимас осмотрел дорогу, по которой они только что приехали: примерно в трехстах ярдах от бунгало был припаркован черный автомобиль — то ли «фиат», то ли «пежо». Из него выбрался наружу мужчина в длинном плаще.

Войдя в холл, хозяйка радушно пожала Лимасу руку.

— Добро пожаловать в «Ле Мираж», милости просим. Как добрались до нас?

— Прекрасно, — ответил Лимас.

— Самолетом или по морю?

— Мы прилетели, — сообщил Кивер. — Превосходный перелет.

Это было сказано так, словно он был по меньшей мере владельцем авиакомпании.

— Я приготовлю для вас обед, — объявила хозяйка. — Что-нибудь особенное. Очень вкусное. У вас есть какие-то пожелания?

«Да какие там, к черту, пожелания», — чуть слышно прошептал Лимас, и в этот момент в дверь позвонили. Женщина мгновенно скрылась в кухне. Дверь открыл Кивер.

На вошедшем был макинтош с кожаными пуговицами. Примерно одного роста с Лимасом, но старше. Лимас дал бы ему лет пятьдесят пять. Лицо жесткое, сероватого оттенка и в глубоких морщинах — в нем проглядывал старый солдат. Незнакомец протянул руку.

— Моя фамилия Петерс, — сказал он. Пальцы у него были тонкие и ухоженные. — Как вы долетели?

— Хорошо, — поспешно ответил Кивер. — Без осложнений.

— Нам с мистером Лимасом нужно многое обсудить, и, как мне кажется, нет больше необходимости тебя задерживать, Сэм. Можешь

воспользоваться «фольксвагеном», чтобы вернуться в город.

Кивер улыбнулся. В его улыбке Лимас отчетливо заметил облегчение.

— До свидания, Лимас, — сказал Кивер почти весело. — Удачи, старина.

Лимас кивнул, но сделал вид, что не заметил протянутой на прощание руки.

— До встречи, — повторил Кивер и выскользнул в дверь.

Лимас последовал за Петерсом в комнату где-то в задней части дома. На окнах висели плотные кружевные шторы, все в бахроме и оборках. На широком подоконнике стояли горшки с растениями: большими кактусами, табачным кустом и еще каким-то необычным деревом с широкими, словно прорезиненными листьями. Мебель выглядела тяжеловесным псевдоантикварiатом. В центре комнаты располагался стол с двумя резными креслами. Стол был накрыт ржавого оттенка скатертью, больше напоминавшей ковер; перед каждым из кресел лежали блокнот и карандаш. В буфете приготовили виски и содовую. Петерс сразу же смешал им по стакану.

— Послушайте, — внезапно сказал Лимас, — с этого момента я могу обходиться без излишних

любезностей с вашей стороны. Вы поняли, что я имею в виду? Мы оба знаем свое место: оба профессионалы. Перед вами платный перебежчик — так пользуйтесь им. Но, бога ради, не надо делать вид, что я вам так уж нравлюсь. — Его голос прозвучал нервно и несколько неуверенно.

Петерс кивнул.

— Кивер предупредил меня, что вы человек с гонором, — спокойно ответил он и добавил без тени улыбки: — Иначе с чего бы вам избивать ни в чем не повинного лавочника?

Лимас предположил, что он русский, хотя полной уверенности у него не было. По-английски тот говорил почти безупречно, а его манеры и замашки выдавали человека, давно привыкшего к комфорту жизни на Западе.

Они уселись за стол.

— Кивер сообщил, сколько я собираюсь вам заплатить? — поинтересовался Петерс.

— Да, пятнадцать тысяч фунтов через банк в Берне.

— Верно.

— Но он сказал также, что в течение следующего года у вас могут возникнуть дополнительные вопросы, за ответы на которые меня будет ждать вознаграждение еще в пять тысяч.

Петерс кивнул.

— Вот с этим условием я не согласен, — продолжал Лимас. — Вы не хуже меня знаете, что из этой затеи ничего не выйдет. Я хочу получить свои пятнадцать тысяч и на этом закончить. Вы жестоко расправляетесь с предателями, но и мои коллеги поступают так же. А потому я не собираюсь просиживать жопу в Санкт-Морице, пока вы будете вылавливать агентуру, которую я вам выдам. У нас в контрразведке дураков не держат: они будут знать, кого им искать. Кстати, они, быть может, уже идут по моему следу, чего опасаемся мы оба.

Петерс снова кивнул.

— Но вы же всегда можете перебраться туда, где… где будете в полной безопасности. Разве нет?

— За «железный занавес»?

— Хотя бы.

Лимас помотал головой и возразил:

— Не стоит хлопот. По моим прикидкам, вам понадобится дня три на предварительные допросы. Потом вы свяжетесь со своим начальством, чтобы получить дальнейшие подробные инструкции.

— Совершенно не обязательно, — вставил Петерс.

Лимас посмотрел на него с любопытством.

— Ах, вот даже как, — сказал он. — Значит, ко мне прислали настоящего эксперта. Или Центр в Москве к этому не причастен?

Петерс промолчал. Он лишь всматривался в Лимаса, словно изучая его. Но потом взялся за карандаш, лежавший перед ним, и предложил:

— Не начать ли нам с вашей службы в годы войны?

Лимас пожал плечами:

— Выбор за вами.

— Вот именно. А потому начнем с вашей военной истории. Начинайте рассказывать.

— Я записался добровольцем в саперы в 1939 году. Мой курс подготовки перед отправкой на фронт как раз заканчивался, когда пришло сообщение, что требуются люди, владеющие иностранными языками, для особых заданий за рубежом. Я свободно владел немецким, голландским, достаточно бегло говорил по-французски, а солдатчина мне к тому времени успела изрядно наскучить. И я подал заявление. Голландию я успел изучить хорошо. Мой отец торговал станками в Лейдене, где я прожил девять лет. После обычного в таких случаях собеседования меня отправили в разведшколу рядом с Оксфордом,

где обучили всем приемам из своего обезьяньего арсенала.

— Кто возглавлял тренировочный центр?

— Об этом я узнал только значительно позже. Меня познакомили со Стидом-Эспри и оксфордским ученым по фамилии Филдинг. Они и руководили обучением. В сорок первом меня забросили в Голландию, где я провел без малого два года. В те дни мы теряли агентов быстрее, чем успевали вербовать, — это была настоящая бойня. Голландия — сложная страна для такого рода деятельности. При здешнем рельефе местности нет ни одного укромного уголка, где можно было бы разместить свою штаб-квартиру или установить стационарную радиоантенну. Приходилось непрерывно перемещаться, все делать на ходу. Словом, потери мы несли огромные. В сорок третьем меня отозвали, пару месяцев я провел в Англии, а потом перебрался в Норвегию. После Голландии работа там показалась приятным пикником. В сорок пятом со мной произвели окончательный расчет, и я вернулся сюда, в Голландию, чтобы попытаться восстановить прежнюю фирму отца. Но ничего не вышло, и тогда мы с одним старым приятелем открыли агентство путешествий и туризма в Бристоле.

Продержались полтора года, а потом вынуждены были продать дело. И вдруг я совершенно неожиданно получил письмо из своего прежнего министерства с предложением вернуться на службу. Но только мне тогда казалось, что я досыта наелся разведкой, а потому я попросил время на размышление и арендовал коттедж на острове Ланди. Прожил там год, созерцая собственный пуп, понял, что мне скучно, и сам с ними связался. В конце сорок пятого меня снова зачислили на довольствие. Но разумеется, прерванный стаж означал неполную пенсию, и меня ждал не слишком теплый прием. Я говорю не слишком быстро для вас?

— Нисколько, — ответил Петерс, наливая ему еще виски, — но мы непременно вернемся ко всему этому, чтобы уточнить имена и даты.

В дверь постучали, и вошла та же особа. Она принесла обещанный обед — огромный поднос с супницей и блюдом холодного мяса с хлебом. Петерс отложил записи в сторону, и они молча поели. Так начался первый допрос.

* * *

Когда с ленчем было покончено, Петерс продолжил:

— Итак, вы вернулись в Цирк.

— Да. На первое время меня усадили за конторскую работу, и я разбирал донесения, составлял аналитические справки о военной мощи стран за «железным занавесом», отслеживал перемещения войск и занимался прочей бумажной работой.

— В каком отделе?

— В четвертом отделе стран-союзников. Я числился там с февраля пятидесятого по май пятьдесят первого.

— Назовите ваших коллег по отделу.

— Питер Гиллам, Брайан де Грей и Джордж Смайли. Впрочем, в начале пятьдесят первого года Смайли от нас ушел и перевелся в контрразведку. А в мае пятьдесят первого меня самого направили в Берлин в качестве заместителя регионального резидента. Это означало, что на меня легла вся оперативная работа.

— Кто был у вас в подчинении?

Петерс писал очень быстро, и Лимас понял, что он пользуется какой-то собственной системой стенографии.

— Хэкетт, Сэрроу и де Йонг. Де Йонг погиб в автомобильной катастрофе в пятьдесят девятом. Мы подозревали, что это было убийство, но ниче-

го не смогли доказать. Каждый из них руководил своей агентурной сетью, но все сходилось на мне. Вам, наверное, нужны подробности? — спросил он сухо.

— Конечно, но позже. Продолжайте.

— Только в пятьдесят четвертом году нам удалось поймать в Берлине по-настоящему крупную рыбу: Фрица Фегера, второго человека в министерстве обороны ГДР. До этого дело продвигалось туго, но в ноябре пятьдесят четвертого мы добрались до Фегера. Он продержался почти два года, но в один прекрасный день как в воду канул. Как я слышал позже, он умер в тюрьме. Понадобилось еще три года, прежде чем мы нашли человека столь же высокого уровня. В 1959 году возник Карл Римек. Он был членом президиума восточногерманской компартии и лучшим агентом, с которым мне когда-либо доводилось работать.

— Он тоже уже мертв, — заметил Петерс.

На лице Лимаса промелькнуло выражение, отчасти похожее на стыд.

— Да, и я был там, когда его застрелили, — пробормотал он. — Его любовница успела перейти границу перед самой его гибелью. Он ей рассказал обо всем — она знала о нашей сети слишком много. Не приходится удивляться, что его раз-

облачили.

— Мы вернемся к берлинским делам позже. Скажите мне вот что. Когда Карла не стало, вы улетели в Лондон. И оставались там до окончания контракта?

— Да, можно сказать, досиживал последние месяцы.

— Чем вы занимались в Лондоне?

— Меня перевели в банковский отдел: выплата зарплат агентам, переводы денег за границу на секретные нужды. С этим справился бы и ребенок. Мы получали приказы и выписывали платежки. Время от времени возникали проблемы с доступом.

— Вы имели дело с агентами напрямую?

— Никоим образом. Запрос поступал от резидента в конкретной стране. Руководство рассматривало его, давало разрешение и передавало его нам, чтобы осуществить платеж. В большинстве случаев мы переводили деньги в подходящий иностранный банк, где резидент мог снять их сам и лично расплатиться с агентом.

— Как вы различали агентов? По кодовым именам?

— По номерам. В Цирке это называется комбинацией. У каждой сети своя комбинация, а агент

фигурирует в качестве приставки к комбинации. Карл был известен как восемь А черточка один.

Лимас заметно вспотел. Петерс холодно наблюдал за ним, оценивая, как профессиональный картежник оценивает оппонента. Чего на самом деле стоил Лимас? Как можно его сломать? Что привлекло бы или, наоборот, испугало его? Что он ненавидел? А самое главное — много ли он действительно знает? Придержит ли он свою козырную карту до конца, чтобы продать подороже? Петерс так не думал: Лимас был сейчас слишком неуравновешен, чтобы хитрить. Он был человеком, находившимся в разладе с самим собой, человеком, знавшим только один образ жизни, исповедовавшим только одну веру, а теперь предавшим все это. Петерсу доводилось наблюдать такое прежде. Да, доводилось. Причем порой в людях, прошедших самую основательную идеологическую обработку, но которые тем не менее втайне от всех, размышляя долгими бессонными ночами, находили для себя новую веру и в одиночку, движимые только лишь силой внутренних убеждений, предавали свою работу, свои семьи, свои страны. Но даже им — исполненным новых порывов и надежд — не давало покоя клеймо изменника родины; даже

они должны были преодолеть почти физическую боль, когда начинали говорить о том, что им надлежало хранить в вечном и глубоком секрете. Подобно вероотступникам-христианам, они все же страшились сжечь крест. Они колебались между велениями инстинктов и материальными выгодами. Но и перед Петерсом вставала трудноразрешимая задача. Он должен был успокоить их муки совести, одновременно лишив остатков гордыни. Эта ситуация была сейчас понятна им обоим. Вот почему Лимас изо всех сил уклонялся от налаживания чисто человеческих отношений с Петерсом — все еще мешала гордость. А Петерс знал, что в силу тех же причин Лимас будет лгать — пусть всего лишь не все ему рассказывая, но, так или иначе, обманывать. Из гордости, из чувства противоречия или просто в силу самой извращенной природы их профессии. А ему, Петерсу, предстоит поймать его на *лжи*. Да и сам тот факт, что Лимас был профессионалом, как ни странно, представлял для Петерса только дополнительную проблему, потому что Лимас мог сделать свои признания избирательными там, где Петерсу избирательность была ни к чему. У Лимаса могло сложиться свое представление о том, какие именно данные нужны Петерсу, и

тогда он упустит в своем рассказе мелкие детали, которые оказались бы крайне важными для тех, кто будет оценивать результаты допросов. А ведь ко всему этому предстояло еще справиться с капризным тщеславием, свойственным алкоголикам.

— Думаю, — сказал он, — теперь пора более подробно поговорить о вашей работе в Берлине. Рассмотрим период с мая 1951-го по март 1961 года. Но сначала выпейте еще немного.

Лимас смотрел, как он достал сигарету из лежавшего на столе портсигара и прикурил ее. Сразу бросалось в глаза: Петерс был левшой, а сигарету вкладывал между губами так, чтобы название фирмы-производителя на ней оказалось в дальнем от него конце и прогорело сразу. Эта манера пришлась Лимасу по нраву: она свидетельствовала о том, что Петерсу, как и ему самому, доводилось работать в условиях строгой конспирации.

Лицо Петерса выглядело необычно — оно было совершенно невыразительным и серым. Краска с него, вероятно, пропала уже давно. Вполне возможно, что ему пришлось долго сидеть в тюрьме еще во времена революции. Но теперь, когда черты его лица окончательно сформировались,

Петерс будет выглядеть точно так же до самой смерти. Только жесткие седые волосы могли еще больше побелеть, но лицо уже не изменится. Лимасу было бы любопытно узнать настоящую фамилию Петерса, а также женат ли он. В нем ощущалась некая ортодоксальность, которая Лимасу тоже нравилась. Такая черта обычно является порождением силы и уверенности в себе. Такой человек никогда не солжет без веской причины. И ложь его будет тщательно продуманной, продиктованной необходимостью, не имея ничего общего с укоренившейся мелкой нечестностью того же Эйша.

Эйш, Кивер, Петерс — это была верная прогрессия в качествах людей, во власти, которой они обладали, что Лимас считал абсолютной необходимостью при построении иерархии разведывательной сети. Но, как он догадывался, здесь имела место и идеологическая иерархия тоже. Эйш — простой наемник. Кивер — не более чем так называемый попутчик. И Петерс, для которого цель и средства ее достижения слились в единое целое.

Лимас приступил к рассказу о Берлине. Петерс редко перебивал его, редко задавал вопросы, но уж если делал это, то так умело и к месту, словно

подстраивался под темперамент Лимаса. И Лимас помимо воли откликался на этот бесстрастный профессионализм — он был чертой, которая их сближала.

Им потребовалось очень длительное время, чтобы организовать восточногерманскую разведывательную сеть из Берлина, признал Лимас. На раннем этапе город был просто наводнен потенциальными второсортными агентами, а само слово «разведка» дискредитировало тот факт, что шпионаж стал чуть ли не естественной частью повседневной жизни. До такой степени, что можно было завербовать человека на частном приеме, получить от него информацию за ужином, а к утру его уже разоблачали. Для профессионала это был какой-то кошмар: кругом орудовали десятки спецслужб, в половину из которых проникли вражеские информаторы, концы ни у кого не сходились с концами; данные поступали более чем противоречивые, потому что источников оказалось даже слишком много, а действовать приходилось на очень ограниченном пространстве. Да, в 1954 году они добились большого успеха с Фегером. Это верно. Но уже к 1956 году, когда каждое правительственное учреждение в Лондоне настойчиво требовало

важной и достоверной разведывательной информации, предложить им оказалось нечего. Тот же Фегер слишком избаловал всех, и никто больше не был доволен данными из вторых рук, которые уже на следующий день публиковались во всех газетах. Им нужен был новый большой успех, но пришлось ждать долгих три года, прежде чем он пришел.

Однажды де Йонг отправился на пикник в лес на окраине Берлина. У него была машина с британскими армейскими номерами, которую он припарковал и запер на проселочной дороге, проходившей параллельно каналу. После пикника его детишки с пустыми корзинками первыми побежали обратно к машине, но потом вдруг замерли возле нее, заволновались, побросали корзины и ринулись назад. Кто-то взломал машину — ручка оказалась оторвана, а дверь приоткрыта. Де Йонг, кляня себя последними словами, потому что оставил в бардачке дорогой фотоаппарат, подошел и обследовал автомобиль. Ручку скорее всего сломали с помощью обрезка металлической трубы, который легко можно спрятать даже в рукаве рубашки. Но фотоаппарат оказался на месте. Взломщик не позарился ни на его плащ, ни на пакеты с покупками, которые сде-

лала жена. Зато на водительском сиденье лежала жестянка из-под табака с небольшим цилиндром внутри, сделанным из никеля. Де Йонг сразу понял, что это такое: кассета от миниатюрной камеры. Скорее всего от «Минокса».

Дома он проявил пленку. На ней были пересняты страницы протокола последнего заседания президиума компартии Восточной Германии — СЕПГ. По странному совпадению информацию о той встрече президиума они получили и из другого источника, что подтвердило подлинность фотоматериалов.

Лимас сразу взял это дело под свой контроль. Ему был отчаянно нужен прорыв в работе. Результаты его долгой деятельности в Берлине в целом выглядели неважно, а его возраст приближался к пределу, установленному Цирком для оперативных сотрудников. Поэтому ровно через неделю он одолжил у де Йонга машину, приехал в то же место и отправился на прогулку.

Для пикника де Йонг нашел поистине идеально уединенный уголок. С одной стороны протекал канал, рядом с которым виднелись остатки разбомбленных в войну блиндажей. Дальше тянулись бесплодные сухие песчаники, а в двухстах метрах от проселочной дороги и канала

простирался не слишком густой сосновый бор. Не очень-то впечатляющий пейзаж, но зато полный покой — нечто почти недостижимое в такой близости от Берлина. И возможность «хвоста» была практически полностью исключена. Лимас углубился в лес. Следить за машиной он даже не пытался, поскольку не знал, с какой стороны к ней могут приблизиться. А если бы загадочный информатор заметил, что он не спускает с автомобиля глаз, это могло бы сразу спугнуть его. И потому Лимас не обернулся ни разу.

Однако, вернувшись к машине, он ничего в ней не обнаружил, а по пути обратно в Западный Берлин обзывал себя последним идиотом, забывшим, что президиум заседает только раз в месяц. Через три недели он вновь сел за руль машины де Йонга, прихватив с собой тысячу долларов двадцатками и положив деньги в корзинку для пикника. Он бросил автомобиль незапертым на два часа, а по возвращении обнаружил в бардачке жестянку из-под трубочного табака. Корзинка исчезла.

На пленках оказалась первоклассная документальная информация. В следующие месяцы он проделал тот же трюк дважды и получил аналогичные результаты.

Лимас понял, что напал на золотую жилу. Присвоив новому источнику кодовое имя Мэйфэйр, он отправил в Лондон исполненное пессимизма письмо, прекрасно зная, что стоит ему скормить Цирку хотя бы часть данных, как они тут же захотят контролировать подобного агента напрямую, чего он всеми силами стремился избежать. Это была как раз такая операция, которая была способна уберечь его от отставки по возрасту, но в то же время слишком важная, чтобы Лондон удержался от соблазна руководить всем из центра. Даже если бы ему какое-то время удавалось их сдерживать, в Цирке все равно принялись бы теоретизировать, высказывать предположения, слать предостерегающие меморандумы и требовать активизации действий. Они, например, могли предложить расплачиваться с агентом только мечеными купюрами, чтобы отследить и выяснить его личность, могли потребовать прислать им кассеты для изучения в лаборатории, могли устроить неуклюжую слежку и, конечно же, поставить в известность о своем успехе другие департаменты министерства обороны. То есть они непременно уведомили бы другие департаменты, а это, как считал Лимас, привело бы к быстрому и неизбежному краху операции

«Мэйфэйр».

Чтобы избежать этого, существовал только один путь. И Лимас три недели работал как одержимый, не смыкая глаз. Он внимательно изучил досье на каждого члена президиума. Составил список всех рядовых чиновников, которые могли иметь доступ к протоколам. Добавив к списку имена тех, кому рассылались копии, указанные на первой странице протоколов, он получил тридцать одну возможную кандидатуру, включая секретарш и мелких клерков.

Осознав полную невозможность установить фамилию информатора среди такого количества кандидатов, о большинстве из которых к тому же было мало что известно, Лимас невольно вернулся к первоисточнику, что, как он понял чуть позже, следовало сделать сразу же. Ему бросилось в глаза, что на полученных им фотокопиях не потрудились проставить даже номера страниц, отсутствовали штампы с грифом «Секретно», а на некоторых страницах кто-то вычеркивал отдельные слова простым или красным карандашом. В результате он сделал важное открытие: ему передают фотокопии не самих протоколов, а их предварительных черновиков. Это означало, что источник имеет отношение к секретари-

ату президиума, а число его работников было крайне ограничено. Кроме того, снимки делались тщательно и выходили хорошего качества: это подразумевало, что фотограф располагал для своей работы временем и местом, где никто не мог ему помешать.

Лимас вернулся к списку кандидатов. В секретариате числился некто Карл Римек, бывший капрал медицинской службы, который провел три года в лагере для военнопленных в Англии. Его сестра жила в Померании, когда туда вошли русские, и с тех пор ее судьба оставалась для него неизвестной. Он был женат и имел дочь по имени Карла.

Лимас решил рискнуть. Из Лондона он получил данные о номере, который был присвоен военнопленному Римеку — 29 012, и о дате его освобождения — 10 декабря 1945 года. Купив изданную в Восточной Германии детскую научно-фантастическую книжку, он написал на форзаце по-немецки, имитируя почерк подростка: «Эта книга принадлежит Карле Римек, родившейся 10 декабря 1945 года в Байдфорде, Северный Девон. Зачислена в отряд лунных космонавтов под личным номером 29 012», и ниже добавил: «Все желающие совершать полеты в

космос должны лично явиться для инструктажа к К. Римек. Заявления следует заполнить заранее. Да здравствует Народная Республика Демократического Космоса!»

Лимас разлиновал листок бумаги, оставив колонки для фамилий, адресов и возрастов, и приписал в конце: «С каждым кандидатом будет проведено индивидуальное собеседование. Напишите по прежнему адресу, указав, когда и где вы хотели бы встретиться. Заявки будут рассматриваться в течение семи дней. К. Р.»

Листок он вложил в книгу. Затем, все еще пользуясь машиной де Йонга, поехал на то же место и оставил книгу на пассажирском сиденье, добавив под обложку пять уже бывших в употреблении стодолларовых купюр. Когда Лимас вернулся, книги в машине не оказалось, а на сиденье его ждала очередная жестянка. В ней на этот раз лежали три кассеты. Лимас проявил их тем же вечером: на одной из пленок были, как обычно, переснятые материалы последнего заседания президиума СЕПГ, на второй — проект пересмотра отношений Восточной Германии с Советом экономической взаимопомощи, на третьей — структура разведывательной службы ГДР со сведениями о функциях каждого подразделения

и личностными характеристиками персонала.

Здесь Петерс счел нужным вмешаться.

— Минуточку, — сказал он. — Вы хотите сказать, что вся эта информация поступала от одного Римека?

— А почему бы и нет? Вы же понимаете, как много ему было известно.

— Едва ли такое возможно, — заметил Петерс почти про себя. — Он должен был иметь помощников.

— Они у него появились, но позже. Я еще дойду до этого.

— Я догадываюсь, что вы собираетесь мне сообщить. Но разве у вас никогда не возникало ощущения, что он получал содействие сверху, а не только от агентов, которых привлек на свою сторону?

— Нет. Никогда. Мне такое и в голову не приходило.

— А оглядываясь в прошлое теперь, вам это не кажется вероятным?

— Не слишком.

— Когда вы отправляли материалы в Цирк, там никто не высказывал мнения, что даже для человека, занимавшего такой высокий пост, как Римек, информация была исключительно пол-

ной и разносторонней?

— Нет.

— Они ни разу не поинтересовались, где Римек взял портативный фотоаппарат, кто обучил его технике пересъемки документов?

Лимас недолго колебался с ответом:

— Нет… Уверен, таких вопросов нам не задавали.

— Любопытно, — сухо заметил Петерс. — Но простите, что перебил. Продолжайте. Я вовсе не хочу, чтобы в своем рассказе вы забегали вперед.

Ровно через неделю, продолжил Лимас, он снова отправился к каналу, но теперь не на шутку разнервничался. Свернув на проселок, он увидел лежавшие в траве три велосипеда, а в двухстах ярдах ниже вдоль канала рыбачили трое мужчин. Он вышел из машины и, как обычно, направился через поле к опушке соснового бора. Но не успел сделать и двадцати шагов, как услышал за спиной окрик. Оглянувшись, он увидел, что один из мужчин подает ему знаки, подзывая к себе. Двое других тоже повернулись и смотрели на него. На Лимасе был старый плащ, руки он держал в карманах, и вынимать их было уже поздно. Он понимал, что мужчины по краям прикрывали того, кто располагался в центре, и, попытайся

он вынуть руки из карманов, они вполне могли застрелить его, заподозрив, что в кармане он держит пистолет. Лимас вернулся и остановился в десяти ярдах от мужчины в центре.

— Вас что-то интересует? — спросил он.

— Ваша фамилия Лимас? — Мужчина был невысокого роста, немного полноватый и вел себя очень уверенно. Говорил он по-английски.

— Да.

— Назовите номер своего британского паспорта.

— Пэ-эр-тэ черточка эл пять-восемь-два ноля-три черточка один.

— Где вы провели ночь, когда пришло известие о капитуляции Японии?

— В голландском городе Лейден в магазине отца. Отпраздновал победу с несколькими местными друзьями.

— Пойдемте прогуляемся, мистер Лимас. Плащ вам не понадобится. Снимите его и положите на землю там, где стоите. Мои друзья присмотрят за ним.

Лимас какое-то время раздумывал, но потом лишь пожал плечами и снял плащ. Затем они вдвоем быстрым шагом отправились в глубь леса.

— Вам не хуже, чем мне, известно, кто это был, — устало сказал Лимас. — Третий человек в министерстве внутренних дел, секретарь президиума СЕПГ, глава Координационного комитета защиты населения. По всей вероятности, так он узнал о де Йонге и обо мне: видел досье на нас, заведенные в Абтайлунге. В его распоряжении имелись три обширных источника информации: материалы президиума, прямой доступ к сведениям по внутренней политике и экономике, а также доступ к документам восточногерманских спецслужб.

— Но лишь весьма ограниченный доступ. Они бы никогда не подпустили чужака к наиболее секретным досье, — настаивал на своем Петерс.

Лимас пожал плечами.

— И тем не менее его подпустили.

— Как он поступал с полученными от вас деньгами?

— После встречи в тот день я больше не давал ему денег. Цирк тут же взял эти вопросы под свой контроль. Вознаграждение стали переводить в один из банков в Западной Германии. Он даже вернул мне все, что я выплатил раньше. Лондон компенсировал ему соответствующую сумму.

— Насколько полной была информация, кото-

рую вы отправляли в Лондон?

— С того момента исчерпывающей. У меня не оставалось другого выхода. К тому времени Цирк поставил в известность департаменты министерства. И после этого, — добавил Лимас с ядовитой интонацией, — провал стал лишь вопросом времени. Под напором других департаментов Цирк становился все более требовательным. Они стремились выжать как можно больше информации, готовы были платить ему щедрее. В итоге мы вынуждены были предложить Карлу завербовать других людей, чтобы создать агентурную сеть. Мы совершили неимоверную глупость. На Карла легла непосильная нагрузка, подвергавшая его опасности, подрывавшая его доверие к нам. Это стало началом конца.

— Каков был общий объем полученных от него сведений?

Лимас ответил не сразу.

— Общий объем? Боже, я даже не знаю. Операция продолжалась неестественно длительный срок. Но я думаю, что Карла разоблачили задолго до его гибели. В последние месяцы качество поступавшей от него информации заметно упало. Мне кажется, он попал под подозрение, и с тех пор от него стали скрывать по-настоящему важ-

ные материалы.

— И все же, что конкретно он успел вам передать?

И Лимас стал поэтапно вспоминать проделанную Карлом Римеком работу. Петерс не мог не отметить с одобрением, что память этого человека запечатлела все с предельной точностью вопреки огромному количеству спиртного, которое он поглощал. Лимас называл имена и даты, помнил реакцию Лондона, оказываемую оттуда в случаях необходимости помощь. Он помнил суммы, которые запрашивались и выплачивались, даты вербовки в сеть новых агентов.

— Простите, — снова вмешался Петерс, — но я не верю, что всего лишь один человек, каким бы высоким ни было его положение в обществе, как бы он ни был осторожен, изобретателен и усерден, мог собрать такое количество подробнейших данных. Если уж на то пошло, он едва ли успел бы просто-напросто сделать столько фотокопий.

— Но он их сделал, — с нажимом ответил Лимас, внезапно разозлившись. — Он, черт возьми, сумел сделать все это, что бы вы там себе ни думали.

— И Цирк ни разу не потребовал, чтобы вы подробно с ним обсудили, где и как он добывает

всю эту информацию?

— Нет, — резко сказал Лимас. — Римек относился к этому вопросу очень ревностно, и Лондону ничего не оставалось, как оставить его в покое.

— Так-так, — задумчиво покачал головой Петерс. А потом неожиданно спросил: — Вы, случайно, не слышали о дальнейшей судьбе той женщины?

— Какой женщины? — с тревогой спросил Лимас.

— Любовницы Карла Римека. Той, что успела сбежать в Западный Берлин в ночь, когда Римека застрелили.

— А что с ней такое?

— Дело в том, что неделю назад она погибла. Точнее — была убита. Ее расстреляли из проезжавшей мимо машины, когда она выходила из своей квартиры.

— Когда-то это была моя квартира, — почти машинально произнес Лимас.

— Возможно, — предположил Петерс, — она знала о сети, созданной Римеком, больше, чем вы сами.

— Что за чепуху вы несете? — вскинулся Лимас.

Петерс пожал плечами.

— Просто очень странно, — заметил он, — что кому-то понадобилось ее ликвидировать.

Когда тема Карла Римека была исчерпана, Лимасу пришлось подробно рассказать о некоторых своих менее значительных агентах, об организации работы берлинской резидентуры, способах связи, сотрудниках и подручных средствах — явочных квартирах, транспорте, звукозаписывающей и фотографической аппаратуре, которую они использовали. Допрос продолжался ночью и в течение всего следующего дня, и, добравшись наконец до постели, Лимас отметил про себя, что выдал все, что ему было известно о разведке союзных держав в Берлине, выпив при этом две большие бутылки виски.

Одна мысль не давала ему покоя: Петерс был уверен, что Карлу Римеку помогали, причем сотрудничал с ним некто очень высокопоставленный. Но, как он припоминал сейчас, точно такое же мнение в разговорах с ним высказывал Шеф. У него тоже вызывали сомнения масштабы доступа Римека к секретной информации. Почему они оба были настолько уверены, что Карл не мог справляться со всем один? Разумеется, у него имелись помощники, как, например, те двое охранников у канала в день их знакомства. Но

это были люди незначительные — Карл сообщил ему о них все. Но ведь и Петерс — а уж он-то точно знал, к какой информации имел доступ Карл, — тоже отказывался верить, что Карл действовал в одиночку. В этом мнении Петерс и Шеф слишком явно сходились.

Быть может, так и происходило на самом деле? Вероятно, существовал некто другой. Уж не был ли это тот Особый Агент, которого Шеф всеми силами стремился защитить от Мундта? Это означало, что Карл Римек сотрудничал с этим Особым Агентом и передавал информацию, собранную совместными усилиями. Не об этом ли беседовал Шеф с Карлом, когда попросил оставить их наедине тем вечером на квартире Лимаса в Берлине?

Как бы то ни было, завтра многое может проясниться. Завтра Лимас сделает свой ход в игре.

Он задумался о том, кто мог убить Эльвиру. И зачем это понадобилось. Разумеется, напрашивалось простое и вполне рациональное объяснение: Эльвира могла знать Особого Агента, и тогда именно он был заинтересован в том, чтобы устранить ее… Нет, это совершенно безосновательная гипотеза. Ведь для этого потребовалось бы найти способ пересечь границу: Эльвиру убили уже в

Западном Берлине.

И возникал еще вопрос: почему Шеф не сообщил ему о смерти Эльвиры? Чтобы его реакция оказалась более естественной, когда ему скажет об этом Петерс? Впрочем, рассуждения на эту тему ни к чему бы не привели. У Шефа на все имелись свои резоны, причем обычно такие неожиданные, что можно было потратить впустую неделю над их разгадкой.

Уже засыпая, Лимас пробормотал:

— Карл свалял дурака. Эта женщина погубила его. Уверен, что именно она.

Но Эльвира была мертва, а значит, наказана. И тогда он вспомнил о Лиз.

9
День второй

На следующее утро Петерс пришел в восемь, и они без лишних церемоний уселись за стол, чтобы продолжить.

— Итак, вы вернулись в Лондон. Чем вы занялись там?

— Меня списали в архив. Я знал, что моя карьера закончена, еще когда тот козел из отдела кадров встретил меня в аэропорту. Пришлось отправиться сразу к Шефу с отчетом о Карле. А он был мертв — что еще мне оставалось к этому добавить?

— Как с вами поступили дальше?

— Поначалу мне заявили, что я могу просто остаться в Лондоне и получать зарплату до времени выхода на пенсию по возрасту. Они старались выглядеть так омерзительно великодушными, что я вышел из себя и спросил: если уж вы готовы швыряться деньгами и так просто платить мне, то почему бы не сделать немного больше и не начислить мне пенсию в полном размере без стонов о прерванном стаже? В ответ на это озло-

бились уже они. Дали назначение в банковский отдел, где работает одно бабье. Об этой части своей деятельности я уже многого не помню, потому что стал к тому времени основательно прикладываться к бутылке. У меня началась черная полоса в жизни.

Он прикурил сигарету. Петерс понимающе кивал головой.

— Вот почему мне в итоге дали под зад коленом. Им не понравилось, что я пристрастился к алкоголю.

— Но все же расскажите мне хотя бы то, что вы *все-таки запомнили* о своей работе в банковском отделе, — попросил Петерс.

— Это было что-то ужасное. Я всегда знал, что не создан для прозябания в конторе. Вот почему до последнего цеплялся за Берлин. Понимал, что если меня отзовут, то отстранят от реальных дел, но такого никак не ожидал. Боже…

— Чем вам пришлось заниматься?

Лимас пожал плечами.

— Я просиживал задницу в одной комнате с двумя дамами — Терсби и Ларрет. Я их прозвал про себя Четвергом и Пятницей, — глуповато усмехнулся он, а Петерс, кажется, так и не понял юмора. — Мы, как это называется у чиновников,

«двигали бумаги». Поступало письмо из финансового отдела: «Получено разрешение на выплату семисот фунтов такому-то на таких-то условиях. Пожалуйста, обеспечьте своевременное…» Ну и так далее. Вот в общих чертах и все. Мои Четверг с Пятницей снимали копии, что-то подправляли, подшивали в папку, ставили печать, а я выписывал чек и отправлялся в банк, чтобы оформить перевод.

— Какой банк?

— «Блатт энд Родни». Незаметный маленький банк в Сити. В Цирке существует теория, что выпускники Итона не станут болтать лишнего.

— Стало быть, на самом деле вы знали имена агентов по всему миру?

— Вовсе нет. В этом и заключался фокус. Понимаете, я выписывал чек или банковское поручение, но графа для имени получателя денег оставалась пустой. Банк принимал чек к оплате, прикладывал подписанное как положено сопроводительное письмо, а потом в запечатанном конверте все это возвращалось в группу специальной рассылки.

— А это что еще такое?

— Вот в этой особой группе знали имена и прочую информацию об агентах. Они вписывали

фамилии в пустые строки и сами отправляли чеки. Чертовски умно, если вдуматься.

Петерс выглядел разочарованным.

— Вы хотите сказать, что вообще не знали фамилий получателей?

— Нет. Как правило, не знал.

— Как правило, но не всегда?

— Верно. Порой и к нам кое-что просачивалось. Все эти обмены бумагами между банковским, финансовым отделами и группой специальной рассылки порой приводили к сбоям. Усложненность системы давала обратный эффект. А еще бывали редкие случаи, которые вносили хоть какое-то разнообразие в мою жизнь. — Лимас поднялся из-за стола. — Я составил список всех платежей, которые запомнил, — сказал он. — Лежит у меня в комнате. Сейчас принесу.

И он вышел из комнаты слегка шаркающей походкой, которая появилась у него после приезда в Голландию. Вернулся он с парой листов разлинованной бумаги, вырванных из дешевой тетрадки.

— Занялся этим прошлой ночью, — объяснил он. — Подумал, что сэкономлю нам немного времени.

Петерс взял листки, прочитал их медленно и

внимательно. Казалось, они произвели на него должное впечатление.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо.

— А потом я вспомнил нечто под названием «Роллинг стоун». Мне под эту дудочку удалось даже дважды слетать за границу. Сначала в Копенгаген, а потом в Хельсинки. Просто чтобы сбросить в банках деньги.

— Сколько?

— Десять тысяч долларов в Копенгагене, сорок тысяч марок в Хельсинки. Западных, разумеется.

Петерс опустил карандаш.

— Для кого?

— А бог его знает. При осуществлении этой операции мы использовали систему депозитных счетов. Цирк выдавал мне фальшивый британский паспорт. Я шел в Скандинавский королевский банк в Копенгагене или в Национальный банк Финляндии в Хельсинки и клал деньги на совместный депозитный счет, получая взамен две чековые книжки. Одну на мое фальшивое имя, другую на такое же фальшивое имя, но, как я понимаю, то, которым пользовался агент. В банке я оставлял образец подписи второго держателя счета. Меня им снабжали еще в Лондоне. Позже агенту передавали чековую

книжку и фальшивый паспорт, чтобы он мог снять деньги. Поэтому его настоящая фамилия оставалась мне неизвестной. — Он слушал сам себя и думал, насколько неправдоподобно и даже нелепо звучит его история.

— Это была обычная процедура?

— В том-то и дело, что нет. Это были какие-то специальные платежи. И к документам крепился список допущенных.

— То есть?

— Об операции под этим кодовым наименованием знало лишь ограниченное число людей.

— Каким кодовым наименованием?

— Я же его вам только что назвал — «Роллинг стоун». Операция предусматривала строго секретные платежи в эквиваленте десяти тысяч долларов США в столицах разных стран мира.

— Но всегда только в столицах?

— Насколько я знаю, да. Помню, мне на глаза попался документ, из которого следовало, что платежи в рамках операции «Роллинг стоун» проводились и раньше, еще до моего прихода в отдел, но в тех случаях деньги вносили не представители банковского отдела, а сами местные резиденты.

— Те платежи, которые произвели до вашего

прихода… В каких городах?

— Один в Осло. А вот про второй ничего не помню.

— Для агента использовали одну и ту же фальшивую фамилию?

— Нет. Была принята дополнительная мера безопасности. Позже мне говорили, что мы позаимствовали эти трюки из арсенала русских. Это была самая мудреная схема оплаты, с какой мне приходилось сталкиваться. Точно так же и я сам пользовался в каждой из поездок разными псевдонимами и разными фальшивыми паспортами.

Вот это Петерсу понравится, поскольку кое-что для него прояснит.

— Что вы знаете о фальшивых паспортах, которые выдавались агенту, чтобы он мог снимать деньги? Где и как их изготавливали? Каким образом передавали?

— Ничего. Нет, постойте. Знаю, что в них непременно имелась виза той страны, где снимались деньги, и штамп о пересечении границы. Тоже фальшивые, разумеется.

— Фальшивые штампы пограничников?

— Да. Как я понял, эти паспорта никогда не предъявлялись для въезда в страну. Они были нужны исключительно при снятии денег с депо-

зита. Агент путешествовал по своему настоящему паспорту и совершенно легально пересекал границу. А потом уже в банке предъявлял фальшивку. По крайней мере такое у меня сложилось впечатление.

— Вы поняли, почему раньше платежи осуществлялись резидентами, а потом для этого стали отправлять людей из Лондона?

— Причина мне известна точно. Я спрашивал об этом у моих любимых Четверга с Пятницей. Дело в том, что Шеф опасался…

— Шеф?! Вы хотите сказать, что операцией руководил лично Шеф?

— Да, он возглавлял ее, и у него появились опасения, что резидента могут знать в банке в лицо или запомнить. Вот почему он решил использовать почтальона, то есть меня.

— Когда вы совершили эти поездки?

— В Копенгаген я летал пятнадцатого июня. Вернулся в тот же вечер. А в Хельсинки был в конце сентября. Там я провел два дня и в Лондон прибыл числа двадцать восьмого. В Хельсинки я позволил себе немного поразвлечься.

Он ухмыльнулся, но Петерс словно не заметил этого.

— А прежние платежи? Когда были открыты

депозиты для них?

— Вот этого не помню, уж извините.

— Но один определенно производился в Осло?

— Да, в Осло.

— А не помните разницу во времени между двумя первыми платежами? Теми, что осуществляли резиденты. Сколько времени прошло между первым и вторым?

— Точно не скажу, но, по-моему, немного. Быть может, около месяца. Или чуть больше.

— Как по-вашему, этот агент уже работал на вас достаточно долго, прежде чем ему впервые выплатили вознаграждение? В досье это было как-то отражено?

— Понятия не имею. В досье указывались только произведенные выплаты. Первая относилась к началу 1959 года. Никаких других данных. По этому принципу всегда осуществляются операции с ограниченным кругом лиц, имеющих доступ к информации. В разных папках содержатся лишь отдельные фрагменты по одному и тому же делу. И только тот, кто обладает возможностью иметь копии всех папок, видит картину в целом.

Теперь Петерс строчил в своем блокноте непрерывно. Лимас не сомневался, что где-то в комнате работает магнитофон, но последующая расшиф-

ровка записи потребует времени. То, что Петерс писал сейчас, ляжет в основу более или менее краткой телеграммы, которая отправится в Москву уже вечером, а потом девушки в советском посольстве в Гааге проведут бессонную ночь, передавая дословный текст многочасовых допросов.

— Я хочу знать ваше мнение, — произнес Петерс. — Речь идет о крупных суммах. Причем сама по себе организация их выплаты была предельно усложнена и тоже стоила немалых денег. Что вы сами думали по этому поводу?

Лимас пожал плечами.

— А что мне оставалось думать? Я посчитал, что у Шефа появился чертовски хороший источник, но поскольку я сам никогда не видел его донесений, то ничего не мог знать наверняка. Мне изначально не нравились используемые методы — слишком высокий уровень, слишком сложно, слишком умно. Почему они не могли просто назначать ему встречи и платить наличными? Неужели ему было так легко пересекать границы по своему подлинному паспорту, держа в кармане фальшивый? Все это очень сомнительно.

Настала пора напустить тумана и заставить их преследовать добычу вслепую.

— Что-то я не совсем понял вас. Поясните свою мысль.

— Я считаю, что деньги с депозитов еще никто не снимал. Предположим, речь идет о высокопоставленном агенте за «железным занавесом». Тогда деньги будут дожидаться на счетах, пока у него не появится возможность без труда получить их. По крайней мере такой вариант выглядел бы для меня логичным. Но нельзя сказать, чтобы я так уж много размышлял об этом. С чего бы? В том-то и заключалась суть нашей работы, чтобы знать лишь отдельные фрагменты целого. Вы же понимаете. А если хотите разобраться во всем до конца, то бог вам в помощь.

— Если придерживаться вашей версии, что деньги никто до сих пор не снимал, то чего ради вся эта суета с паспортами?

— Когда я работал в Берлине, мы наладили специальную систему для Карла Римека на случай, если ему понадобится срочно бежать, а связи с нами не будет. На конспиративной квартире в Дюссельдорфе лежал заготовленный для него фальшивый западногерманский паспорт. Он мог забрать его в любое время, следуя определенной и заранее оговоренной процедуре. Срок действия паспорта не мог закончиться. Этим занимался

наш особый транспортный отдел, который обновлял и сам паспорт, и все необходимые визы в нем. Шеф мог применить ту же тактику в отношении своего человека. Но точно я не знаю — это всего лишь догадки.

— Тогда откуда такая уверенность, что паспорта вообще существовали?

— Об этом упоминалось в папке, курсировавшей между банковским и особым транспортным отделом, который как раз и занимается изготовлением поддельных документов и виз.

— Понятно. — Петерс ненадолго задумался, а потом вдруг спросил: — Под какими именами вы путешествовали в Копенгаген и Хельсинки?

— Роберт Ланг, инженер-электрик из Дерби. Это для Копенгагена.

— Когда именно вы были в Копенгагене? — задал новый вопрос Петерс.

— Я же сказал, пятнадцатого июня. Прилетел туда утром, примерно в половине двенадцатого.

— Каким банком вы воспользовались?

— О, ради всего святого, Петерс! — Лимас начал заметно злиться. — Королевским скандинавским. У вас все это уже записано.

— Хотел лишь дополнительно перепроверить, — невозмутимо отозвался собеседник,

продолжая писать. — А в Хельсинки? Под какой фамилией вы летали туда?

— Стивен Беннетт, кораблестроитель из Плимута. И я там был, — добавил он не без сарказма, — в конце сентября.

— Вы побывали в банке в день прилета?

— Да. Это было двадцать четвертого или двадцать пятого числа, точнее не помню, как уже объяснял.

— Вы везли с собой деньги из Англии?

— Разумеется, нет. В каждом случае суммы предварительно переводились на счет резидента. Он встречал меня в аэропорту и передавал деньги в портфеле, а я доставлял их в банк.

— Кто резидент в Копенгагене?

— Петер Йенсен, владелец книжного магазина при университете.

— А какими фальшивыми именами должен был пользоваться агент?

— В Копенгагене — Хорст Карлсдорф. Думаю, что не ошибаюсь… Да, точно, Карлсдорф. Мне еще все время хотелось сказать — Карлхорст.

— Легенда?

— Менеджер из австрийского Клагенфурта.

— А во втором случае? В Хельсинки?

— Фехтманн. Адольф Фехтманн из Сент-Галлена

в Швейцарии. У него еще, кажется, была ученая степень. Да, он значился как доктор Фехтманн, историк-архивист.

— Заметили закономерность? Оба псевдонима подразумевают знание немецкого языка в совершенстве.

— Да, я обратил на это внимание. Но это не может быть немец.

— Почему же?

— Не забывайте, что я возглавлял всю работу в Берлине. Мне было бы об этом известно. Высокопоставленный агент в Восточной Германии находился бы на связи с Берлином. Я бы все о нем знал. — Лимас встал, подошел к столику и налил себе виски. О Петерсе он не позаботился.

— Но вы сами сказали, что в данном случае были приняты чрезвычайные меры предосторожности, введены особые процедуры. Возможно, они посчитали, что вам не нужно ни о чем знать.

— Не несите чепухи, — снова взъелся Лимас. — Конечно же, я был бы в курсе.

Этой точки зрения он будет держаться до упора вопреки всякой логике: даст им ощущение, что они умнее, добавив таким образом достоверности своим показаниям.

«Они захотят сделать из всего собственные вы-

воды вопреки вашему мнению, — предупреждал Шеф. — Мы должны подкинуть им для этого материал, но высказывать скептицизм по поводу их возможных выводов. Сделаем ставку на их интеллект и самоуверенность, на их подозрительность друг к другу — вот какой будет наша тактика».

Петерс кивнул, словно только что убедился, насколько печальной может быть иногда правда для любого из нас.

— Вы — очень гордый человек, Лимас, — повторил он сказанные раньше слова.

Вскоре после этого Петерс покинул его. Пожелав Лимасу хорошо провести остаток дня, он ушел по дороге, ведущей вдоль моря, еще до того как наступило время обеда.

10
День третий

Петерс не вернулся ни позже в тот же день, ни назавтра утром. Лимас торчал в четырех стенах, с нарастающим раздражением ожидая хоть каких-то сообщений, но их не поступало. Он обратился к хозяйке дома, но та лишь улыбнулась в ответ, пожав своими полными округлыми плечами. На следующее утро около одиннадцати часов он решил прогуляться по берегу, купил сигарет и с тоской смотрел на море.

У полосы прибоя на пляже стояла девочка и кидала кусочки хлеба чайкам. Он видел только ее спину. Морской ветер играл длинными черными волосами и раздувал пальто, отчего ее фигура напоминала лук, нацеленный в сторону воды. И именно в этот момент он осознал, как много дала ему Лиз: нечто, к чему он должен вернуться и вновь обрести, если ему только удастся добраться до Англии. Это было умение дорожить незначительными на первый взгляд вещами, вера в реальность нормальной, обыкновенной жизни; простота, с которой можно было положить в бу-

мажный пакет кусок хлеба, отправиться к морю и кормить чаек. Уважение к обыденности, которое ему прежде попросту не доводилось испытывать, да и обстоятельства не позволяли, — будь то хлеб для птиц или любовь. Ему необходимо вернуться и снова найти это. Вернее, позволить Лиз опять подарить ему это. Неделя, быть может, две — и он вернется домой. Шеф сказал, что ему позволят оставить себе все, что он получит, а значит, денег хватит. С пятнадцатью тысячами фунтов, выходным пособием и пенсией из Цирка человек, как выразился бы Шеф, может себе позволить вернуться с холода.

Лимас сделал круг и позвонил в дверь бунгало только без четверти двенадцать. Хозяйка молча впустила его, но он, едва войдя в комнату в задней части дома, услышал, как она сняла трубку телефона и набрала номер. Говорила она всего несколько секунд. В половине первого принесла ему обед и, к его радости, английские газеты, которые он с удовольствием просматривал до трех часов. Лимас обычно не читал ничего, но на этот раз изучал газетные строки медленно и внимательно. Он запоминал детали вроде имен и мест, где жили люди, о которых говорилось даже в самых мелких заметках, и делал это почти

бессознательно, словно придумал игру для тренировки памяти, и она полностью увлекла его.

В три часа прибыл Петерс, и стоило Лимасу увидеть его, как он понял: что-то произошло. Они не сели за стол, Петерс даже не снял своего макинтоша.

— У меня для вас дурные вести, — сказал он. — В Англии вы объявлены в розыск. Я услышал об этом сегодня утром. Они установили наблюдение во всех портах.

— В чем меня обвиняют? — спросил Лимас хладнокровно.

— Формально в нарушении правил условно-досрочного освобождения. Вы не явились для регистрации в полицейский участок в положенное время.

— А в действительности?

— По слухам, за действия, противоречащие закону о сохранении государственной тайны, подписку о соблюдении которого вы давали. Ваши фотографии будут опубликованы во всех лондонских вечерних газетах, хотя пока не ясно, какими текстами их сопроводят.

Лимас замер на месте.

Это дело рук Шефа. Именно он инициировал розыск. Другого объяснения быть не могло.

Даже если они взяли Эйша и Кивера и те все разболтали, в розыск объявить его могли только с санкции Шефа. «На все про все потребуется пара недель, — заверял он. — Я предполагаю, что вас увезут куда-нибудь для детальных допросов — может быть, даже за границу. Но двух недель окажется более чем достаточно. Дальше события начнут развиваться сами по себе. Вам просто придется лечь здесь на дно, пока запущенная вами химическая реакция не закончится. Но вы, как я понимаю, ничего не имеете против. Мною дано указание оставить вас в числе оперативных сотрудников до того момента, когда Мундт будет уничтожен. Это показалось мне справедливым решением вопроса».

А теперь такое!

Это не было частью их уговора, возникли совершенно непредвиденные обстоятельства. Что, черт возьми, ему делать в новых условиях? Если выйти из игры сейчас, отказаться от дальнейшего сотрудничества с Петерсом, вся задуманная операция будет сорвана. Конечно, существовала вероятность, что Петерс лгал, что это была всего лишь проверка, и тогда тем более стоило соглашаться на продолжение работы с ним. Да, но если он согласится и отправится с ним на восток — в

Польшу, Чехословакию или бог знает куда еще, — то у них не останется ни малейшей причины отпускать его назад. Более того, как преступник, находящийся в розыске на Западе, Лимас едва ли сможет придумать разумное объяснение, почему он хочет вернуться.

Нет, за этим стоит Шеф — на этот счет сомнений у него не оставалось. Уж слишком щедрыми были предложенные условия. Почему он не понял этого с самого начала? В Цирке не разбрасывались такими суммами, за исключением тех случаев, когда сотрудник шел на смертельный риск. Подобные деньги служили компенсацией за опасность, о которой Шеф предпочел не распространяться. Само по себе обещанное вознаграждение могло послужить предостережением, но Лимас не разглядел и не услышал его.

— Но как, чтобы им гореть в аду, они обо всем узнали? — тихо спросил он. А потом, словно его только что осенило, сказал: — Конечно, ваш приятель Эйш мог им настучать или тот же Кивер…

— Возможно, — отозвался Петерс. — Вы, как и я, знаете, что такое вполне вероятно. При нашей работе ни в чем и ни в ком невозможно быть до конца уверенным. Но факт остается фактом, — добавил он уже с некоторым нетерпением в

голосе. — Вас теперь будут искать в каждой из стран Западной Европы.

Но Лимас словно не слышал его.

— Я теперь у вас на крючке, верно, Петерс? — продолжал он. — Ваши люди животы надорвут от смеха. Если только не они сами подложили мне эту свинью, а?

— Вы преувеличиваете наши возможности, — угрюмо произнес Петерс.

— Тогда зачем было следить за мной? Объясните хотя бы это. Утром я вышел прогуляться, и двое мужчин в коричневых костюмах, держась друг от друга на дистанции ярдов в двадцать, следовали за мной всю дорогу. А как только я вернулся, хозяйка тут же поспешила сообщить о моем появлении вам.

— Давайте придерживаться только того, что нам известно наверняка, — вместо ответа предложил Петерс. — Каким образом власти вашей страны все про вас узнали, в данный момент не представляет для меня особого интереса. Важно лишь то, что узнали.

— Вы, случайно, не захватили с собой первых выпусков вечерних лондонских газет?

— Нет, конечно. Сюда они не доходят. Мы просто получили телеграмму из Лондона.

— Это вранье. Мне прекрасно известно, что ваш аппарат может принимать только телеграммы из Центра.

— На столь крайний случай было получено разрешение на связь между двумя региональными аппаратами, — злобно парировал Петерс.

— Вот, значит, как, — сказал Лимас с кривой усмешкой. — Вы, стало быть, крупная шишка. Или, — его снова словно бы осенило, — Центр сам руководит операцией. Угадал?

Этот вопрос Петерс не удостоил ответом.

— Альтернатива вам понятна. Или вы разрешаете нам позаботиться о вас, организовать безопасный уход, или остаетесь предоставленным самому себе, что приведет к очень быстрому аресту. У вас нет паспорта на другую фамилию, нет денег, нет вообще ничего. Даже ваш подлинный британский паспорт через десять дней станет недействительным.

— Но есть и третий вариант. Вы снабжаете меня швейцарским паспортом, даете денег и отпускаете. Тогда я смогу позаботиться о себе.

— Боюсь, это сочтут нежелательным.

— Вы хотите сказать, что не закончили допросы? И пока не закончите, моя ценность для вас не исчерпана?

— Да, положение примерно таково.

— И что вы сделаете со мной, когда все завершится?

Петерс усмехнулся.

— А чего бы вам хотелось?

— Смены личности. Возможно, паспорт одной из скандинавских стран. Обещанные деньги.

— Уж очень стандартно, — заметил Петерс, — но я запрошу свое руководство. Так вы едете со мной?

Лимас помолчал в нерешительности, потом спросил:

— А если откажусь, как вы поступите? В конце концов я могу много чего о вас порассказать.

— Ваши истории гроша ломаного не стоят без доказательств. Меня здесь не будет уже сегодня. А Эйш и Кивер… — Он пожал плечами. — Кого они могут заинтересовать?

Лимас подошел к окну. Начинался шторм. Он смотрел, как чайки кружат на фоне почерневшего неба. Девочки не было.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Действуйте.

— Самолетов в Восточную Европу теперь не будет до завтра. А вот в Берлин есть рейс через час. Мы должны успеть на него. Придется поторо-

питься. Время поджимает.

Пассивная роль, выпавшая на долю Лимаса тем вечером, позволила ему еще раз в полной мере оценить неброскую эффективность и организаторские таланты Петерса. Паспорт для него заготовили заранее — Центр предвидел даже такую ситуацию. Он был выдан на имя Александра Туайта, владельца туристического агентства, и в нем почти не осталось места от многочисленных виз и пограничных штампов — потрепанный, захватанный чужими пальцами паспорт профессионального путешественника. Голландский офицер бросил на него небрежный взгляд и поставил еще одну печать. Петерс стоял в очереди на контроль человека через три за Лимасом, и формальности, казалось, не интересовали его вообще.

Лимас вошел в зал вылета и сразу заметил книжный киоск. На стойке был выложен набор газет из разных стран мира: «Фигаро», «Монд», «Нойе цюрихер цайтунг», «Ди вельт» наряду с десятком британских газет и журналов. Пока он всматривался в названия, к стойке подошла девушка-продавец и выложила на свободную полку номер «Ивнинг стэндард». Лимас бросился к киоску и схватил газету.

— Сколько с меня? — спросил он, но, сунув руку в карман брюк, вспомнил, что у него вообще нет голландских денег.

— Тридцать центов, — ответила девушка. Она была довольно-таки хорошенькая, темноволосая и приветливая.

— Но у меня есть только два английских шиллинга. Это примерно гульден. Могу я заплатить ими?

— Да, разумеется, — ответила она.

Лимас отдал ей монету и оглянулся: Петерс еще не прошел паспортный контроль и стоял спиной к нему. Не колеблясь ни секунды, Лимас направился прямиком в мужской туалет. Там он быстро, но предельно внимательно просмотрел каждую полосу газеты, швырнул их в урну для мусора и вернулся в зал ожидания. Все оказалось правдой: газета опубликовала его снимок с коротким текстом. «Интересно, заметит ли это Лиз?» — думал он, медленно идя по проходу для пассажиров. Через десять минут они уже сидели в самолете, вылетавшем в Берлин через Гамбург. И впервые с того момента, когда все это началось, Лимасу стало по-настоящему страшно.

11
Друзья Алека

В тот же вечер Лиз навестили двое мужчин.

Квартирка Лиз Голд располагалась в доме у северной оконечности Бэйсуотера. В ней стояли две односпальные кровати и работал газовый камин — довольно симпатичный, в пепельно-серых тонах, который шипел, как современные приборы, а не булькал, подобно старым моделям. Она порой смотрела на огонь, когда у нее бывал Лимас, и только камин освещал почти погруженную во мрак комнату. Он ложился на кровать, на ее кровать, что располагалась дальше от двери, а она садилась рядом и целовала его или смотрела на газовую горелку, прижавшись щекой к его щеке. Сейчас она уже боялась думать о нем слишком часто, потому что забыла, как он выглядел, и потому разрешала себе лишь мимолетные мысли, в которых видела его смутно и как бы издалека. И тогда к ней могло вдруг прийти настоящее воспоминание — какая-нибудь мелочь, которую он сделал или о которой говорил; как он смотрел на нее или, что бывало гораздо чаще, как не обращал

на нее внимания вообще. Весь ужас заключался в том, что у нее не осталось на память о нем ничего — ни фотографии, ни хоть какой-то вещицы, ровным счетом ничего. Даже ни одного общего друга — только мисс Крэйл из библиотеки, чья ненависть к нему была полностью удовлетворена его внезапным исчезновением. Однажды Лиз ходила в дом, где он жил, и повстречалась с хозяином. Она сама не смогла бы объяснить, зачем это сделала, но набралась храбрости и пошла. Домовладелец отзывался об Алеке очень тепло: мистер Лимас вносил плату аккуратно, как истинный джентльмен, до самого конца. Правда, потом образовался небольшой должок за пару недель, но приехал приятель мистера Лимаса и полностью рассчитался без лишних вопросов или споров. Лично он, квартирный хозяин, всегда говорил и любому готов подтвердить, что мистер Лимас — человек порядочный. Причем, заметьте, никаких супер-пупер школ он не заканчивал, не важничал, но вел себя, как благородный. Иногда, конечно, на него нападала тоска, и он выпивал больше, чем полезно для здоровья, но дома всегда вел себя прилично. А тот его дружок, который заходил, — маленький такой, в очках и с виду застенчивый, — так он прямо сказал:

мистер Лимас, сказал, особенно настаивал, чтобы дела с его квартплатой непременно уладили. Вот как! И если он после этого не джентльмен, тогда квартирный хозяин вообще, стало быть, никогда с джентльменами не встречался. Уж где он брал деньги, одному богу известно, но мистер Лимас был человек хороший, это точно. А если он подрался с тем торговцем, то бишь Фордом, так этому гаду многие мечтали рыло начистить еще со времен войны. Комната? А что комната? Ее, конечно, пришлось сдать другому жильцу. Там поселился один приезжий из Кореи через два дня после того, как мистера Лимаса забрала полиция.

Скорее всего именно из-за него Лиз продолжала работать в библиотеке — потому что там он все еще продолжал незримо присутствовать: лестница, полки, книги, карточки и формуляры — все это были вещи, ему знакомые, к которым он прикасался, и, кто знает, однажды мог вернуться. Хотя он сказал, что не вернется никогда, она ему не поверила. Как не смогла бы поверить больному, утверждавшему, что он уже никогда не поправится. Между прочим, мисс Крэйл тоже была уверена в его неизбежном возвращении: совершенно неожиданно вскрылась недопла-

та ему жалованья за неделю, и ее выводила из себя мысль о том, что монстр, каким она его воспринимала, повел себя вопреки правилам, предписанным всем чудовищам, и не явился, чтобы забрать ему причитающееся. После того как Лимас пропал, Лиз постоянно терзалась вопросом: зачем он избил мистера Форда? Ей был известен его необузданный темперамент, но здесь причиной послужило что-то другое. Алек явно готовился совершить этот поступок, как только полностью выздоровеет. Поэтому он накануне и попрощался с ней, почему еще? Он знал, что изобьет мистера Форда на следующий день. Она отказывалась принять единственное другое рациональное объяснение — что он попросту устал от нее и решил расстаться, а днем позже, все еще в расстроенных чувствах, не справился с эмоциональным напряжением, не выдержал хамства мистера Форда и ударил его. Она ведь знала, видела с самого начала, что Алек должен совершить что-то. Он чуть ли не прямо говорил ей об этом. Но что именно, она и предположить не могла.

Поначалу она решила, что его ссора с мистером Фордом возникла по какому-то старому поводу, на почве взаимной ненависти, уходящей корня-

ми в прошлое и связанной, быть может, с бывшей девушкой Алека или с его семьей. Но достаточно было увидеть мистера Форда, чтобы подобные предположения показались смехотворными. Это был типичный мелкий буржуа — осторожный, но самодовольный и злобный. И к тому же, если Алек и вынашивал планы вендетты против мистера Форда, зачем он напал на него в субботу, когда так много народа отправляется за покупками и рядом оказалось столько свидетелей?

Они обсудили происшествие на собрании местной коммунистической ячейки. Джордж Хэнби, ответственный за сбор партийных взносов, случайно проходил мимо той лавки, когда все случилось. Сам он почти ничего не разглядел из-за густой толпы зевак, но разговаривал с парнем, который видел все. На Хэнби это произвело такое сильное впечатление, что он позвонил в «Уоркер»[14], и они прислали корреспондента на заседание суда. Вот почему «Уоркер» оказался одним из немногих изданий, посвятивших теме половину центрального разворота. «Это был прямой протест, спонтанная вспышка социальной вражды и ненависти к правящим клас-

[14] Примечания: 14

Имеется в виду газета «Дейли уоркер» — в то время орган компартии Великобритании, предшественница «Морнинг стар».

сам», — писал репортер «Уоркера». Тот человек, с которым разговаривал Хэнби (обыкновенный гражданин в очках, по всей видимости, рядовой служащий), рассказал, что все произошло совершенно внезапно, и для Хэнби это послужило лишним подтверждением того, из какого легковоспламеняющегося материала была выстроена капиталистическая система. Лиз молча слушала разглагольствования Хэнби. Никто из товарищей, конечно же, не знал о ее связи с Лимасом. И она вдруг поняла, что ненавидит Джорджа Хэнби. Это был самодовольный мужчина с грязными мыслями, который постоянно пялился на нее и при случае пытался лапать.

А потом приехали эти двое.

Ей сразу показалось, что они не похожи на обыкновенных полицейских: выглядели слишком интеллигентно, а на их небольшом черном автомобиле стояла сложного вида антенна. Один из них был низкорослым толстячком в очках и странной, хотя и дорогой одежде. Он производил впечатление человека доброго, но немного нервного, и Лиз с первых минут прониклась к нему безотчетным доверием. Второй выглядел более подтянутым, но не щеголеватым — с виду совсем еще молодой, хотя, как она подозревала, ему было

лет около сорока. Они представились офицерами особого отдела и предъявили закатанные в пластик удостоверения с фотографиями. Говорил главным образом толстячок.

— Насколько мне известно, вы поддерживали дружеские отношения с Алеком Лимасом, — начал он.

Ей хотелось рассердиться, но этот пухлый мужчина был столь серьезен, что злиться на него казалось глупостью.

— Да, — ответила она. — А как вы об этом узнали?

— Совершенно случайно и буквально накануне. Когда человека сажают… Помещают в тюрьму, его просят указать ближайшего родственника. Лимас сначала заявил, что у него нет близких, но, как выяснилось, это была неправда. Тогда его спросили, кого им информировать, если в тюрьме с ним случится какое-то несчастье. И он назвал вас.

— Теперь понятно.

— Кто-то еще знает о вашей с ним дружбе?

— Нет.

— Вы присутствовали на суде?

— Нет.

— Вам не звонили репортеры, люди, которым

он задолжал деньги, или кто-нибудь другой?

— Нет. Я же вам сказала. Больше никто не знал. Даже мои родители. Никто. Конечно, мы работали вместе в библиотеке литературы, принадлежащей лаборатории экстрасенсорных исследований, но и об этом известно только мисс Крэйл, заведующей. А я сомневаюсь, чтобы она догадывалась о связи между нами. Она вообще со странностями, — добавила Лиз.

Маленький человек некоторое время очень серьезно смотрел на нее, а потом спросил:

— Вы удивились, когда мистер Лимас избил мистера Форда?

— Да, конечно.

— Почему, как вы считаете, он сделал это?

— Не знаю. Наверное, потому, что Форд отказал ему в кредите на товары. Но мне показалось, что Алек решился на все заранее. — Она сразу поймала себя на мысли, что сболтнула лишнее, но ей очень хотелось хоть с кем-то поговорить обо всем. Ей было очень одиноко, и она не видела в этом большого вреда. — В ту ночь, в ночь накануне событий, мы с ним разговаривали. Мы ужинали вместе, и это получился особый ужин. Алек настоял на нем, и я поняла, что это будет наша с ним последняя ночь. Он где-то достал бутылку

красного вина, но оно мне не очень понравилось. Почти все выпил сам Алек. А потом я спросила: «Мы с тобой прощаемся?» — хотела убедиться, что это конец.

— И что же он ответил?

— Сказал, что ему предстоит важное дело. Но я ничего толком не поняла.

Воцарилось долгое молчание, и маленький человечек выглядел еще более встревоженным. Наконец он спросил:

— Вы ему поверили?

— Не знаю. — Ей внезапно стало страшно за Алека, хотя она не понимала причин. Мужчина задал еще один вопрос:

— Лимас был женат, и у него остались двое детей. Он вам рассказывал об этом?

Лиз промолчала.

— Но, несмотря на это, именно вас он указал как самого близкого человека. Вы хотя бы догадываетесь почему?

Казалось, толстячка смутил собственный вопрос. Он смотрел на свои пухлые руки, которые держал стиснутыми на коленях. Лиз тоже покраснела.

— Я любила его, — ответила она.

— А он? Он любил вас?

— Возможно. Я не знаю.

— И вы все еще его любите?

— Да.

— Он обещал, что когда-нибудь вернется? — спросил тот, что был помоложе.

— Нет.

— Но он тем не менее сказал вам «До свидания»? — быстро задал вопрос его напарник. — Или он сказал вам «Прощай»?

Маленький человек повторил свой вопрос медленно и с доброй интонацией в голосе.

— С ним больше ничего не случится, я обещаю. Но мы хотели бы помочь ему, и, если у вас есть догадки, почему он ударил Форда, любые предположения, основанные на том, что он вам говорил, о чем мог случайно обмолвиться, тогда ради его блага расскажите нам об этом.

Лиз покачала головой.

— Пожалуйста, уходите, — сказала она. — Прошу, не надо больше задавать мне никаких вопросов. Пожалуйста, уходите сейчас же.

Подойдя к двери, тот, что был постарше, помялся, а потом достал из бумажника визитную карточку и положил ее на столик так осторожно, словно она могла наделать много шума.

— Если вам понадобится помощь, если узнаете

что-то об Алеке или… Словом, позвоните мне, — сказал он. — Вы сделаете это?

— Кто вы такой?

— Я — друг Алека Лимаса.

Он снова замолчал в нерешительности.

— Есть еще кое-что, — произнес он наконец, — один последний вопрос. Алек знал, что вы член… Словом, он знал, что вы состоите в компартии?

— Да, — ответила она с безнадежностью в голосе. — Я сказала ему об этом.

— А ваши товарищи по партии знали о вас и Алеке?

— Я же вам говорила. О нас не знал никто. — Страшно побледнев, она вдруг выкрикнула: — Где он? Скажите мне, где он?! Почему вы не хотите мне сказать, что с ним? Разве вы не видите — я могла бы ему помочь, я бы ухаживала за ним, даже… Даже если он сошел с ума. Мне все равно, клянусь, для меня это не имеет значения… Я писала ему в тюрьму. Понимаю, не следовало этого делать. Просто хотела дать ему знать, что он может вернуться в любое время. Я всегда буду ждать его…

Она больше не могла говорить и лишь всхлипывала, стоя в центре комнаты, спрятав в ладонях искаженное горем лицо. Маленький человечек

наблюдал за ней.

— Алек уехал за границу, — произнес он тихо. — Мы точно не знаем, куда именно. И он не сумасшедший. Но только ему не следовало говорить вам так много. Право, жаль, что он это сделал.

Более молодой добавил:

— Мы позаботимся о вас. Поможем деньгами и всем, что понадобится.

— Кто вы такие? — снова спросила Лиз.

— Друзья Алека, — повторил молодой. — Старые друзья.

Она слышала, как они почти бесшумно спустились по лестнице и вышли на улицу. Из окна было видно, как их небольшая черная машина отъехала в сторону парка.

Потом она вспомнила о визитной карточке. Подошла к столику, взяла ее и поднесла к свету. Это была дорогая визитка, какую не мог бы себе позволить простой полицейский, подумала она. Гравированная. Перед именем ни звания, ни адреса полицейского участка, ничего. Просто «Мистер»... И где это видано, чтобы полисмен жил в Челси?

«Мистер Джордж Смайли. Челси, Байуотер-стрит, дом 9». И номер телефона внизу.

Все это было очень странно.

12
Восток

Лимас отстегнул ремень безопасности.

Говорят, что приговоренные к смерти порой переживают моменты острой радости, уподобляясь мотылькам, летящим на огонь, для которых мгновение гибели становится кульминацией существования. Вот и Лимас сразу после принятия решения испытал схожее чувство: облегчение, пусть кратковременное, но успокаивающее, овладело им в первые минуты. Но затем оно сменилось ощущениями страха и голода.

Он терял скорость реакции. Шеф был прав.

Впервые это стало ему понятно еще в начале года, когда он продолжал заниматься делами Римека. Карл тогда прислал сообщение: он добыл крайне важную информацию, и ему как раз выпала редкая возможность посетить Западную Германию для участия в какой-то конференции юристов в Карлсруэ. Лимас самолетом добрался до Кельна, а в аэропорту взял в аренду машину. Стояло раннее утро, и он надеялся избежать слишком густого транспортного потока на автобане,

который вел в сторону Карлсруэ, но просчитался: тяжелые грузовики уже двинулись в путь. За первые полчаса он ухитрился преодолеть семьдесят километров, виляя между автомобилями, порой рискуя, чтобы выиграть время, когда маленькая машинка (кажется, «фиат») неожиданно выскочила в крайний левый ряд в каких-то сорока ярдах перед ним. Лимас резко нажал на тормоз, включил дальний свет и засигналил, но лишь по чистой случайности избежал столкновения, до которого оставались доли секунды. Обгоняя уступивший ему дорогу автомобильчик, он краем глаза увидел в нем четверых маленьких детишек, махавших ему руками и смеявшихся, а потом тупое, все еще испуганное лицо их отца, сидевшего за рулем. Он промчался мимо, выругавшись про себя, и вдруг с ним произошло это: крупно затряслись руки, лицо изнутри обдало жаром, а сердце забилось в бешеном ритме. Лимас сумел свернуть с шоссе на площадку для отдыха, вывалился из машины и стоял, тяжело дыша, глядя на поток большегрузных фур, проносившихся мимо. Перед его мысленным взором предстала крошечная легковушка, зажатая между ними, раздавленная всмятку и раскатанная огромными колесами. Не осталось ничего, кроме беспорядочного воя

клаксонов, синих проблесковых маячков полиции и детских тел, разорванных в клочья, как те беженцы на дороге вдоль дюн.

Остаток пути он ехал очень медленно и опоздал на встречу с Карлом.

И с тех пор всегда, когда он вел машину, из глубин памяти всплывали мордочки детишек, махавших ему с заднего сиденья «фиата», и фигура их папаши, вцепившегося в руль так, как крестьянин держится за ручки плуга.

Шеф счел бы это симптомом болезни.

В самолете он сидел, скучая, в своем кресле над крылом. Рядом с ним расположилась американка в туфлях на высоких каблуках. На мгновение у него возникло искушение попытаться передать через нее записку своим людям в Берлине, но он тут же отказался от этой затеи. Она наверняка решит, что он с ней заигрывает, а Петерс сразу все поймет. К тому же какой вообще смысл что-то предпринимать? Шеф знал, что происходило. Шеф сделал все, чтобы это произошло. К этому добавить было нечего.

Оставалось только гадать, что с ним случится дальше. Об этом Шеф ничего не говорил. Его волновала только тактика:

«Не выдавай им всей информации сразу, за-

ставь их попотеть. Путайся в деталях, опускай отдельные подробности, повторяйся. Будь упрям и несговорчив, не облегчай им задачу. Пей как можно больше. И не поддавайся на идеологическую обработку — они тебе все равно не поверят. Они хотят иметь дело с человеком, который им продался, они хотят столкновения с бывшим врагом, Алек, а не исповеди фальшиво обращенного в их веру. А превыше всего они стремятся сами из всего делать выводы, использовать собственную *дедукцию*. Почва для этого унавожена, мы уже давно позаботились об этом — подбросили мелкие улики, незначительные обрывки информации. Ты станешь для них последней стадией поиска спрятанных сокровищ».

Ему пришлось согласиться на все: невозможно отступить в крупной игре, когда вся предварительная работа уже кем-то проделана за тебя.

«Могу твердо заверить тебя в одном: оно того стоит. Мы это делаем, исходя из высших интересов государства, Алек. Сумей все вытерпеть, и мы одержим великую победу».

Лимас сомневался в своей способности выдерживать пытки. Он вспомнил книгу Кестлера, где революционер готовил себя к грядущим мучениям, прижигая пальцы спичками. Читал он

немного, но это прочел и запомнил.

Когда они приземлились в Темпльхофе, уже почти совсем стемнело. Лимас видел, как берлинские огни словно поднялись навстречу, почувствовал глухой удар шасси о посадочную полосу, увидел, как офицеры пограничной и таможенной служб приблизились к лайнеру, возникнув из сумрака.

На мгновение Лимас испугался, не попадется ли ему в аэропорту кто-нибудь из старых знакомых. Но они с Петерсом прошли бок о бок нескончаемыми коридорами, миновали поверхностную проверку паспортов и багажа, но нигде не мелькнуло ни одного знакомого, никто не повернулся, чтобы поздороваться с ним. И тогда он понял, что на самом деле это был не страх, а надежда — смутная надежда на то, что его молчаливое согласие продолжать игру вдруг придется пересмотреть под давлением неожиданных обстоятельств.

Ему показалось примечательным, что Петерс больше не делал вид, будто они путешествуют по отдельности. Все выглядело так, словно для Петерса Западный Берлин был уже безопасной территорией, где бдительность и осторожность не особенно требовались, — так, всего лишь последняя стадия пути на восток.

Они шли через большой зал терминала к главному выходу, когда Петерс вдруг, как показалось, передумал, резко сменил направление и повел Лимаса к небольшой двери сбоку, выходившей на парковку и стоянку такси. Здесь Петерс задержался ненадолго, стоя под фонарем, подсвечивавшим дверь снаружи, поставил свой чемодан рядом на тротуар, демонстративно вынул газету, сложил ее, запихнул в левый карман плаща и снова взялся за ручку чемодана. В тот же момент фары у одного из автомобилей на автостоянке включились, мигнули и погасли.

— Пойдемте, — сказал Петерс и быстро зашагал по асфальту. Лимас шел сзади и чуть медленнее. Когда они поравнялись с первым рядом машин, задняя дверь черного «мерседеса» распахнулась, и внутри включилось освещение. Петерс, ярдов на десять опережавший Лимаса, стремительно приблизился к автомобилю, тихо обменялся несколькими словами с водителем, а потом повернулся к Лимасу:

— Вот наша машина. Живее!

Это был старый «Мерседес-180». Лимас покорно сел на заднее сиденье, Петерс разместился с ним рядом. Тронувшись с места, они объехали малень-

кий «де-ка-вэ»[15] с двумя мужчинами в кабине. В двадцати ярдах на тротуаре стояла телефонная будка. Стоявший в ней и что-то говоривший в трубку человек внимательно проследил за их отъездом, ни на секунду не умолкая. Лимас бросил взгляд в зеркало заднего вида и увидел, что «де-ка-вэ» следует за ними. «Прием на высшем уровне», — отметил про себя он.

Ехали они не слишком быстро. Лимас сидел, положив руки на колени и глядя прямо перед собой. Ему не хотелось видеть Берлин в этот вечер. У него оставался последний шанс, и он отчетливо понимал это. Из того положения, которое он занимал сейчас, можно было нанести Петерсу сначала удар ребром правой ладони по горлу, а потом локтем в грудную клетку. Можно было выскочить из машины и бежать, петляя, чтобы не попасть под пулю из автомобиля сопровождения. И он будет свободен. В Берлине остались люди, которые бы о нем позаботились. Он еще мог уйти.

Но не сделал ничего.

Пересечение границы между секторами оказалось очень простым делом. Лимас даже не предполагал, что это может оказаться так легко.

---

[15] Примечания: 15
Марка немецких автомобилей, выпускавшихся до 1966 г.

Правда, сначала минут десять они выжидали, и Лимас догадался, что на переходе им следовало оказаться в строго определенное время. Когда они уже приближались к западногерманскому посту, «де-ка-вэ» неожиданно обогнал их, надрывно взвыв не слишком мощным мотором, и остановился перед будкой полиции. «Мерседес» остался в тридцати ярдах позади. Через пару минут красно-белый шлагбаум поднялся, чтобы пропустить «де-ка-вэ», и под него проскочили обе машины, но теперь уже водитель «мерседеса» насиловал двигатель на второй передаче, откинувшись на спинку сиденья и нервно держа руль в вытянутых руках.

Пока они проезжали пятьдесят ярдов, разделявшие два поста, Лимас невольно заметил новые укрепления, возведенные с восточной стороны, — заостренные железные прутья поверх стены, которые прозвали «зубами дракона», вышки охранников и новые заграждения из колючей проволоки. К тому же подсветка сделалась ярче.

У второго поста «мерседес» даже не снизил скорости: шлагбаумы были подняты заранее, и они промчались мимо будки, где сотрудники Фопо лишь наблюдали за ними в бинокли. «Де-ка-вэ» сначала вроде бы вообще исчез, и только десять

минут спустя Лимас снова заметил его позади. Теперь машины мчались на высокой скорости — Лимас предполагал, что в Восточном Берлине они сделают остановку, чтобы сменить автомобили и, быть может, поздравить друг друга с успешным завершением операции, но они продолжали пересекать город, держась восточного направления.

— Куда мы едем? — спросил он Петерса.

— А мы уже приехали. Это Германская Демократическая Республика. Здесь для вас подготовили жилье.

— Но я полагал, что мы продолжим путь еще восточнее.

— Так и будет. Но сначала мы проведем пару дней здесь. Мы подумали, что надо дать шанс и немцам побеседовать с вами.

— Понятно.

— В конце концов, большая часть вашей работы была связана именно с Германией. Я уже передал им копию ваших прежних показаний.

— И они попросили о встрече со мной?

— Конечно. У них же никогда не было никого и близко похожего на вас. Человека, столь хорошо… Столь прекрасно осведомленного. Мое руководство согласилось, что мы обязаны дать им шанс

лично допросить вас.

— А потом? Куда мы отправимся из Германии?

— Дальше на восток.

— С кем я встречусь здесь?

— А для вас это имеет значение?

— Не слишком большое. Просто я знаю большинство людей из Абтайлунга по именам, и мне стало любопытно.

— А кого бы вы ожидали увидеть?

— Фидлера, — мгновенно ответил Лимас, — заместителя начальника службы безопасности. Правую руку Мундта. Все важные допросы он проводит лично. Та еще сволочь.

— За что вы его так?

— Это злобный маленький садист. Я о нем наслышан. Однажды к нему на допрос попал агент Питера Гиллама, так он чуть не убил его собственными руками.

Лимасу действительно было многое известно о Фидлере. От фотографии в досье до подробностей показаний его бывших подчиненных. Невысокий, худощавый, аккуратный мужчина с гладким лицом — еще достаточно молодой. Темные волосы, светло-карие глаза. Умный и жестокий, как и сказал Лимас. При хрупком сложении он обладал въедливым умом и цепкой

памятью и производил впечатление человека, лишенного каких-либо личных амбиций, но получавшего наслаждение, уничтожая карьеры и амбиции других людей. Фидлер был редкой фигурой для Абтайлунга — он не участвовал ни в каких внутренних интригах и казался полностью удовлетворенным ролью тени Мундта без всяких перспектив повышения. Его невозможно было причислить ни к одной из сформировавшихся клик. Даже те, кто тесно сотрудничал с ним в Абтайлунге, не смогли бы точно определить его подлинное место в иерархии этого силового ведомства. Фидлер оставался одиночкой: его боялись, его не любили, ему не доверяли. Если у него и существовали какие-то тайные мотивы или мнения, он надежно прятал их под маской вечного разрушительного сарказма.

«Мы делаем основную ставку на Фидлера», — объяснял Шеф. Они тогда ужинали втроем — Лимас, Шеф и Питер Гиллам — в том жутком доме в Суррее, похожем на сказочное жилище семи гномов, где Шеф обитал вместе со своей кнопкой-женой среди множества индийских столиков с резными медными столешницами.

«Фидлер — это покорный с виду служитель у алтаря, помощник верховного жреца, который

однажды с удовольствием всадит тому нож в спину. Он — единственный человек, способный тягаться с Мундтом во всем, — Гиллам при этом понимающе кивнул, — и Мундт ненавидит его за это. Кроме того, Фидлер — еврей, а Мундт… Скажем так, нечто полностью противоположное. Взрывоопасная смесь. Нашей задачей было, — продолжал он, указывая на себя и Гиллама, — вручить Фидлеру оружие, способное уничтожить Мундта. Ваша миссия, мой дорогой Лимас, будет заключаться в том, чтобы убедить его пустить это оружие в ход. Не напрямую, конечно, поскольку вам едва ли доведется когда-нибудь лично с ним встретиться, на что я по крайней мере от всей души надеюсь».

Они дружно посмеялись тогда. Им всем это показалось хорошей шуткой. Разумеется, если иметь в виду специфическое чувство юмора Шефа.

Уже, должно быть, перевалило за полночь. Какое-то время они тряслись по проселочной дороге, проходившей то через лес, то полями. Потом остановились, «де-ка-вэ» припарковался рядом. Когда они с Петерсом выходили наружу, Лимас заметил, что во второй машине теперь ехали трое. Двое уже выбирались из нее, а третий, сидевший

сзади, остался на месте, просматривая какие-то бумаги при свете лампочки в салоне, — худощавая фигура, почти полностью скрытая в тени.

Для стоянки было выбрано место рядом с заброшенной конюшней. В тридцати ярдах дальше виднелась еще одна постройка. При свете фар Лимас различил приземистый фермерский дом из бревен и беленого кирпича. Взошла полная луна. Она сияла так ярко, что поросшие лесом холмы в отдалении четко вырисовывались на фоне бледного ночного неба. Они пошли к дому — Петерс и Лимас впереди, двое других мужчин чуть отстали. Третий человек, приехавший с ними, по-прежнему оставался в машине и читал.

Рядом с дверью Петерс задержался, чтобы дождаться своих коллег. У одного из них в левой руке появилась связка ключей, и, пока он искал нужный, второй отступил чуть в сторону, держа руки в карманах, прикрывая товарища.

— Как я посмотрю, они ничего не оставляют на волю случая, — заметил Лимас, обращаясь к Петерсу. — Интересно, что они обо мне думают? За кого принимают?

— Им платят не за то, чтобы они думали, — ответил Петерс и, повернувшись к одному из них, спросил по-немецки: — Он придет или нет?

Немец пожал плечами и посмотрел в сторону машины.

— Придет, — сказал он. — Ему нравится появляться последним.

Они вошли в сопровождении одного из охранников. Внутри дом напоминал скорее частично обновленную охотничью хижину. Маломощная бледная лампочка под потолком давала тусклое освещение. Кругом царил дух запустения, из углов несло плесенью, словно домом давно никто не пользовался. Там и здесь были видны свидетельства его принадлежности государственной организации — схема эвакуации на случай пожара и размещения средств борьбы с огнем, казенная зеленая краска на дверях, тяжелые пружинные замки, а во вполне комфортабельной гостиной тяжелая темная мебель, уже сильно поцарапанная, соседствовала с неизбежными портретами советских вождей. Для Лимаса все это лишь служило подтверждением принадлежности Абтайлунга к неповоротливой бюрократической машине. Впрочем, разве нельзя было сказать того же и о Цирке?

Петерс сел, Лимас последовал его примеру. Прождав еще десять минут или даже немного дольше, Петерс обратился к одному из двух

мужчин, продолжавших стоять, неловко переминаясь с ноги на ногу, у противоположной стены комнаты:

— Пойдите и напомните ему, что мы ждем. И найдите нам еды, мы голодны. — Когда один из охранников уже выходил, он добавил: — И виски, прикажите им принести для нас виски и стаканы.

Мужчина в ответ сделал неопределенный, но откровенно не слишком дружественный жест рукой и вышел, оставив дверь за собой открытой.

— Вам доводилось бывать здесь раньше? — спросил Лимас.

— Да, — кивнул Петерс, — несколько раз.

— Зачем?

— Со схожими целями. Не совсем аналогичными, но по работе.

— С Фидлером?

— Да.

— Он хороший профессионал?

Петерс пожал плечами.

— Для еврея не так уж плох, — ответил он, но в этот момент Лимас услышал звуки из прихожей, повернулся и увидел в дверях Фидлера. В одной руке он держал бутылку виски, в другой — стаканы и какую-то минеральную воду. Ростом

был не выше пяти футов шести дюймов. На нем был темно-синий однобортный костюм, причем пиджак был длиннее, чем следовало. Выглядел он довольно ухоженным, но все равно слегка напоминал какого-то лоснящегося зверька, а его глаза действительно имели светло-карий оттенок. Фидлер посмотрел сначала не на них, а на охранника, стоявшего рядом с дверью.

— Можете тоже идти, — сказал он с легким саксонским акцентом. — Отправляйтесь и передайте своему напарнику, чтобы принес нам еды.

— Я уже попросил об этом, — пожаловался Петерс. — Они знают, что нам нужно, но пока ничего не принесли.

— О, это настоящие снобы, — иронично заметил Фидлер по-английски. — Они считают, что кормить нас — обязанность прислуги.

Всю войну Фидлер провел в Канаде. Лимас читал об этом в его личном деле, и акцент стал дополнительным напоминанием. Его родители были еврейскими беженцами из Германии, марксистами, и только в 1946 году семья вернулась домой, горя желанием любой ценой принять участие в строительстве нового немецкого государства по сталинскому образцу.

— Привет, — Фидлер обратился к Лимасу, как к

старому знакомому, — рад вас видеть.

— Привет, Фидлер.

— Вот вы и оказались в конце пути.

— Что за чушь вы несете? — тут же вскинулся Лимас.

— Я всего лишь имею в виду, что вопреки любым обещаниям Петерса дальше на восток вы не отправитесь. Уж извините, — он произнес эту фразу с откровенным удовольствием.

Лимас повернулся к Петерсу.

— Это правда? — его голос дрожал от гнева. — Это правда? Отвечайте!

Петерс кивнул.

— Да. Я всего лишь исполнял роль посредника. Нам пришлось прибегнуть к такому способу. Простите, — счел необходимым добавить он.

— Но почему?

— Форс-мажор, — ответил за него Фидлер. — Ваш первый допрос должен был состояться на Западе, где только посольство могло обеспечить необходимые для этого условия. У Германской Демократической Республики нет посольств на Западе. Пока нет. И потому наши союзники согласились предоставить нам свои помещения, средства связи и иммунитет, которыми не обладаем сейчас мы сами.

— Вы — мерзавцы, — прошипел Лимас, — законченные лживые мерзавцы! Вы знали, что я никогда не свяжусь с вашей прогнившей насквозь организацией. Вот в чем истинная причина, не так ли? И потому подставили мне русского.

— Мы использовали возможности советского посольства в Гааге. А что нам оставалось делать? На первых же порах это была исключительно наша собственная операция. И все шло по плану. Никто не мог предположить, что английская контрразведка так быстро поймет, на что вы решились.

— Никто не мог, говорите? А не вы ли сами меня подставили? Ведь так оно и было, Фидлер. Или будете это отрицать?

«Не забывайте демонстрировать свою неприязнь к ним, — поучал его Шеф. — Тем больше они станут ценить полученную от вас информацию».

— Совершенно абсурдное предположение, — коротко ответил Фидлер. Потом посмотрел на Петерса и сказал что-то по-русски. Петерс кивнул и поднялся.

— До свидания, Лимас, — произнес он. — Удачи вам.

Едва заметно улыбнувшись, он попрощался с Фидлером и направился к двери. Взявшись за

ручку, обернулся и еще раз обратился к Лимасу:

— Желаю удачи.

Ему явно хотелось, чтобы Лимас как-то отозвался, но тот словно и не слышал его. Он заметно побледнел, а руки держал по швам, выставив вверх большие пальцы, словно готовился к драке. Петерс продолжал стоять в дверях.

— Мне следовало догадаться, — произнес наконец Лимас, и в его голосе отчетливо звучали нотки обиженного и одновременно очень обозленного человека. — Я должен был знать, что у вас, Фидлер, никогда не хватит смелости самому проделать всю грязную работу. Как типично для вашей гнилой недоношенной полустраны и для вашей жалкой спецслужбы! Вам приходится просить старшего брата играть за вас роль сутенера. Хотя вас вообще нельзя считать страной, вас не существует. А вместо правительства у вас низкопробная диктатура политических неврастеников. — Потом он ткнул указательным пальцем в сторону Фидлера и заорал: — И таких, как ты, я хорошо знаю, гнусный садист. Это вполне в твоем характере. Всю войну отсиживался в Канаде, ведь так? В тихом уютном местечке. Держу пари, ты прятал свою маленькую безмозглую головку в подол своей мамочки всякий раз, когда над

вами пролетал самолет. И кто ты теперь? Карлик, пресмыкающийся перед Мундтом, пока двадцать две русские дивизии стоят у порога твоего дома. Что ж, мне будет жаль тебя, Фидлер, потому что однажды ты проснешься и увидишь, как они уходят. Вот тогда пробьет твой смертный час, и ни мамочка, ни старший брат не спасут тебя от заслуженной кары.

Фидлер выслушал его совершенно равнодушно и сказал:

— Воспринимайте это как визит к зубному врачу, Лимас. Чем скорее все закончится, тем раньше вернетесь домой. А теперь поешьте и ложитесь спать.

— Вы прекрасно знаете, что я не смогу вернуться, — сказал Лимас. — Вы об этом позаботились. Вы выдали меня в Англии со всеми потрохами. Вам пришлось пойти на это — вам обоим. Потому что вы прекрасно понимали, мать вашу, что я никогда не соглашусь поехать сюда без крайней необходимости.

Фидлер разглядывал свои тонкие, но сильные пальцы.

— Едва ли сейчас подходящее время для того, чтобы философствовать, — сказал он, — но на вашем месте жаловаться абсолютно не на что,

если хотите знать мое мнение. Вся наша работа — и моя, и ваша — строится на том теоретическом посыле, что общее дело важнее судьбы индивидуума. Вот почему коммунист рассматривает секретные службы своей страны как оружие, вложенное в его руку, и по той же причине ваша разведка прячется под завесой pudeur anglaise[16]. Эксплуатация людей может быть оправдана только коллективной необходимостью, не так ли? Вот почему меня может только забавлять ваше безграничное негодование. Мы ведь здесь не для того, чтобы обсуждать этические правила жизни в английской провинции. В конце концов, — добавил он язвительно, — ваше собственное поведение было далеко не безупречным, если взглянуть с точки зрения строгого моралиста.

Лимас смотрел на Фидлера с брезгливым выражением на лице.

— Я понял вашу затею. Вы ведь нечто вроде пуделя при Мундте, верно? Говорят, вы хотите занять его место. Теперь, по всей вероятности, вам это удастся. Время правления Мундта истекает, вот в чем все дело.

— Не понимаю, — сказал Фидлер.

---

[16] Примечания: 16
Английской деликатности (*фр.*).

— Я — ваш крупный личный успех, правда? — усмехнулся Лимас.

Фидлер ненадолго задумался, а потом ответил:

— Да, операция проведена успешно. Но вот стоите вы приложенных усилий или нет, пока остается под вопросом. Это нам только предстоит понять. Но в целом это была прекрасная операция. Потому что она удовлетворила главному требованию нашей профессии: она сработала.

— И всю заслугу, надо полагать, вы припишете себе? — упорствовал Лимас, бросив беглый взгляд в сторону Петерса.

— Вопрос о чьих-либо заслугах не стоит вообще, — с неожиданной твердостью ответил Фидлер. Он уселся на валик дивана, с минуту в задумчивости смотрел на Лимаса, а потом продолжил: — Тем не менее вы совершенно справедливы в своей злости по одному из поводов. А именно: кто все-таки информировал ваших людей, что мы вывезли вас из страны? Уж точно не мы сами. Можете мне не верить, но это чистая правда. Мы вас не выдавали. Нам даже не хотелось бы, чтобы они знали обо всем. Поначалу у нас появились планы использовать вас в будущем как своего агента, но теперь подобные прожекты нереальны и смехотворны. Так кто же

настучал на вас? Вы ведь практически исчезли, скитались как неприкаянный — без адреса, без связей, без друзей. Так откуда же, черт возьми, им стало известно, что вы удрали? Кто-то же намекнул им об этом. Но конечно, не Эйш и не Кивер, потому что оба сейчас находятся под арестом.

— Под арестом?

— Да, как мне доложили. Но по делу, никак не связанному с вами. За ними водились другие грешки…

— Интересное совпадение.

— Все, что я вам только что сказал, — правда до последнего слова. Мы могли бы удовлетвориться протоколами допросов, присланными Петерсом из Голландии. Вы бы получили свои деньги и распрощались с нами. Но вы не рассказали всего, а нам нужно знать все. Хотя ваше присутствие здесь создает, как вы понимаете, определенные проблемы и для нас тоже.

— Что ж, вы попались в собственный капкан. Теперь я это вижу, и меня это только радует.

Воцарилось молчание, которым Петерс воспользовался, чтобы еще раз коротко и не слишком дружелюбно кивнуть Фидлеру и тихо покинуть комнату.

Фидлер взял бутылку виски и налил понемногу

в два стакана.

— Боюсь, содовой воды нет, — сказал он. — Вы разбавляете чем-то другим? Я просил раздобыть содовой, но эти болваны принесли обычный лимонад.

— О, идите вы к черту со своей содовой, — отозвался Лимас. Внезапно на него навалилась усталость.

Фидлер покачал головой.

— Вы очень гордый человек, — заметил он, — но я не обижаюсь на вас. Ужинайте и отправляйтесь спать.

Один из охранников поставил перед ними поднос — черный хлеб, колбаса, салат из зелени.

— Пища простая, но сытная, — сказал Фидлер. — Картошки, увы, нет. В стране временные трудности с картофелем.

И они приступили к еде. Фидлер поглощал ее с предельной осторожностью, словно подсчитывал потребленные калории.

* * *

Потом охранники проводили Лимаса до спальни. Они позволили ему самому нести багаж — тот самый, которым Кивер снабдил его еще в Англии, — и он прошел с ними широким глав-

ным коридором, который вел от входной двери через весь дом. Они остановились у широких сдвоенных дверей, выкрашенных той же зеленой краской, и один из сопровождающих отпер ее. Лимасу знаками показали, чтобы он входил первым. Он распахнул одну из створок и оказался словно в небольшой казарме, где стояли двухъярусная кровать, стул и простой стол. В подобных условиях в Англии держали военнопленных. На стенах висели страницы из журналов с фотографиями девушек, а окна закрывали ставни. В противоположном конце комнаты располагалась другая дверь. Ему жестом было указано отправляться туда. Поставив свои чемоданы на пол, Лимас подчинился и открыл дверь. Вторая комната в точности напоминала первую, но кровать там стояла только одна, а стены были голыми.

— Занесете мой багаж сами, — сказал он. — Я что-то устал.

Полностью одетый, он улегся на койку и уже через несколько минут спал как убитый.

Разбудил его охранник, который принес завтрак: кусок черного хлеба и кружку с эрзац-кофе. Лимас поднялся и подошел к окну. Дом стоял на высоком холме. Прямо под окном его склон круто уходил вниз, где были видны верхушки сосен. А

дальше, величавые в своей естественной симметрии, протянулись нескончаемой грядой другие холмы, густо поросшие лесом. То там, то здесь овраг или вырубка на случай пожара образовывали разрывы среди сосен, подобно Ааронову жезлу заставляя чудесным образом расступиться плотный массив бора. И никаких признаков присутствия людей — ни домов или церкви, ни даже развалин, оставшихся от прежних обитателей, только дорога, желтая проселочная дорога карандашной линией пересекала дно долины. Снаружи не доносилось ни звука. Казалось почти невероятным, что на таком обширном пространстве может царить полная тишина. День выдался холодным, но солнечным. Ночью, видимо, прошел дождь: земля намокла, а весь окружающий пейзаж настолько четко вырисовывался на фоне ясного неба, что Лимас мог разглядеть каждое отдельное дерево даже на самом дальнем от него холме.

Он медленно оделся, попивая кислятину, заменявшую кофе. Почти полностью одетый, уже собирался приняться за хлеб, когда в комнату вошел Фидлер.

— Доброе утро, — сказал он приветливо. — Не хочу мешать вам завтракать. — И он уселся на

кровать.

Лимас невольно отдал Фидлеру должное: это был человек не робкого десятка. Нет, чтобы одному прийти в комнату Лимаса, особой смелости не требовалось. Охранники наверняка дежурили в соседнем помещении. Но Фидлеру были присущи сила духа и четкая целеустремленность, которые Лимас ощущал и не мог не уважать.

— Вы поставили перед нами весьма интригующую задачу, — сказал он.

— Я сообщил все, что знал.

— О нет. — Он улыбнулся. — Отнюдь нет. Вы сообщили только то, что, как вам кажется, вы знаете.

— Дьявольски умно, — пробормотал Лимас, отодвинув от себя тарелку и прикурив сигарету.

— Позвольте мне задать вам важный вопрос, — произнес Фидлер чуть преувеличенно беззаботным тоном, каким гостям на вечеринке предлагают сыграть в фанты. — Будучи опытным офицером разведки, как бы *вы* распорядились информацией, которой сами нас снабдили?

— Какой именно информацией?

— Мой дорогой Лимас, вы нам дали не так уж много. Лишь навели на один интересный след. Вы рассказали о Римеке, но мы знаем о нем все.

Вы рассказали об организации вашей работы в Берлине, о штатных сотрудниках и агентах. Все это тоже, простите за прямоту, давно и безнадежно устарело. Подробный рассказ, увлекательное чтиво, местами куски второстепенных, но полезных сведений. Попалась и мелкая рыбешка, которую мы еще непременно выловим из пруда. Но все это, вместе взятое, еще раз извините, если это прозвучит грубовато, не стоит и части тех пятнадцати тысяч фунтов, которые мы собираемся вам заплатить. По крайней мере, — добавил он с улыбкой, — по нынешнему валютному курсу.

— Послушайте, — сказал Лимас, — но ведь не я предложил вам сделку, а вы сами. Вы, Кивер и Петерс. Я не полз на брюхе к вашим друзьям-молокососам в Лондоне, пытаясь всучить им устаревшие разведданные. Это вы и ваши люди все затеяли, Фидлер. Вы сами назначили сумму вознаграждения, взяв на себя риск. У меня же к тому времени и чертова пенни за душой не было. Поэтому не надо валить вину на меня, если ваша операция оказалась мыльным пузырем.

«Теперь ход за ним. Я подвел его к важной черте», — подумал Лимас.

— Она вовсе не оказалась мыльным пузырем, — возразил Фидлер. — Просто она еще не

завершилась. И не могла завершиться. Потому что вы до сих пор не рассказали всего, что вам известно. Я упомянул об одном ценном следе. Речь идет о «Роллинг стоун». А теперь позвольте повторить вопрос: как бы вы поступили, если бы я, Петерс или кто-то другой, нам подобный, поделился *с вами* такой информацией?

Лимас передернул плечами.

— Прежде всего я бы почувствовал беспокойство, — ответил он, — что со мной случалось прежде. Ты получаешь повод — и, быть может, не один — подозревать, что в каком-то министерстве, и, возможно, на достаточно высоком уровне, завелся шпион. И что же делать? Ты не можешь подвергать аресту целые отделы министерств и ведомств. У тебя нет возможности расставить ловушки на всех, кто близок к правительственным кругам. Тебе остается только затаиться и ждать, что получишь нечто более конкретное. И дело не выходит у тебя из головы. А в случае с «Роллинг стоун» вы даже не знаете, в какой стране работает агент.

— Вы — хороший оперативник, Лимас, — заметил на это Фидлер со смехом, — но никудышный аналитик. Это же совершенно очевидно. Позвольте мне задать вам несколько простейших

вопросов.

Лимас промолчал.

— Досье — то есть сама по себе папка с материалами по «Роллинг стоун» — какого она цвета?

— Серая, но помечена красным крестом, что указывает на ограниченный доступ.

— К ней что-то прикреплено снаружи?

— Да. Список на отдельном листке и предупреждение. Традиционная формулировка. Любое лицо, чье имя не значится в списке допущенных, в случае обнаружения данной папки обязано вернуть ее, не открывая, в банковский отдел.

— Кто значился в списке допущенных?

— К «Роллинг стоун»?

— Да.

— Личный помощник Шефа, сам Шеф, секретарша Шефа, представитель банковского отдела, мисс Брим из особого регистра и четвертый отдел стран-сателлитов. По-моему, все. Да, и, должно быть, человек из группы специальной рассылки, но точно не помню.

— Четвертый отдел сателлитов? Чем он занимается?

— Всеми странами за «железным занавесом», за исключением Советского Союза и Китая. И конечно, восточной зоной.

— Вы имеет в виду ГДР?

— Я имею в виду зону.

— Разве не странно, что допуск получили все сотрудники целого отдела?

— Да, вероятно, это не совсем обычно. Но мне трудно судить, потому что я никогда прежде не имел дело с ограниченным доступом. За исключением, конечно, Берлина, но там все обстояло иначе.

— Кто в то время работал в четвертом отделе?

— О, дай бог памяти… Гиллам, Хаверлейк, де Йонг, по-моему. Де Йонг как раз вернулся из командировки в Берлин.

— И они *все* имели разрешение просматривать досье?

— Я не знаю, Фидлер, — ответил Лимас, слегка раздражаясь, — и на вашем месте…

— Но ведь действительно странно, что какой-то отдел имел доступ целиком, тогда как остальные были представлены исключительно отдельными лицами, не так ли?

— Говорю же вам, я не знаю. Откуда мне было знать? Меня же низвели до роли простого клерка. В том числе и в этом деле.

— Кто передавал досье от одного допущенного к другому?

— Должно быть, секретарши. Я не помню. Прошло несколько месяцев с тех пор, как…

— Тогда почему никакие секретарши не значились в списке допущенных? Только секретарь Шефа.

На мгновение воцарилось молчание.

— А ведь вы правы. Теперь я вспомнил, — сказал Лимас чуть извиняющимся тоном. — Секретарши были ни при чем. Мы сами передавали досье друг другу.

— Кто еще из банковского отдела держал эту папку в руках?

— Никто. Ее сразу передали под мою ответственность, как только я перешел в отдел. До меня за этой птичкой присматривала одна из дамочек, но стоило появиться мне, как ее имя изъяли из списка.

— Стало быть, только вы могли передавать досье по инстанции?

— Да… Да, скорее всего так и было.

— И кому вы его передавали?

— Я… Сразу даже не вспомню.

— Думайте! — Фидлер не повысил голоса, но в его интонации появилась угрожающая настойчивость, которая застигла Лимаса несколько врасплох.

— Как мне кажется, чаще всего личному секретарю Шефа, чтобы информировать о наших действиях или предложить свои рекомендации.

— А кто приносил досье?

— Не понял? — Лимас казался совершенно растерянным.

— Кто приносил досье вам на ознакомление? Это ведь был кто-то из списка, верно?

Лимас прикоснулся пальцами к щеке непроизвольным и нервным движением.

— Да, верно. Но поймите, Фидлер, у меня память стала ни к черту. Я в те дни слишком много пил, — никогда прежде Лимас не оправдывался так жалко и с таким виноватым видом. — Вы и представить себе не можете, как трудно…

— Я спрашиваю еще раз. Подумайте. Кто приносил папку вам?

Лимас присел на край стола и помотал головой.

— Я не помню. Возможно, воспоминание вернется, но сейчас я только буду понапрасну насиловать память. Ничего хорошего не выйдет.

— Это никак не могла быть девушка из приемной Шефа. Ведь вы возвращали папку помощнику Шефа. Сами только что упомянули об этом. Значит, есть вероятность, что каждый из списка

допущенных получал папку до того, как она возвращалась к Шефу.

— Да, по всей видимости, процедура была именно такой.

— А что эта мисс Брим из особого регистра?

— Нет, она всего лишь заведовала сейфом для секретных документов. Досье с ограниченным доступом хранились там, когда ими никто не пользовался.

— В таком случае, — сказал Фидлер все еще терпеливым тоном, — вам могли приносить папку только из четвертого отдела сателлитов, или я опять ошибаюсь?

— Да, должно быть, вы правы, — отозвался Лимас беспомощно, словно его мысли не поспевали за острым умом Фидлера.

— На каком этаже находился четвертый отдел?

— На третьем.

— А ваш банковский?

— На пятом. Рядом с особым регистром.

— Вы помните, кто именно поднимался к вам с папкой? Или, наоборот, вдруг вы запомнили, к кому спускались за ней?

Лимас в отчаянии снова помотал головой, но потом внезапно встрепенулся, посмотрел на Фидлера и воскликнул:

— Да, это я запомнил! Ну конечно! Я получал досье от Питера! — Лимас словно очнулся от забытья, у него от волнения даже немного раскраснелось лицо. — Точно, я как-то сам взял папку у Питера в его кабинете. Мы еще тогда поговорили с ним о Норвегии. Мы там работали вместе, если вы не знаете.

— У Питера Гиллама?

— Да, у Питера. И как я мог забыть об этом! Он тогда всего несколько месяцев как вернулся из Анкары. Он был в списке! Само собой, был. Я сейчас живо это вижу. Четвертый отдел и П.Г. в скобках — инициалы Питера. До него этим занимался кто-то другой, и в специальном регистре наклеили поверх прежней фамилии белую полоску с его инициалами.

— За какие страны отвечал Гиллам?

— За зону. То есть за Восточную Германию. Главным образом собирал экономическую информацию — у него была своя небольшая группа. Такая с виду тихая заводь. Но Питер отличный малый. Он и сам приносил мне то досье однажды, как я сейчас вспоминаю. Хотя агентов он не контролировал, так что я не совсем понимаю, зачем ему дали допуск. Питер и двое его помощников занимались проблемой дефицита продоволь-

ственных товаров. А это чистая аналитика, если подумать.

— Вы обсуждали с ним досье?

— Нет. Это для нас табу. Секретные материалы никакому обсуждению не подлежат. Я даже получил специальное предупреждение по этому поводу от начальницы особого регистра — той самой Брим. Никаких разговоров, никаких вопросов.

— Но если принять во внимание именно столь тщательные меры предосторожности, принятые по поводу «Роллинг стоун», то становится весьма вероятным, что так называемые экономические разработки Гиллама могли иметь хотя бы частичное отношение к работе с тем агентом, которого зашифровали под этим кодовым названием — «Роллинг стоун»?

— Но я же объяснил Петерсу, — Лимас почти кричал, стуча кулаком по столу, — какая это неимоверная глупость — воображать, что любая операция против Восточной Германии могла проводиться без моего ведома! За спиной берлинской резидентуры. Я бы обо всем знал, поймите это наконец. Сколько раз мне повторять? Я был бы полностью в курсе.

— Ну, разумеется, — мягко сказал Фидлер. —

Конечно, вы были бы осведомлены. — Он встал и подошел к окну. — Этот пейзаж лучше всего смотрится осенью, — заметил он, глядя через стекло. — Потрясающе, когда начинает менять цвет листва на буках!

13
Кнопки или скрепки

Фидлер обожал задавать вопросы. Иногда, поскольку был юристом, он задавал их из чистого удовольствия, чтобы показать чуть заметные расхождения между субъективными показаниями и истиной во всем ее совершенстве. Но обладал он и тем настойчивым профессиональным любопытством, без которого нельзя стать хорошим журналистом или адвокатом.

После обеда в тот день они отправились на прогулку. Сначала вдоль крытого гравием проселка спускались в долину, а потом углублялись в лес по широкой, изрытой ямами просеке, окруженной поваленными стволами деревьев. И Фидлер непрерывно о чем-нибудь выспрашивал, ничего не давая взамен. Он спрашивал о здании на Кембридж-серкус и о людях, которые в нем работали. К какому общественному классу они в своей массе принадлежали, в каких районах Лондона жили, могли ли муж и жена работать в одной организации? Он допытывался об оплате, об отпусках, о моральном духе коллектива, о

столовой; его интересовала их интимная жизнь, сплетни, которые они распускали, их философские воззрения.

Для Лимаса именно этот вопрос представлял наибольшую сложность.

— Что вы имеете в виду, говоря о философии? — задал он встречный вопрос. — Мы не марксисты или кто-то еще. Обыкновенные люди.

— Но ведь вы христиане, не так ли?

— Не думаю, что среди нас много подлинных христиан. По крайней мере я мало с кем из них знаком.

— В чем же они тогда черпают мотивацию? — упорствовал Фидлер. — У них не может не быть хоть какой-то философии.

— Почему же? Они, вероятно, даже не задумываются над этим, и им по большому счету все равно, — отвечал Лимас, сам отчасти понимая слабость своих аргументов.

— Тогда расскажите мне о вашей личной философии.

— О, ради бога! — простонал Лимас, и какое-то время они шли молча. Но от Фидлера не так просто было отделаться.

— Если они сами не знают, чего хотят, откуда у них может взяться уверенность в правоте своего

дела?

— А кто вам сказал, что они в ней уверены? — раздраженно переспросил Лимас.

— Но в чем тогда оправдание их действий? В чем? Для нас это просто, как я вам говорил вчера вечером. Абтайлунг и прочие подобные организации рассматриваются как оружие в руках партии. Их сотрудники идут в авангарде борьбы за мир и прогресс. Для партии они — то же самое, что партия для социализма. Они составляют авангард. Об этом говорил Сталин, — он суховато улыбнулся, — хотя сейчас больше не принято цитировать Сталина. Но он еще как-то сказал примерно следующее: «Миллион убитых — это статистика, но единственный человек, погибший под колесами автомобиля, — это трагедия национального масштаба». Он шутил, понимаете. Так он высмеивал мелкобуржуазную сентиментальность народных масс на Западе. Конечно, он был великим циником. Но в его словах все равно заключена истина: партия, которая хочет защитить себя от контрреволюции, не может избежать эксплуатации — или даже уничтожения, Лимас, — некоторого числа индивидуумов. Это единственная возможность, и мы никогда не притворялись, что можем придерживаться

принципа стопроцентной справедливости при построении общества, основанного на разумных началах. Еще в вашей христианской Библии приведены слова некоего римлянина о том, что смерть одного человека можно считать оправданной, если он умирает ради спасения многих, так ведь?

— Наверное, — вяло отозвался Лимас.

— Так каков же ваш образ мыслей? В чем ваша философия?

— Я просто считаю вас всех мерзавцами, — грубо сказал Лимас.

Но Фидлер удовлетворенно кивнул.

— Вот это уже точка зрения, которую я могу понять. Она примитивна, негативна и крайне глупа, но это мнение, имеющее право на существование. А что же остальные сотрудники Цирка?

— Я не могу отвечать за них. Откуда мне знать, что думают они?

— Вы никогда не обсуждали философских вопросов?

— Нет. Мы же не немцы. — После некоторого колебания Лимас добавил: — Могу предположить, что их объединяет общая неприязнь к коммунизму.

— И это, по их мнению, может оправдывать, на-

пример, убийство человека? Оправдывает взрыв бомбы в переполненном ресторане? Оправдывает гибель ваших агентов и все прочее?

Лимас пожал плечами:

— Да, вероятно, оправдывает.

— Видите, вы сомневаетесь, а для нас это действительно оправданно, — подхватил Фидлер. — Я готов лично подложить бомбу в ресторан, если этот акт поможет нашему продвижению вперед к цели. После я подведу итог: столько-то погибших женщин, столько-то детей, но при этом мы на столько-то продвинулись вперед. А в вашем обществе — обществе христиан — свести подобный баланс невозможно. Что означает невозможность оправдания таких действий.

— Почему же? Они ведь должны защищаться от вас, верно?

— Но при этом они верят в священную природу человеческой жизни. Верят, что у каждого есть душа, которую можно спасти. Они верят в жертвенность.

— Я ничего не знаю. И мне наплевать, — заявил Лимас. — Как и вашему Сталину было на все наплевать, скажете — нет?

Фидлер усмехнулся.

— Вот за что я люблю англичан, — пробормотал

он, разговаривая словно сам с собой. — И мой отец тоже их любил. Ему очень нравились англичане.

— Это, безусловно, должно наполнить мою душу радостью и самыми теплыми чувствами, — съязвил Лимас и надолго погрузился в молчание.

Они остановились, чтобы Лимас смог прикурить сигарету, которую ему дал Фидлер. Теперь они поднимались вверх по довольно-таки крутому склону. Лимасу нравилось двигаться, и он шел широкими шагами, слегка нагнувшись. Фидлер семенил за ним, маленький и легкий, как терьер вслед за хозяином. Они шли час или даже дольше, когда стена леса перед ними вдруг расступилась и открылось небо. Они достигли вершины одного из холмов и теперь созерцали оставшуюся позади густую чащу соснового бора с отдельными сероватыми вкраплениями рощиц бука. Глядя через долину, Лимас видел охотничью хижину, притулившуюся под гребнем противоположного холма и приземисто черневшую на фоне деревьев. Посреди поляны, на которую они вышли, стояла грубо срубленная скамья рядом с поленницей дров и отсыревшими углями старого костра.

— Присядем на минутку, — сказал Фидлер, — а потом нам пора будет возвращаться. — Он сделал

паузу. — Скажите, эти деньги, крупные суммы в зарубежных банках… для чего, по-вашему, они предназначались?

— Что значит, для чего? Я же сказал вам — они были платой для агента.

— Агента за «железным занавесом»?

— Да, я с самого начала так думал, — ответил Лимас со скучающим видом.

— Почему вы так думали?

— Во-первых, сами по себе суммы были необычайно крупными. Во-вторых, их выплату сделали жутко сложной операцией и окружили плотной завесой секретности. И конечно, потому что Шеф проявлял к этому особый личный интерес.

— У вас есть соображения, как агент распоряжался такими огромными деньгами?

— Послушайте, я не впервые вынужден повторить: мне ничего не известно. Я не знаю даже, снимал ли он их со счетов вообще. Меня ни во что не посвящали. Мне была уготована роль мальчика-посыльного.

— Как вы поступали с чековыми книжками, полученными за рубежом?

— Сдавал их вместе с моими поддельными паспортами немедленно по возвращении в Лондон.

— Из банков в Копенгагене или в Хельсинки

когда-либо приходили письма на ваше имя в Лондон? Я, конечно же, имею в виду — на ваши псевдонимы?

— Не знаю. Могу лишь предположить, что любая такая корреспонденция сразу же ложилась на стол к Шефу.

— Чтобы открывать счета, вы должны были использовать поддельные подписи. У Шефа имелись их образцы?

— А то как же! Я много практиковался в росписях, и в Лондоне остались копии.

— То есть больше чем одна?

— Да. По нескольку страниц с каждой.

— Теперь ясно. После того как вы открыли счета, с банками вполне могли поддерживать переписку. Причем даже без вашего ведома. Вашу подпись легко было скопировать, а письмо отправить так, что вы и не подозревали об этом.

— Да, верно. Вполне возможно, что так все и происходило. Я ведь, кроме того, подмахнул целую кипу чистых листов бумаги. Так что у меня были основания подозревать, что кто-то другой может поддерживать с банками связь по почте.

— Но знать наверняка вы не могли?

Лимас покачал головой.

— Вы все ставите с ног на голову, — сказал он, —

и делаете из мухи слона. Моя жизнь проходила среди моря различных бумажных дел. И это была лишь незначительная часть моей повседневной работы, не что-то из ряда вон выходящее, о чем я непрестанно размышлял. С какой стати? Повышенная секретность? Так я проработал в разведке многие годы, зная лишь малую часть, в то время как вся картина в целом оставалась прерогативой кого-то еще. Кроме того, бумаги наводят на меня смертную скуку. Не бывало такого, чтобы я не спал ночей из-за какого-то документа. Само собой, мне пришлась по душе возможность съездить за границу. Повышенные командировочные карман не тянут, знаете ли. Но я не просиживал целыми днями за столом, размышляя об операции «Роллинг стоун». И помимо всего прочего, — добавил он, чуть смутившись, — как раз в этот момент я стал перебирать со спиртным.

— Да, вы не раз упоминали об этом, и у меня нет причин вам не верить, — прокомментировал его монолог Фидлер.

— А мне глубоко плевать, верите вы мне или нет, — отозвался Лимас, снова озлобляясь.

Фидлер лишь улыбнулся.

— Вы меня радуете. В этом заключено ваше огромное достоинство, — сказал он. — И состоит

оно в полнейшем равнодушии ко всему. Нет, вы можете иной раз погорячиться, показать свой гонор, но в целом это ничего не значит. Так, легкий дефект на магнитофонной ленте. В целом вы равнодушны и потому объективны. Мне пришло в голову, — продолжил он почти без паузы, — что вы все еще способны помочь нам выяснить, снимались ли деньги с тех счетов. Вам ведь ничто не мешает списаться с каждым из банков и запросить текущий баланс. Мы можем сделать вид, что вы обосновались в Швейцарии, использовать один из наших явочных адресов. У вас есть какие-либо возражения?

— Может сработать. Зависит от того, вел ли Шеф переписку от моего имени. Если вел, то мое письмо может прийтись некстати.

— Не вижу, чем мы рискуем.

— Положим. Но чего вы таким образом добьетесь?

— Если деньги сняли со счетов, что, не могу не согласиться, представляется сомнительным, то мы узнаем, где находился агент в конкретный день. А это весьма полезная информация для сопоставления.

— Вы витаете в облаках, Фидлер. Вам никогда не поймать его на основе таких ограниченных

сведений. Оказавшись на Западе, он может обратиться в консульство даже небольшого города и получить визу в любую страну. И как вы тогда отследите его перемещения? С чем будете сопоставлять? Вы даже не уверены, что он восточный немец. Кто ваша цель?

Фидлер ответил не сразу. Сначала он какое-то время всматривался в глубь долины.

— Вы сами сказали, что привыкли иметь доступ лишь к ограниченным данным, вот и я не могу ответить на ваш вопрос так, чтобы не рассказать вам, чего вам знать не следует. — Он еще немного подумал, прежде чем продолжить: — Но могу вас заверить, что операция «Роллинг стоун» была направлена против нас.

— Вас?

— Против ГДР. — Он улыбнулся. — Против восточной зоны, если вам так больше нравится. Меня мало волнуют расхождения в терминах.

Лимас внимательно всмотрелся в лицо Фидлера. Его карие глаза изменили выражение.

— А как насчет меня? — спросил он. — Допустим, я откажусь писать письма? — Его голос зазвучал громче. — Не пора ли обсудить мою судьбу, Фидлер?

Тот кивнул.

— Почему бы и нет? — ответил он дружелюбно.

Они немного помолчали, и продолжать пришлось самому Лимасу:

— Я выполнил свою миссию, Фидлер. Вы и Петерс выжали все, что мне известно. Я не давал согласия еще и писать куда-то — это может оказаться весьма опасным делом и иметь для меня самые плачевные последствия. Вам-то теперь все равно. Для вас я больше особой ценности не представляю.

— Позвольте мне быть с вами до конца откровенным, — отозвался Фидлер. — Как вы прекрасно знаете, существуют две стадии допросов перебежчика. В вашем случае первая стадия близка к завершению: вы рассказали нам все, что мы только успевали записывать. Вы не сообщили нам, как ваша секретная служба использует булавки и скрепки, потому что мы вас об этом не спросили, а вам такая информация показалась не стоящей внимания. Таким образом, с обеих сторон происходил процесс подсознательной селекции. Однако всегда существует вероятность — и это предмет для беспокойства, Лимас, — что через месяц или два нам совершенно неожиданно насущно потребуются сведения как раз о

булавках и скрепках. Обычно для этого предусмотрена вторая стадия, то есть та часть нашей сделки, от которой вы решительно отказались в Голландии.

— Вы хотите сказать, что собираетесь и дальше держать меня на коротком поводке?

— Профессия перебежчика, — с улыбкой заметил Фидлер, — требует огромного запаса терпения. Вот почему очень немногие годятся на эту роль.

— Как долго?

Фидлер молчал.

— Ну и как же долго?

Фидлер вдруг заговорил с нежданным пылом:

— Даю вам слово, что при первой же возможности отвечу на ваш вопрос. Вы же понимаете, я вполне мог соврать. Назвать срок в месяц или даже меньше, чтобы сохранить ваше расположение ко мне. Но я говорю вам честно — не знаю, и это правда. Вы навели нас на след, и пока мы не проверим его, я и слышать не захочу о том, чтобы отпустить вас на все четыре стороны. К тому же потом, если все сложится так, как я предполагаю, вам очень понадобится друг, и я стану для вас другом. Клянусь честью истинного немца.

Лимас был так ошеломлен, что какое-то время

хранил молчание.

— Хорошо, — сказал он наконец, — я сыграю в вашу игру, Фидлер, но если вы обманете меня, то найду любой способ, чтобы свернуть вам шею.

— В этом может не возникнуть необходимость, — спокойно отреагировал Фидлер.

Человек, который существует отдельно от всех, не вместе с другими, а сам по себе, подвержен очевидным опасностям психологического свойства. Само по себе искусство обмана не требует каких-то чрезвычайных талантов: оно приобретается практикой, совершенствуется с опытом, и овладеть его приемами способно большинство из нас. Но в то время как «вор на доверии», лицедей или профессиональный мастер карточного блефа могут в любой момент прекратить представление и снова стать обычными людьми, у агента секретной службы подобной возможности расслабиться нет. Для него обман становится главным оружием самозащиты. Причем обороняться ему приходится не только от внешних, но и от внутренних факторов, бороться с самыми, казалось бы, естественными порывами: к примеру, он может зарабатывать очень приличные деньги, но его роль не позволит обзавестись хотя бы бритвой; будучи эрудитом, он вынужден изобра-

жать из себя человека, от которого не дождешься ничего, кроме заурядных банальностей; хороший муж и отец, он под давлением обстоятельств вынужден таиться и отдаляться от тех, кому так естественно было бы полностью доверять.

Отлично зная обо всех соблазнах, одолевающих человека, живущего в полной изоляции своей лжи, Лимас взял на вооружение метод, который был самым надежным из всех. Даже оставаясь наедине с собой, он заставлял себя жить, как тот персонаж, чью роль он сейчас по необходимости играл. Говорят, что Бальзак на смертном одре живо интересовался здоровьем и благополучием придуманных им персонажей. Точно так же и Лимас, не преувеличивая силы своего воображения, полностью идентифицировал себя с созданным в своем воображении образом. Причем личные качества, которые он демонстрировал Фидлеру: некоторая беспокойная неуверенность в себе, панцирь высокомерия, под которым прятался стыд, — были не чисто напускными манерами, а лишь многократно усиленными чертами характера, которыми Лимас мог бы обладать на самом деле. Отсюда взялись и слегка шаркающая походка, пренебрежение к собственной внешности, неразборчивость в еде и все возраставшая зави-

симость от спиртного и табака. Даже оставшись один, он не изменял навязанным себе привычкам. Он даже слегка их преувеличивал, мысленно жалуясь на вред, который наносит личности его профессия. И лишь в редкие моменты, как сейчас, ложась спать ночью, позволял себе опасную роскошь признания той большой лжи, в которой проходило его существование.

Шеф оказался феноменально прозорлив. Фидлер, как лунатик во сне, позволил буквально за руку завести себя в ловушку, заготовленную для него Шефом. Было даже несколько странно наблюдать постепенно нараставшее совпадение интересов Фидлера и Шефа. Порой начинало складываться впечатление, что они разработали весь план совместно, а Лимасу поручили привести его в исполнение.

Впрочем, это вполне могло оказаться правдой. Уж не Фидлер ли был тем Особым Агентом, которого Шеф всеми силами стремился защитить? Однако в подобных вопросах Лимас приучил себя не проявлять излишнего любопытства: он знал, что его умозаключения все равно ни к чему хорошему не приведут. Тем не менее он от всей души надеялся, что все так и есть. Потому что в таком случае у него появлялся шанс — пока всего

лишь призрачный шанс — вернуться домой.

14
Письмо клиенту

На следующее утро Лимас еще не успел встать с постели, когда Фидлер принес ему на подпись письма. Одно из них было на тонкой голубоватой бумаге с эмблемой отеля «Зейлер-Альпенблик» на озере Шпиц в Швейцарии, второе из отеля «Палас» в Гштааде.

Лимас прочитал первое:

Управляющему
Королевского скандинавского банка
г. Копенгаген

Уважаемый сэр!

На протяжении нескольких недель я непрерывно находился в пути и не имел возможности получать письма, приходившие на мое имя в Англии. Соответственно, я не получил и вашего ответа на мое письмо от 3 марта с. г. с запросом о текущем балансе депозитного счета, держателем которого я являюсь совместно с герром Карлсдорфом. Чтобы

избежать дальнейших проволочек, прошу выслать мне дубликат выписки со счета на нижеследующий адрес, по которому я предполагаю проживать в течение двух недель, начиная с 21 апреля с. г.:

Франция,
Париж, XII округ,
Авеню де Коломб, дом 13
Мадам И. де Сангло (для передачи)

Прошу простить за доставленные неудобства.
Искренне ваш

(Роберт Ланг)

— Что имеется в виду под письмом от третьего марта? — спросил он. — Я ведь не писал им никаких писем.

— Разумеется, не писали. И, насколько нам известно, не писал никто другой. Как раз это и вызовет в банке переполох. Если есть несоответствия между содержанием послания, которое мы направим им сейчас, и их предыдущей перепиской с Шефом, то они придут к выводу, что объяснения следует искать как раз в пропавшем письме от 3 марта. Естественной реакцией с их

стороны будет выслать вам копию выписки, которую вы запрашиваете, с приложением извинений и сожалений по поводу предыдущего письма, которое до них не дошло.

Второе письмо в точности повторяло первое, различались только имена. И адрес в Париже приводился тот же. Лимас взял чистый лист бумаги, авторучку и несколько раз вывел уверенной рукой подпись «Роберт Ланг», после чего поставил ее под первым письмом. Чуть изменив наклон ручки, он попрактиковался со второй подписью и, когда результаты удовлетворили его, вывел «Стивен Беннетт» на другом письме.

— Восхитительно, — оценил его работу Фидлер. — Просто восхитительно!

— Что теперь?

— Письма отправят завтра из Швейцарии. Из Интрелакена или Гштаада. Наши люди в Париже телеграфируют мне тексты ответов, как только они поступят. Думаю, это произойдет примерно через неделю.

— А до тех пор?

— Мы будем постоянно находиться в обществе друг друга. Понимаю, вас это едва ли радует, и заранее прошу прощения. Я подумал, что мы могли бы много ходить пешком, поездить на

машине по окрестным холмам, словом, убивать время. Мне бы хотелось, чтобы вы расслабились и много говорили. Рассказали мне о Лондоне, о Кембридж-серкус и работе вашего департамента: сплетни, зарплаты, отпуска, рабочие помещения, документы и люди — все это меня интересует. Булавки и скрепки. Я хочу узнать о вещах, которые на первый взгляд не имеют особого значения. Кстати… — Его тон неожиданно изменился.

— Кстати что?

— Мы располагаем особыми возможностями для людей… Для тех, кто вынужден проводить у нас какое-то время. Чтобы они могли развлечься во всех смыслах этого слова.

— Уж не хотите ли вы подстелить под меня женщину? — спросил Лимас.

— Да.

— Спасибо, не надо. В отличие от вас я еще не дошел до той стадии, когда требуются услуги сутенера.

Фидлера нисколько не задел его ответ. Он быстро продолжил:

— Ну конечно, у вас же осталась женщина в Англии, верно? Та девушка из библиотеки.

Лимас резко повернулся к нему, держа руки вдоль тела раскрытыми ладонями наружу.

— Запомните одну вещь раз и навсегда! — заорал он. — Только одну вещь! Никогда больше не упоминайте об этом ни в шутку, ни в качестве угрозы или инструмента давления на меня. Потому что здесь вы обломаете себе зубы, Фидлер. Из этого ничего не выйдет ни за что и никогда! Я замолчу, клянусь богом. Вы больше из меня и слова не вытянете, пока я жив. Передайте это им, Фидлер. Мундту, Штаммбергеру или любому другому подзаборному коту, велевшему вам упомянуть о ней. Передайте им мои слова так, чтобы они поняли.

— Хорошо, передам, — ответил Фидлер. — Я-то все передам. Но только может быть уже слишком поздно.

После обеда они снова отправились на прогулку. Небо потемнело и набрякло тяжелыми облаками, хотя было тепло.

— Я сам побывал в Англии лишь однажды, — мимоходом упомянул Фидлер. — На пути в Канаду с родителями перед войной. Я, конечно, был еще ребенком. Мы провели там два дня.

Лимас кивнул.

— Теперь об этом можно рассказать, — продолжал Фидлер. — Я ведь почти собрался туда снова несколько лет назад. Должен был сменить Мунд-

та в сталелитейном представительстве. Вы ведь знали, что он какое-то время работал в Лондоне?

— Знал, — ответил Лимас, не вдаваясь в подробности.

— Мне было интересно, каково это — работать в подобной роли.

— А, обычная игра в сотрудничество с другими организациями восточного блока, как я полагаю. Кое-какие контакты с британскими бизнесменами, но не слишком частые. — В голосе Лимаса прозвучала откровенная скука.

— Но Мундт хорошо справлялся с делом: ему там все давалось легко.

— Да уж, — ухмыльнулся Лимас, — он даже справился с убийством двоих людей.

— Так вам и об этом известно?

— Да, от Питера Гиллама. Он занимался тем делом вместе с Джорджем Смайли. Мундт, между прочим, чуть не угробил к чертовой матери и Смайли тоже.

— Вы говорите о деле Феннанов, надо полагать[17], — заметил Фидлер. — Поразительно, что после всего этого Мундту удалось сбежать, верно?

---

[17] Примечания: 17

Речь снова идет о событиях, описанных Ле Карре в его первом романе «Звонок мертвецу».

— Да, вероятно, это действительно необычно.

— Трудно вообразить, как человек, чья фотография и личное дело представителя иностранной фирмы имелись в распоряжении вашего МИДа, смог обвести вокруг пальца всю британскую контрразведку.

— Насколько я слышал, — сказал Лимас, — они и не прикладывали особых усилий, чтобы схватить его.

Фидлер замер на месте.

— Что вы сказали?

— По словам Питера Гиллама, у него сложилось впечатление, будто они попросту не хотели задерживать Мундта. Вот и все, что я сказал. Наша работа была тогда организована иначе. Нами руководил не Шеф департамента спецслужб, а советник при кабинете министров по фамилии Мастон. И этот Мастон с самого начала наломал дров в деле Феннана, как мне рассказывал Гиллам. Питер догадался, что, арестуй они Мундта, много дерьма всплыло бы наружу. Мундта, конечно, судили бы и скорее всего повесили, но по ходу вскрылось бы столько грязи, что карьере Мастона пришел бы неизбежный конец. Всех подробностей Питер так и не узнал, но был твердо уверен, что Мундта даже не удосужились объ-

явить в полномасштабный розыск.

— Вы уверены, что слышали все от Гиллама именно в таких выражениях? Мундта даже не объявили в полномасштабный розыск?

— Конечно, уверен.

— А Гиллам не высказывал других предположений, почему они могли так легко выпустить Мундта из страны?

— О чем это вы?

Фидлер покачал головой, и они снова двинулись по тропе.

— Представительство сталелитейной промышленности после дела Феннана пришлось свернуть, — сказал Фидлер через какое-то время. — Вот почему в Лондон я так и не попал.

— Мундт тогда, вероятно, совершенно обезумел. Убийство может сойти с рук где-нибудь на Балканах или здесь у вас, но не в Лондоне.

— Но ведь ему сошло, не так ли? — поспешил вставить Фидлер. — И он хорошо там поработал.

— То есть завербовал Эйша и Кивера? Воистину отличная работа.

— Жена Феннана работала на них достаточно долго.

Лимас ничего на это не возразил.

— Расскажите мне кое-что еще о Карле Ри-

меке, — попросил Фидлер. — Он ведь однажды лично встречался с Шефом, так?

— Да, в Берлине примерно год назад или чуть раньше.

— Где они встречались?

— Мы все приехали ко мне на квартиру.

— Зачем?

— Шеф падок на запах успеха. А мы как раз получили необычайно интересные данные от Карла, которые, как я подозреваю, произвели фурор в Лондоне. Он совершил краткосрочный визит в Берлин и попросил организовать для него эту встречу.

— Вы не возражали?

— С чего мне было возражать?

— Он был вашим лучшим агентом. Вам могла не понравиться перспектива его знакомства с более важным куратором.

— Шеф никого не курирует. Он возглавляет огромный департамент. Карл знал об этом, и сам по себе факт знакомства щекотал его самолюбие.

— Вы тогда все время провели втроем?

— Да. Хотя не совсем. Я оставил их вдвоем, но на четверть часа, не больше. Шеф высказал такое пожелание. Бог уж знает зачем, но ему понадобилось немного поговорить с Карлом с глазу на глаз.

Я нашел предлог, чтобы выйти. Уже не помню какой. Ах да, я сделал вид, что у меня кончилось виски. Мне и в самом деле пришлось навестить де Йонга, чтобы одолжить у него бутылку.

— Вы догадывались, о чем они беседовали в ваше отсутствие?

— Не имел понятия. Да меня это и не очень-то волновало.

— А Карл вам потом ничего не рассказывал?

— По крайней мере я ни о чем его не расспрашивал. Карл порой вел себя вызывающе до наглости, то и дело намекал, что это я у него в подчинении. И мне не слишком понравилось, как он потом посмеивался над замашками Шефа, хотя имел на это полное право. Тот вел с ним себя глупо. Мы оба посмеялись тогда. Тщеславие Карла было велико, но и он не любил грубой лести, а вся встреча была задумана как укрепляющая самолюбие медицинская процедура.

— Быть может, Карл как раз впал в депрессию и нуждался в этом?

— Ничего подобного. Совсем наоборот. К тому времени его уже избаловали донельзя. Ему слишком много платили, его обожали, он пользовался безграничным доверием. Отчасти в том была моя вина, отчасти — Лондона. Не подпорти мы ему

характер, он, возможно, не растрепал бы все о нашей сети своей любовнице.

— Эльвире?

— Да.

Они какое-то время шли молча, а потом Фидлер вдруг вышел из задумчивости с неожиданным признанием:

— А вы начинаете мне нравиться. Однако есть один момент, который меня удивляет. Странно, потому что меня это нисколько не беспокоило до личного знакомства с вами.

— Что именно?

— Почему вы решились на измену? Почему стали перебежчиком?

Лимас попытался что-то сказать, но Фидлер тут же рассмеялся:

— Не очень тактично с моей стороны задавать подобные вопросы, понимаю.

Всю неделю они провели в походах по холмам. Вечерами возвращались в хижину, ели скверно приготовленную пищу, запивая ее безвкусным белым вином, а потом подолгу сидели перед камином со стаканами «штайнхегера»[18]. Идея растопить камин пришла в голову Фидлеру. Пона-

---

[18] Примечания: 18
Сорт джина.

чалу они им не пользовались, но однажды Лимас услышал, как он попросил одного из охранников принести в дом дрова. И Лимасу стало нравиться так проводить вечера после целого дня на свежем воздухе: тепло огня и крепкий грубоватый алкоголь. Он сам становился разговорчив, рассказывая о своей службе без наводящих вопросов. Лимас догадывался, что все это записывается на скрытый магнитофон, но решил не придавать этому значения.

С каждым прошедшим днем Лимас чувствовал, как в его компаньоне нарастает внутреннее напряжение. Однажды они поехали прокатиться на «де-ка-вэ» — был уже поздний вечер — и остановились у будки телефона-автомата. Фидлер оставил его ждать в машине, даже не вынув ключи из замка зажигания, а сам долго с кем-то общался по телефону. Когда он вернулся, Лимас спросил:

— Почему нельзя было позвонить из дома?

Фидлер покачал головой.

— Нам нужно соблюдать осторожность, — ответил он. — Не только мне, но и вам тоже.

— Почему? Что происходит?

— Это касается тех денег, которые вы разместили в Копенгагене. Мы еще писали в банк,

помните?

— Конечно, помню.

Фидлер больше ничего не сказал и молча вел машину между холмами. Потом они остановились. Внизу, полускрытое призрачными ветвями густо растущих сосен, находилось место соединения двух обширных долин. Крутые и тоже покрытые сосняком склоны холмов по обе стороны постепенно теряли цвет в сгущавшемся мраке, становились черными и как будто лишенными жизни.

— Что бы ни случилось, — произнес наконец Фидлер, — ни о чем не беспокойтесь. Все будет хорошо, понимаете? — Он явно старался придать своим словам особый смысл, его тонкая рука легла поверх руки Лимаса. — Какое-то время вам придется самому позаботиться о себе, но продлится это недолго, понимаете? — снова спросил он.

— Нет. И поскольку вы мне ничего не говорите, придется подождать и действовать по обстановке. Не переживайте за мою шкуру, Фидлер. — Он попытался освободить руку, но тот держал ее крепко. Между тем Лимас терпеть не мог чужих прикосновений.

— Вы знаете Мундта? — спросил Фидлер. — Вам многое о нем известно?

— Мы уже обсуждали эту тему.

— Верно, — согласился Фидлер, — мы о нем говорили. Он сначала стреляет, а потом задает вопросы. Принцип упреждающего удара. Странно придерживаться его в профессии, где получить ответы на вопросы всегда считалось гораздо важнее самой своевременной стрельбы.

Лимас уже понимал, к чему клонит Фидлер.

— Но это вовсе не странно для того, кто боится ответов на вопросы.

Лимас выжидал. Спустя несколько секунд Фидлер продолжил:

— Он никогда прежде не проводил допросов сам. Неизменно предоставлял это мне. Говорил обычно: «Допрашивай их сам, Йенс. Никто не умеет делать этого лучше. Я их буду отлавливать, а ты заставлять „петь“. Еще его любимой присказкой были слова о том, что контрразведчики похожи на художников: и к тем и к другим надо приставить человека с молотком, чтобы он бил их, как только они перестанут работать. Иначе они забывают, к чему им следует стремиться. „Я буду таким молотобойцем для тебя“.» Поначалу это воспринималось как шутка, но потом все стало очень серьезно, когда он начал убивать, убивать без всякого разбора еще до того, как

они успевали «запеть». Я разговаривал с ним, я просил его: «Почему было не арестовать их? Почему бы мне не подержать их пару месяцев у себя? Какая нам польза от мертвых?» Но он лишь качал головой и ссылался на чью-то цитату, что сорняки следует выпалывать до того, как они пустят корни и расцветут. И у меня было ощущение, что он придумал такой ответ задолго до того, как я впервые задал ему свой вопрос. Но он хороший оперативник, просто отличный. В Абтайлунге он творил чудеса — вам это тоже известно. И у него полно теорий по этому поводу; мы часто разговаривали с ним по ночам. За чашкой кофе — он не пьет ничего, кроме кофе, — он разглагольствовал передо мной. Он считал, что немцы слишком склонны копаться в себе, чересчур интроспективны, чтобы из них получались хорошие агенты, и это особенно проявляется в контрразведке. Немецкие контрразведчики, говорил он, уподобляются ленивым волкам, которые без конца готовы грызть одну и ту же кость. Надо отбирать ее у них и гнать за новой добычей. И я мог в чем-то с ним согласиться, понимал, что он имеет в виду. Но потом он зашел слишком далеко. Зачем, например, он убил Фирека? Почему отнял его у меня? Ведь Фирек как раз и был той самой

свежей добычей. Мы еще не успели даже мясо снять с кости. Так зачем же он ликвидировал его? Зачем, Лимас, как вы думаете? — Рука Фидлера еще крепче вцепилась в ладонь Лимаса.

В машине воцарилась почти полная тьма, но Лимас не мог не ощущать пугающей силы эмоций своего собеседника.

— Я думал об этом день и ночь. После того как Фирека расстреляли, пытался понять причину. И поначалу сам испугался своих мыслей. Уж слишком невероятным казалось объяснение. Я обвинял себя в том, что завидую Мундту, что от работы у меня ум за разум заходит и я начинаю видеть предателя за каждым деревом — что порой случается с людьми нашей профессии. Но я уже ничего не мог поделать с этими мыслями, Лимас. Такое происходило с Мундтом и прежде. Он боялся — опасался, что однажды к нам в руки попадет тот, кто знает слишком много.

— Что вы несете? Вы не в своем уме, — сказал Лимас, и в его голосе тоже отчетливо прозвучал страх.

— Но поймите, все сходится. Мундт легко бежал из Англии, вы сами удивлялись этому. И что вам сказал Гиллам? Он посчитал, что англичане и не хотели его задерживать. Почему? А я вам назову

причину. Потому, что он уже работал на них. Они его завербовали. Он попался на тех убийствах, и ему назначили цену свободы — измена плюс деньги, которые ему заплатили.

— Говорю же, вы из ума выжили! — зашипел на него Лимас. — Он убьет вас, если узнает, какие фантазии вы строите на его счет. Ваши подозрения гроша ломаного не стоят, Фидлер. Заткнитесь, и поехали домой. — Он почувствовал, как хватка на его руке ослабела.

— Вы глубоко заблуждаетесь. И самое занятное, что вы сами снабдили меня доказательствами. Именно вы, Лимас. Вот почему мы сейчас просто необходимы друг другу.

— Это не может быть правдой! — выкрикнул Лимас. — Сколько раз мне вам повторять, что они не могли так поступить? Цирк не сумел бы курировать столь важного агента в зоне без моего ведома! Чисто организационно у них не было такой возможности. Вы пытаетесь убедить меня, что Шеф персонально курировал заместителя начальника Абтайлунга через головы сотрудников берлинской резидентуры? Вы ополоумели, Фидлер, вы полностью слетели с катушек! — Внезапно он тихо засмеялся. — Ну конечно! Вы же хотите занять его место, бедняга. Вот это мне

понятно, здесь нет ничего необычного. Но только вы явно перегибаете палку в своем жадном стремлении к власти.

Они оба замолчали. Но тишина продлилась всего несколько мгновений.

— Те деньги, — сказал Фидлер. — Депозит в Копенгагене. Банк прислал ответ на ваше письмо. Управляющий крайне обеспокоен, что произошла серьезная ошибка. Потому что деньги со счета снял второй его владелец ровно через неделю после того, как вы их положили. Указанная дата совпадает с теми днями в феврале, когда Мундт нанес краткосрочный визит в Данию. Он отправился туда под чужой фамилией, чтобы встретиться с нашим американским агентом на всемирной конференции ученых. — Фидлер помялся, но потом добавил: — Вероятно, вам нужно отправить в банк еще одно послание и заверить их, что все в полном порядке. Как считаете?

15
Приглашение

Лиз смотрела на письмо, полученное из партийного Центра, и гадала, как такое могло получиться. Она была слегка удивлена. И польщена тоже. Но только почему они прежде не поговорили с ней? Выдвинул ли ее кандидатуру районный комитет компартии или же в Центре сами сделали выбор? Однако, насколько ей было известно, никто в Центре ничего о ней толком не знал. Нет, она, конечно, встречалась иногда с его представителями, даже пожала однажды руку самому секретарю, который приезжал на их региональный съезд, но и все. Возможно, ее запомнил тот мужчина из отдела культурных связей — светловолосый, слегка женоподобный, он был так с ней обходителен, — по фамилии Эйш. Он проявил к ней живой интерес, а потом, вероятно, вспомнил и назвал ее как возможного кандидата, когда возникла идея поездки. Это был странный человек. Да уж. Пригласил после заседания съезда в «Блэк-энд-уайт» на чашку кофе и выспрашивал ее почему-то главным образом о

молодых людях. При этом он сам не делал никаких амурных пассов — ничего подобного. Она, честно говоря, даже подумала, что он голубой. Зато он задал множество вопросов о ней самой. Как давно она стала членом партии, не скучала ли по дому, живя вдалеке от родителей? Было ли у нее множество ухажеров или существовал тот единственный, которому она подарила свое сердце? На нее он не произвел особого впечатления, но разговор с ним получился поучительным: он рассказывал о государстве трудящихся, Германской Демократической Республике, о концепции пролетарского поэта и о разном другом. Он много знал о странах Восточной Европы. По всей видимости, не раз бывал там. Ей еще подумалось, что он — школьный учитель, поскольку говорил тоном наставника и демонстрировал привычки, свойственные педагогам. Потом, когда начали сбор средств в «Фонд борьбы», Эйш пожертвовал целый фунт, чем немало поразил ее. Да, это он, теперь Лиз была уверена: именно Эйш вспомнил о ней. Он рекомендовал ее кому-то в лондонском партийном комитете, а Лондон передал ее имя в Центр — скорее всего произошло нечто подобное. Все равно, конечно, необычный способ принимать подобные решения, но в партии всегда

любили конспирацию — она считала, что так всегда происходит в революционных партиях. Лиз не слишком нравилась атмосфера секретности, потому что в ней ей мерещилось что-то не до конца честное. Но с этим приходилось мириться как с необходимостью, и, бог свидетель, она знала многих, кто даже получал от этого удовольствие.

Она еще раз перечитала письмо на бланке центрального комитета с красной шапкой вверху, начинавшееся со слов «Дорогой товарищ!». В таком обращении Лиз слышалось что-то военное, она его не любила и никак не могла привыкнуть, что она тоже «товарищ».

Дорогой товарищ!

Недавно мы обсудили с нашими товарищами из Социалистической единой партии Германии – правящей партии ГДР – возможность осуществления личных контактов между британскими коммунистами и нашими единомышленниками в демократическом немецком государстве. Идея состоит в том, чтобы заложить основу для обмена делегациями рядовых членов наших двух партий. При этом руководство СЕПГ осознает,

что дискриминационные меры, принятые министерством внутренних дел Великобритании, делают невозможными визиты их представителей на территорию Соединенного Королевства в ближайшем будущем, но именно поэтому тем более важным делом они считают необходимость положить начало взаимным обменам, пусть пока в одностороннем порядке. От них поступило дружеское предложение избрать для первой поездки пять секретарей районных партийных ячеек, обладающих опытом пропагандистской работы с массами на низовом уровне. Каждый из выбранных нами товарищей проведет в ГДР три недели, принимая участие в работе местных партийных организаций, изучая прогресс, достигнутый страной в промышленном развитии и в социальном обеспечении населения, а также сможет лично стать свидетелем тех фашистских провокаций, которые инспирируются против ГДР с Запада. Мы рассматриваем это как прекрасную возможность для членов нашей партии обогатиться знаниями и опы-

том на примере молодого государства социалистического лагеря.

Поэтому мы обратились к нашим районным организациям с просьбой выдвинуть кандидатуры молодых активистов, которым такая поездка могла бы принести максимальную пользу, и в числе прочих было названо ваше имя. Мы надеемся, что у вас не возникнет непреодолимых препятствий и вы сможете принять приглашение, чтобы осуществить еще одну важную миссию подобных обменов – установить прочные связи с членами одной из местных парторганизаций ГДР, члены которой имеют сходные условия жизни и сталкиваются с такими же повседневными проблемами, как и жители вашего района. В пару к ячейке южного Бэйсуотера был выбран районный комитет Нойенхагена, пригорода Лейпцига. Фреда Люман – местный партийный секретарь – уже готовит для вас теплую встречу. Мы не сомневаемся в том, что вы достойно выполните поставленную перед вами задачу, и это станет нашим общим замечательным успехом. Все

расходы по поездке берет на себя министерство культуры ГДР.

Уверены, вы осознаете, какая большая честь вам оказана, и не позволите мелким бытовым причинам помешать вам согласиться на подобное предложение. Визиты запланированы на конец следующего месяца. Ваша поездка, по всей видимости, начнется с 23-го числа, однако в силу определенных трудностей бюрократического характера все пятеро избранных делегатов будут путешествовать отдельно друг от друга. Пожалуйста, дайте нам знать в максимально короткие сроки, принимаете ли вы приглашение, после чего вам будет предоставлена более подробная информация.

Чем дольше она вчитывалась в строки письма, тем более странным оно ей казалось. Ехать предстояло совсем скоро, но откуда им было знать, что она сможет оторваться от работы в библиотеке? А потом она с удивлением вспомнила, что Эйш расспрашивал ее, как она проводит отпуск, брала ли его уже в этом году и много ли ей потребуется времени, чтобы получить у своего

руководства разрешение на продолжительную отлучку. И почему в письме не были названы имена других отобранных кандидатов? Вероятно, они не видели в этом особой необходимости, но у Лиз все равно возникло легкое недоумение. Кроме того, письмо оказалось очень длинным. В центральном комитете так не хватало людей для поддержания переписки, что их послания, как правило, были очень краткими. Чаще же они просто связывались с товарищами по телефону. А это письмо выглядело настолько тщательно и детально написанным, так аккуратно отпечатанным, словно его прислали вовсе не из Центра. Однако ж оно было подписано секретарем по вопросам культуры; это его подпись, и здесь никаких сомнений не возникало. Она не раз видела ее на размноженных на ротаторе листовках и обращениях. Да и написано письмо было в том наполовину бюрократическом, наполовину мессианском стиле, к которому она привыкла, пусть он ей никогда и не нравился. Глупо утверждать, что она обладала «большим опытом пропагандистской работы с массами на низовом уровне». Ничего подобного. На самом деле именно эту часть партийной работы она не любила сильнее всего — произносить речи в мегафоны перед

воротами заводов и фабрик, продавать, стоя где-нибудь на углу, газету «Дейли уоркер», обходить квартиры избирателей накануне выборов в местные органы власти. Вот участие в кампании за мир во всем мире она воспринимала как должное, потому что в этом заключалось хоть какое-то рациональное зерно, она видела смысл в таких акциях. Она видела детишек, играющих на улице, мамаш с колясками в скверах, стариков, вечно торчавших на порогах своих домов, и могла сказать себе: «Я делаю это для них всех».

Но воспринимать так же борьбу за голоса избирателей или за увеличение продаж газеты ей никогда не удавалось. Ведь так легко сойтись вдесятером на собрании ячейки, строить планы переустройства системы, маршировать в авангарде сил социализма и предсказывать неизбежность исторического развития. Но потом приходилось одной выходить на улицы с кипой номеров «Дейли уоркер» и часто ждать час или даже два, чтобы кто-нибудь купил хотя бы один из них. Иногда она шла на обман, как делали это другие, и оплачивала дюжину номеров из своего кармана, лишь бы скорее закончить и попасть домой. Тогда на следующем собрании они превозносили ее до небес — словно сами никогда не

прибегали к подобным трюкам: «В воскресенье товарищ Голд сумела реализовать восемнадцать номеров газеты. Восемнадцать!» Об этом вносили запись в протокол, писали в районном бюллетене. В районе радостно потирали руки, и ее фамилия могла упоминаться в числе лучших распространителей на первой полосе, где помещали статьи о сборе средств в «Фонд борьбы». Но это был такой маленький и тесный мирок, ей хотелось бы, чтобы все обстояло честнее. И тем не менее она занималась самообманом, как и остальные. Впрочем, думала она, быть может, остальные яснее понимали причину, почему им приходится жить со всем этим враньем. Потом случилось нечто еще более странное — они избрали ее секретарем ячейки. Инициатором выступил Маллиган… «Она наш молодой, полный задора и *привлекательный* товарищ…» Уж не думал ли он, что она с ним переспит, если с его помощью возглавит ячейку? Остальные проголосовали за нее, потому что она им была симпатична, но главным образом по той причине, что Лиз одна владела машинописью. Потому что она справлялась со своими обязанностями и никого не заставляла заниматься уличной пропагандой в выходные. Или делала это, но очень редко. Они проголосовали за

нее, поскольку хотели видеть партийную ячейку чем-то вроде маленького клуба, вести революционные разговоры, но не слишком утруждаться. Все это было насквозь фальшиво. Алек, казалось, прекрасно понимал это и совершенно не воспринимал всерьез. «Кто-то разводит канареек, кто-то вступает в компартию», — обмолвился он однажды, и в его словах заключалась истина. По крайней мере в отношении ячейки южного Бэйсуотера, и в районном комитете прекрасно все понимали. Вот почему ей казался необычным выбор ее кандидатуры; вот почему она отказывалась верить, что именно районный комитет приложил к этому руку. Все сделал Эйш, была уверена она. Возможно, он на нее запал. Возможно, он не был голубым, а лишь производил такое впечатление.

Лиз преувеличенно громко вздохнула, как часто делают люди, которых что-то глубоко волнует, оставшись в одиночестве. Что ж, ей предлагали поехать за границу, причем бесплатно. И поездка обещала стать интересной. Она еще ни разу не бывала за рубежом и уж точно не смогла бы себе позволить такой вояж за свой счет. Наверное, будет занятно. Правда, у нее сформировалось несколько неоднозначное отношение к нем-

цам, и следовало это признать. Она знала (это ей втолковывали непрестанно), что Западная Германия — это милитаристское, реваншистское государство, в то время как ГДР была страной миролюбивой и демократической. Но она отказывалась верить, что все хорошие немцы жили по одну сторону границы, а все плохие по другую. И те, кто убил когда-то ее отца, не обязательно сейчас находились на «плохой» стороне. Быть может, поэтому партия и избрала ее для такого визита — великодушно предоставила возможность примирения? Вероятно, об этом думал Эйш, когда задавал все те многочисленные вопросы? Ну конечно — вот и объяснение. И Лиз внезапно овладело чувство тепла и благодарности к партии. Это были разумные люди, и ей следовало гордиться принадлежностью к их организации. Она подошла к письменному столу, выдвинула ящик и достала потертый школьный ранец, в котором теперь хранила бланки своей ячейки и марки членских взносов. Вставив чистый бланк в старенький «Ундервуд» — ей прислали его из района, когда узнали, что она умеет печатать; некоторые буквы западали, но в остальном машинка еще работала неплохо, — Лиз приготовила ответ с благодарностью за приглашение и под-

тверждением, что принимает его. Все-таки Центр не мог не вызывать уважения, исповедуя строгость, но и справедливость, разборчивость, но и объективность. Там собрались хорошие, добрые люди, которые боролись за мир. Закрывая ящик, она заметила в углу визитную карточку Смайли.

Лиз вспомнила этого низкорослого мужчину с серьезным, немного помятым лицом. Как он стоял в дверях ее комнаты и спрашивал: «В партии знают о ваших отношениях с Алеком?» Глупость какая! Ну и ладно. Можно выбросить все эти мысли из головы.

16
Арест

Всю обратную часть пути Фидлер и Лимас ехали молча. В сгустившихся сумерках среди черноты холмов мерещились провалы пещер, последние проглядывавшие в темноте лучики света напоминали прожекторы кораблей, ушедших далеко в море.

Фидлер припарковал машину под навесом рядом с домом, и они вместе направились к входной двери. Когда они уже собирались войти, со стороны деревьев донесся крик, а потом кто-то окликнул Фидлера по имени. Они повернулись, и Лимас в полумраке различил в двадцати ярдах от них троих мужчин, которые явно ждали, чтобы Фидлер подошел к ним.

— Что вы хотите? — спросил он.

— Нам надо с вами поговорить. Мы прибыли из Берлина.

Фидлер в замешательстве колебался.

— Куда подевались мои чертовы охранники? — тихо спросил он Лимаса. — Они должны прикрывать вход в дом.

Лимас только пожал плечами.

— И почему в прихожей не горит свет? — снова поинтересовался Фидлер, а потом все еще неуверенной походкой медленно направился к ожидавшим мужчинам.

Лимас выждал несколько мгновений, но, ничего больше не услышав, прошел через затемненный дом во флигель позади него. Это был унылый барак, явно построенный значительно позже, чем все остальное, укрытый с трех сторон посадками молодых сосен. Пристройку поделили на три смежные спальни, какой-либо коридор отсутствовал. Центральное помещение отвели для Лимаса, а соседняя комната ближе к главному зданию предназначалась для двух охранников. Лимас так и не узнал, обитал ли кто-нибудь в третьей спальне. Лишь однажды он попытался открыть дверь, которая вела туда из его комнаты, но она оказалась заперта. О том, что там тоже была спальня, он выведал совершенно случайно, сумев заглянуть в щель между кружевными занавесками, когда вышел как-то утром на прогулку. Оба охранника, которые непременно следовали за ним повсюду на дистанции ярдов в пятьдесят, еще не успели обогнуть угол, а Лимасу хватило нескольких секунд, чтобы всмотреться

внутрь сквозь окно. Там стояли аккуратно застеленная односпальная кровать и маленький письменный стол, на котором лежали газеты. Он предположил, что с чисто немецкой тщательностью наблюдение за ним организовали и оттуда тоже. Но Лимас был старым волком разведки, и не следовало тревожиться из-за чрезмерно усердной слежки. В Берлине она стала для него привычным фактором повседневной жизни — и если не замечать ее, то тем хуже. Это значило одно из двух: либо наблюдение сделалось более искусным, либо ты начал терять нюх. Обычно, потому что он прошел хорошую школу, был бдителен и наделен недюжинной памятью — короче, потому что он хорошо овладел азами профессии, ему всегда удавалось распознавать «хвост». Ему скоро становились понятны системы расположения агентов, которые предпочитала та или иная группа слежения, все их хитрости и слабости, самые мелкие просчеты, выдававшие их присутствие. Сама по себе слежка для Лимаса ничего не значила, но когда он вошел в проем двери, соединявшей дом с пристройкой, и задержался в комнате охранников, то отчетливо понял: здесь что-то не так.

Освещение во флигеле регулировалось центра-

лизованно с какого-то пульта. Лампы включала и выключала чья-то невидимая рука. Утром его часто будила внезапная вспышка единственной, но яркой лампочки над головой. По вечерам торопила улечься в постель навязанная извне темнота. Было только девять часов, когда он вошел в пристройку, а электричество уже отсутствовало. Обычно его вырубали не раньше одиннадцати, но сейчас не горело ни огонька, а шторы на окнах задернули плотнее. Смежную дверь Лимас оставил открытой, чтобы хотя бы сумрачный свет из прихожей проникал в комнату охраны, но он был так скуден, что разглядеть ему удалось только две пустые сейчас кровати. Пока он стоял, осматривая комнату и удивляясь, почему в ней никого нет, дверь у него за спиной закрылась. Возможно, от сквозняка, но Лимас даже не попытался снова открыть ее. Теперь его окружал полнейший мрак. Причем дверь закрылась бесшумно, и вслед за этим тоже не донеслось каких-либо звуков — ни стука, ни шагов. Лимасу, чьи инстинкты моментально включились в режим боевой готовности, это показалось похожим на момент, когда в кинотеатре при просмотре фильма внезапно отключается звуковая дорожка. Потом он почуял запах дыма сигары. Возможно,

он висел в воздухе с самого начала, но заметил он его только сейчас. Как у слепого, в темноте у него сразу же обострились обоняние и осязание.

В кармане лежали спички, но он пока ими не пользовался. Сделав шаг в сторону, уперся спиной в стену и замер в полной неподвижности. Насколько Лимас понимал ситуацию, они теперь дожидались, чтобы он перебрался из комнаты охраны в свою спальню, что только укрепило его решимость оставаться на месте. Затем со стороны дома, откуда пришел он сам, отчетливо донеслись шаги. Закрывшуюся дверь кто-то проверил снаружи, защелка замка провернулась и осталась в незапертом положении. Лимас не двигался. Слишком рано. Он оставался пленником в пристройке и пока не различал перед собой цели. Очень медленно Лимас присел на корточки, одновременно вложив руку в боковой карман пиджака. Он не просто сохранял спокойствие — его почти радовала перспектива начала реальных действий, но при этом мысли и воспоминания проносились в сознании с молниеносной скоростью. «Почти всегда у тебя под рукой окажется оружие: пепельница, пара монет, авторучка — что угодно, но ударное, колющее или режущее». Излюбленная фраза безобидного с

виду маленького сержанта-валлийца из тренировочного лагеря в окрестностях Оксфорда во время войны. «Никогда не пускай в ход обе руки сразу. Ни с ножом, ни с дубинкой, ни с пистолетом. Левая всегда должна быть свободна и лежать поперек твоего живота. Если нет вообще ничего, чем можно нанести врагу удар, разведи руки чуть в стороны, а большие пальцы выставь вверх и предельно напряги». Взяв коробок спичек в правую руку, он раздавил его, чтобы небольшие, но острые кусочки фанеровки торчали между пальцами. Покончив с этим, Лимас двинулся вдоль стены, пока ногой не уперся в стул, который, как он знал, стоял в самом углу. Уже не обращая внимания на шум, который производил теперь сам, он вытолкнул стул в центр комнаты. Потом, взяв стул за точку отсчета, сделал нужное число шагов в угол, где сходились две стены комнаты. И в этот самый момент он услышал, как резко распахнулась дверь его спальни. Лимас тщетно пытался разглядеть очертания фигуры, которая должна была показаться на пороге, потому что в его комнате тоже царила кромешная тьма. Его со всех сторон окружал непроницаемый мрак. Рвануться вперед, чтобы напасть, он не осмеливался, потому что центр комнаты теперь перегоражи-

вал стул, хотя в этом заключалось его небольшое тактическое преимущество — он знал, что стул там, а они нет. Ему нужно было, чтобы они попытались атаковать его сейчас же. Нельзя позволить им дождаться, чтобы их партнер в доме добрался до главного выключателя и дал свет.

— Что же вы медлите, трусливые суки, — прошипел он по-немецки. — Я здесь, в углу. Попробуйте взять меня. Или слабо?

В ответ ни движения, ни звука.

— Я тут, разве вы меня не видите? За чем дело стало? Что с вами такое, детишки? Идите сюда.

И тогда один шагнул вперед, а второй последовал за ним. Секунду спустя раздался грохот, когда первый наткнулся на стул, и это был сигнал, которого дожидался Лимас. Отбросив смятый коробок в сторону, он стал осторожно красться вперед, шаг за шагом, выставив перед собой левую руку жестом человека, который раздвигает ветки в густых лесных зарослях, пока его ладонь не уперлась в мягкую и теплую, чуть колючую ткань военной шинели. Все той же левой рукой Лимас дважды легко похлопал по рукаву — сделал два отчетливых прикосновения — и сразу услышал испуганный шепот по-немецки у себя над ухом:

— Ганс, это ты?

— Замолчи, идиот, — тихо произнес Лимас в ответ, изловчившись и ухватив противника за волосы. Он потянул его голову вперед и вниз, а потом нанес ребром правой ладони страшной силы удар в шею со стороны затылка. Вновь вздернул его кверху за руку и опять ударил, но теперь пальцами раскрытой ладони в горло, чтобы затем просто отпустить и дать безжизненному телу упасть в то место, куда увлекла его сила гравитации. Как только оно повалилось на пол, вспыхнул свет.

В дверях стоял молодой капитан в форме народной полиции и курил сигару. За спиной у него маячили еще двое мужчин. Один из них был совсем молод и одет в гражданский костюм. В руке он держал пистолет. Лимасу показалось, что это оружие чешского производства, в которое обойма вставляется с задней стороны рукоятки. Все смотрели на человека, распростертого на полу. Кто-то открыл другую дверь, и Лимас повернулся, чтобы узнать, кто именно, но тут же услышал громкий окрик — кажется, это капитан так зычно приказал ему не шевелиться. Он медленно развернулся и снова встал лицом к троим мужчинам.

Руки Лимаса все еще оставались вытянутыми по швам, когда он сам получил удар, от которо-

го у него, казалось, раскололся череп. Падая и уже проваливаясь в теплое забытье, он успел подумать, что ударили его револьвером, причем старого образца, с гнездом на конце рукоятки, через которое продевался шнур от кобуры.

Он проснулся, когда кто-то из заключенных затянул песню, а тюремщик криком приказал ему немедленно заткнуться. Стоило открыть глаза, и вместе с ослепительной вспышкой света его мозг пронзила боль. Но он лежал неподвижно, не закрывая глаз, наблюдая резкие цветовые образы, мелькавшие перед его взором. Попытался понять свои ощущения: его ступни были холоднее льда, а в нос сразу ударила типичная кисловатая вонь, исходившая от тюремной робы. Пение прекратилось, и внезапно Лимасу страстно захотелось опять услышать его, хотя он понимал, что этого не случится. Он попытался протянуть руку и потрогать кровь, коркой запекшуюся на щеке, но его руки оказались скованными за спиной. Ноги тоже, по всей вероятности, были туго стянуты — кровь в них не поступала, и потому они стали такими холодными. Превозмогая боль, он попробовал оглядеться, для чего требовалось приподнять голову хотя бы на пару дюймов от пола. К немалому удивлению, прямо перед собой

он увидел собственные колени. Он сделал инстинктивное движение, чтобы вытянуть ноги, и моментально все его тело прошила ужасающе острая боль, заставив вскрикнуть в агонии сострадания к самому себе, — он издал рыдающий вопль, какими исходят люди, вздернутые на дыбу. Лимас лежал, тяжело дыша, дожидаясь, чтобы боль унялась, а затем, вероятно, в силу невероятного упрямства своего характера, опять очень медленно попробовал распрямить ноги. Мучительная боль тут же вернулась, но Лимас определил ее источник: его руки и ступни ног были скованы вместе за спиной. Как только он пытался выпрямить ноги, цепь натягивалась, прижимая его плечи вниз, а поврежденную голову к каменному полу. Он понял, что в бессознательном состоянии был сильно избит: все его тело саднило одним огромным синяком, а в промежности ощущалась резь. Лимас подумал, убил ли он того охранника, и понадеялся, что убил.

Прямо над ним горела лампочка — большая, яркая, как в операционной, слепящая. В комнате не было никакой мебели. Вокруг себя он видел лишь нависавшие совсем близко беленые стены и серую стальную дверь, причем того модного сейчас пепельно-серого оттенка, каким красили

двери богатых лондонских домов. Больше ничего. Вообще ничего, на чем мог бы задержаться взгляд. Только адская боль.

Прежде чем они пришли, он пролежал несколько часов. От жара лампы его прошиб пот, очень хотелось пить, но он не позволял себе позвать кого-то на помощь. Наконец дверь открылась, и в проеме появился Мундт. Лимас сразу узнал его по глазам. Смайли рассказывал о них особо.

17
Мундт

Они сняли цепи и разрешили ему сделать попытку подняться на ноги. И на мгновение ему это почти удалось, но затем, когда циркуляция крови в его члены восстановилась, а суставы, долго удерживавшиеся в неестественном положении, встали на место, он упал. Его так и оставили лежать, наблюдая за ним с осторожным любопытством детей, впервые увидевших странное насекомое. Потом один из охранников вышел из-за спины Мундта и заорал на него, приказывая вставать. Лимас ползком добрался до стены и положил пульсирующие ладони на белые кирпичи. Он снова уже наполовину сумел выпрямиться, когда стражник ударил его, повалив на пол. Лимас сделал еще одну попытку, и на этот раз ему позволили стоять, привалившись спиной к стене. Он заметил, как охранник перенес вес тела на левую ногу, и понял, что тот собирается ударить снова. Собрав последние силы, Лимас ринулся вперед, направив свою наклоненную голову в лицо охраннику. Оба повалились, причем Лимас

оказался сверху. Солдат поднялся, а Лимас не смог и теперь ждал неизбежного наказания. Но Мундт отдал какое-то распоряжение, Лимаса подхватили за руки и за ноги, дверь закрылась, и его понесли вдоль коридора. Жажда убивала его.

Лимаса доставили в уютную комнату, где имелись вполне приличного вида стол и кресла. Шведские жалюзи наполовину скрывали зарешеченные окна. Мундт расположился за столом, а Лимаса усадили в кресло. Глаза его оставались полузакрытыми. Охранники встали у двери.

— Дайте мне пить, — попросил Лимас.

— Виски?

— Воды.

Мундт наполнил графин водой из крана над раковиной в углу комнаты и поставил на стол рядом со стаканом.

— Принесите ему поесть, — приказал он.

Один из охранников вышел, но скоро вернулся с кружкой супа и нарезанной ломтями колбасой. Он ел и пил воду, а они молча наблюдали за ним.

— Где Фидлер? — спросил потом Лимас.

— Арестован, — коротко ответил Мундт.

— На каком основании?

— Заговор с целью подрыва устоев государ-

ственной безопасности.

Лимас медленно кивнул.

— Значит, вы победили, — сказал он. — Когда вы его взяли?

— Прошлым вечером.

Лимас помедлил, стараясь сфокусировать взгляд на Мундте.

— А что со мной? — спросил он.

— Вы станете важным свидетелем обвинения. А потом будут судить уже вас самого.

— Стало быть, из меня сделают участника задуманного в Лондоне плана свалить Мундта, так?

Мундт кивнул, прикурил сигарету и знаком велел одному из своих телохранителей передать ее Лимасу.

— Именно так, — подтвердил он.

Охранник приблизился и жестом человека, вынужденного любезничать с врагом, вставил сигарету в губы Лимасу.

— Красиво разработанная операция, — заметил Лимас и отпустил не самую умную шутку: — Изобретательные парни эти китайцы.

Мундт никак на это не прореагировал. По мере того как продвигалась их беседа, Лимас стал привыкать к молчанию, в которое он временами впадал. У Мундта оказался достаточно приятный

голос, чего Лимас не ожидал, но пользовался он им скупо. По всей видимости, это следовало отнести за счет невероятной уверенности Мундта в себе. Он не начинал говорить, если не ощущал в этом подлинной необходимости, и предпочитал долгие паузы бессмысленному, с его точки зрения, сотрясению воздуха словами. Именно это отличало его от профессиональных мастеров допроса, которые сами проявляли инициативу, создавали атмосферу, располагавшую к разговорчивости, и в полной мере использовали психологическую зависимость узника от своего инквизитора. Мундт презирал подобные приемы: он был человеком факта, человеком действия. Для Лимаса это оказалось даже предпочтительнее.

Внешность Мундта целиком соответствовала его характеру. Он выглядел атлетом, светлые волосы стриг очень коротко, и, лишенные блеска, они смотрелись безукоризненно аккуратно. Его молодое еще лицо с правильными чертами было вылеплено жестко и несло на себе внушавшее робость выражение прямолинейной открытости; чувство юмора или склонность к игре воображения никак не читались на нем. Лицо его было молодым, но не моложавым — даже люди старшего поколения не могли не воспринимать его

всерьез. Его также отличало отменное телосложение. Одежда сидела на нем прекрасно, потому что на такой фигуре хорошо смотрелась бы любая вещь. Но при этом Лимас ни на секунду не забывал, что Мундт — прирожденный убийца. В нем ощущались та холодность, то жестокое пренебрежение к чужим жизням и физическая готовность, которые делали его прекрасно подготовленным к убийствам. С такой личностью очень трудно было иметь дело.

— Кстати, если нам вдруг понадобится выдвинуть против вас в суде еще одно обвинение, — добавил Мундт спокойно, — то это будет обвинение в убийстве.

— Значит, если я правильно вас понял, тот несчастный охранник не выжил? — спросил Лимас. Волна острой боли накатила на его мозг.

Мундт кивнул.

— Таким образом, — сказал он, — слушание по делу о вашем участии в шпионаже против ГДР теряет подлинную актуальность. Однако я внес предложение, чтобы суд над Фидлером сделали публичным, и президиум со мной согласился.

— Вам нужно мое признание?

— Да.

— Видимо, потому, что никаких других доказа-

тельств у вас нет.

— У нас будет нечто более важное, чем любые улики. Ваши показания и полное признание вины. — В голосе Мундта не звучало ни намека на угрозу. Он никого из себя не разыгрывал, не прибегал к драматическим эффектам.

— С другой стороны, при желании в вашем деле могут вскрыться смягчающие вину обстоятельства. Британская разведка прибегла к шантажу: они выдвинули против вас ложное обвинение в краже казенных денег и только так вынудили стать участником реваншистского плана моей ликвидации. Суд может проявить снисхождение, если ему станут известны подобные детали.

Лимаса, казалось, его последняя фраза застигла врасплох.

— Откуда вам известно про обвинение в краже?

Но Мундт не дал ответа на этот вопрос.

— Фидлер повел себя очень глупо, — сказал он после небольшой паузы. — Как только я ознакомился с рапортом нашего друга Петерса, то сразу понял, с какой целью вас подослали, и понял, что Фидлер непременно угодит в ловушку. Слишком уж сильно он ненавидит меня. — Мундт при этом кивнул головой, словно желая подчеркнуть

истинность своего утверждения. — Ваши люди, разумеется, знали об этом. Операция была разработана очень тонко и умно. Кому принадлежала идея? Скажите мне. Наверняка весь план придумал Смайли. Удивлюсь, если это не его рук дело.

Лимас промолчал.

— Я захотел прочитать отчет Фидлера о ваших допросах, которые он проводил лично, понимаете? Попросил прислать его мне. Он начал тянуть резину, и я только уверился в своей правоте. А вчера он распространил свой меморандум среди членов президиума, но я копии так и не получил. Кто-то в Лондоне проявил незаурядные способности.

Лимас промолчал.

— Когда вы в последний раз встречались со Смайли? — небрежно спросил Мундт.

— Не помню. — Лимасу все же пришлось заговорить. — Он ведь больше не работает на нашу организацию. Хотя время от времени навещает нас.

— Но он большой приятель Питера Гиллама, верно?

— Да, думаю, можно сказать и так.

— Гиллам, как вы считали, занимался изучением экономического развития ГДР. Эдакий

небольшой отдел в вашем ведомстве, назначение которого было вам не до конца понятно.

— Да.

Слух и зрение стали подводить его из-за сводящей с ума пульсации в мозге. Глаза горели, и в них тоже ощущалась резь. Он чувствовал себя совершенно больным.

— Ну, так когда же вы в последний раз виделись со Смайли?

— Я не помню… Не помню.

Мундт покачал головой.

— У вас почему-то очень хорошая память на все, что компрометирует меня. И потом, все мы всегда запоминаем нашу последнюю встречу с кем-либо. К примеру, вы встречались с ним по возвращении из Берлина?

— Да. Думаю, что да. Я как-то столкнулся с ним однажды в Лондоне… В Цирке. — Лимас закрыл глаза, и его прошиб пот. — Я не могу продолжать, Мундт… Долго не продержусь. Я болен, Мундт, — выдавил из себя он.

— После того как с вами вышел на контакт Эйш. То есть попал в капкан, который вы поставили на него, вы ведь обедали вместе, правильно?

— Да. Обедали.

— И закончили около четырех часов. Куда вы

отправились потом?

— По-моему, куда-то в Сити. Но я не уверен… Ради бога, Мундт… — Он обхватил голову руками. — Я не в состоянии продолжать. Мой проклятый мозг…

— Куда вы поехали потом? Почему избавились от «хвоста»? Зачем вам так нужно было уйти от слежки?

Лимас ничего не отвечал: он лишь порывисто дышал, сжав голову ладонями.

— Ответьте на этот вопрос, и потом мы сделаем перерыв. Вам приготовили нормальную постель. Можете поспать, если захотите. В противном случае вернетесь в прежнюю камеру, понимаете? Скажите, куда вы поехали?

Дикая пульсация в мозге внезапно усилилась, стены комнаты заплясали. Вокруг себя он слышал голоса и отзвуки шагов; цветастые тени пролетали мимо и возвращались; кто-то кричал, но не на него; дверь была открыта, он был уверен, что ее распахнули настежь. Комната наполнилась людьми, которые теперь все кричали, а потом стали говорить одновременно. Некоторые из них уходили, причем маршировали при этом, и звуки их дружных шагов резонировали со стуком в его голове. Но постепенно даже эхо затихло,

и воцарилась полная тишина. А потом словно ангел милосердия снизошел к нему, и компресс из прохладной материи лег поперек лба, а чьи-то нежные руки унесли его прочь.

Очнулся он на больничной койке. В ногах ее стоял Фидлер и курил сигарету.

18
Фидлер

Лимас осмотрелся по сторонам. Одноместная палата без решеток на окнах, только шторы и тонированное стекло. Бледно-зеленые стены, темно-зеленый линолеум и Фидлер, наблюдавший за ним сквозь облако табачного дыма.

Медсестра принесла ему поесть — яйцо, немного супа и фрукты. Чувствовал он себя отвратительно, ему было не до еды, но он понимал, что подкрепиться необходимо. И потому, пересилив себя, начал есть под пристальным взглядом Фидлера.

— Как ощущения? — спросил тот.

— Хреновые, — ответил Лимас.

— Но хоть немного получше?

— Должно быть. — Лимас замолк, вспоминая. — Эти подонки измолотили меня до полусмерти.

— Вы убили охранника. Вам известно об этом?

— Да, я догадался с самого начала… А чего они ждали, когда проводили свою тупую операцию? Почему было сразу не задержать нас обоих? Для чего понадобилось выключать свет? Скажу вам

одно: они переусердствовали. У нас это называется заорганизованностью.

— Боюсь, вы правы. Мы вообще нация заорганизованных людей. Но за границей это проходит как немецкая эффективность.

Наступила пауза.

— А что произошло с вами? — спросил Лимас.

— О, я тоже прошел основательную предварительную обработку перед допросом.

— Людьми Мундта?

— И людьми Мундта, и самим Мундтом. Необычные ощущения, если признаться!

— Это еще мягко сказано.

— Нет, я говорю не только о физической боли. Хотя больно было до ужаса, но, как оказалось, Мундту доставило особое наслаждение избивать меня.

— Потому что вы построили теорию о его…

— Потому что я — еврей.

— О господи, — тихо простонал Лимас.

— Вот почему меня он отделал лично, со всем усердием. И непрерывно шептал мне на ухо. Это было очень странно слышать.

— Что именно он говорил?

Фидлер ответил не сразу.

— Что все кончено.

— Но как? Откуда ему все стало известно?

— Утром в день ареста я подал в президиум петицию с просьбой выдать ордер на задержание Мундта как врага народа.

— Но это же сумасшествие… Я говорил вам, Фидлер, что у вас, должно быть, помутился рассудок! Он бы ни за что…

— Помимо вашей информации, против него накопились другие улики. Доказательства, которые я фрагмент за фрагментом собрал в последние три года. Ваши сведения стали лишь решающим, недостающим звеном, вот и все. Как только это стало мне ясно, я подготовил доклад, текст которого разослал всем членам президиума, кроме Мундта. Они получили его одновременно с моим заявлением об ордере на его арест.

— И в этот же день арестовали нас самих.

— Да. Я знал, что Мундт не сдастся без боя. Мне были известны все его сторонники в президиуме и те бесхребетные соглашатели, которых мой меморандум настолько перепугал, что они бросились к Мундту, как только получили его. Но я был уверен, что в итоге он потерпит поражение. Я вручил президиуму оружие, способное уничтожить его. Мой доклад попал по назначению, и за те несколько дней, когда нас с вами подвергали

мучениям и допросам с пристрастием, члены президиума имели возможность всесторонне изучить документ и убедиться, что в нем все правда. Каждый понял это и знал, что поняли и все остальные. В конце концов они вынуждены были перейти к действиям. Сплоченные общим для всех страхом перед Мундтом, объединенные даже своей трусостью и слабостью, они перешли в атаку на него и назначили заседание трибунала.

— Трибунала?

— Секретного, разумеется. Он соберется уже завтра. Мундт находится под арестом.

— А какие другие улики вам удалось собрать?

— Потерпите — и узнаете, — ответил Фидлер с улыбкой. — Завтра вам станет известно все. — Он ненадолго замолчал, чтобы позволить Лимасу покончить с едой.

— Этот трибунал, — спросил затем Лимас, — как именно он проводится?

— Процедуру определяет президиум. Важно помнить, что это не обычный народный суд. Это скорее напоминает заседание следственного комитета. Специального следственного комитета, члены которого назначаются президиумом для рассмотрения чрезвычайных дел в отношении… конкретных лиц. Потом составляется отчет, со-

держащий рекомендации комитета. В подобном случае рекомендации можно считать равносильными приговору суда, и они не подлежат публичной огласке как секретная часть работы президиума.

— Каков механизм? Есть судьи и защита обвиняемого?

— Да, избирается судебный триумвират, — ответил Фидлер, — и присутствует некто, играющий роль адвоката. Завтра я сам выступлю в качестве прокурора, чтобы изложить суть обвинений против Мундта. Его защитником будет Карден.

— Кто такой Карден?

Фидлер замялся.

— Тяжелый человек, — сказал он. — С виду похож на сельского фельдшера. Маленький, добродушный. Он был узником Бухенвальда.

— Почему Мундт не может сам быть своим адвокатом?

— Это было его собственное решение. Я уже слышал, что у Кардена есть какой-то свидетель защиты, которого он вызвал.

Лимас пожал плечами.

— Что ж, я мало что понимаю в ваших делах, — сказал он, после чего оба снова замолчали.

— Я бы сумел легче перенести все, — задумчиво

произнес Фидлер. — По крайней мере мне так кажется. Было бы легче выдержать пытку, если бы он мучил меня из-за личной ненависти или зависти. Вам понятно, о чем я? Эта долгая, долгая, невыносимая боль, а ты все время лишь думаешь про себя: «Либо я сейчас потеряю сознание, либо научусь сносить любые страдания. Природа, так или иначе, возьмет свое». А боль все нарастает, как будто скрипач переходит в крещендо. Ты считаешь, что больнее уже быть не может, но ошибаешься — такова уж боль сама по себе: она непрерывно усиливается, и твое тело привыкает к ее все более высоким нотам, как ухо глухого ребенка, которого пытаются научить слышать. И все время этот шепот: «Еврей… Жид». Я бы его понял, клянусь, что понял бы, если бы он все это делал во имя идеи, ради интересов партии или в силу личной ненависти именно ко мне. Но ничего подобного, он ненавидит…

— Довольно, — оборвал его Лимас. — Разве вы не знали, какая это мразь?

— Да, — согласился Фидлер, — он мразь.

Фидлером владело возбуждение. «У него накопились мысли, которыми ему с кем-то необходимо поделиться», — подумал Лимас.

— Я много думал о вас, — продолжал Фидлер. —

Я размышлял о той нашей беседе. Помните? О движителе.

— О каком движителе?

Фидлер улыбнулся:

— Извините, это, видимо, слишком прямой перевод, к которому я прибегнул. Я имею в виду движущую силу, мотивы, духовные устремления. Или как еще это могут называть христиане?

— Я не христианин.

— Но вы же понимаете, что я имею в виду. — Он снова улыбнулся. — Хотя это и приводит вас в смущение… Изложу свою мысль иными словами. Предположим, Мундт прав. Он требовал от меня признания, как вы догадываетесь. Я должен был признаться, что вступил в сговор с британскими лазутчиками, которые спланировали его ликвидацию. На этом строится вся его теория — что вы и я были вовлечены в сложную операцию, задуманную британской разведкой, чтобы избавиться от самого важного человека в Абтайлунге. Он хочет повернуть против нас наше же оружие.

— Он и от меня добивался того же, — произнес Лимас равнодушно и добавил: — Признания, что всю эту отвратительную историю я попросту выдумал.

— Но я сейчас даже не об этом: допустим, что

вы так и поступили, предположим, что это правда, — вы же понимаете, мне это нужно только для примера, я говорю чисто гипотетически. Пошли бы вы на убийство ни в чем не повинного человека?

— Мундт сам кровавый убийца.

— Но что, если бы он им не был? Что, если бы они захотели убить меня? Пошел бы Лондон на такое?

— Это зависело бы от… от целесообразности…

— Вот! — воскликнул Фидлер, явно удовлетворенный таким ответом. — Вы поставили бы это в зависимость от необходимости и целесообразности. Что, кстати, всегда делал Сталин. Автомобильная авария и статистика. Для меня это большое облегчение.

— Не вижу почему.

— Вам нужно еще поспать, — сказал Фидлер. — Потом можете заказать любую еду, какую пожелаете. Они все принесут. Завтра вам предстоит выступить перед серьезной аудиторией.

Уже у двери он обернулся и произнес:

— А ведь все мы одним миром мазаны. Шучу, шучу…

Вскоре Лимас действительно заснул, довольный, что обрел в лице Фидлера союзника. Скоро

Мундту должны вынести смертный приговор. Как же долго ему пришлось дожидаться такого исхода!

19
Собрание партийной ячейки

Лиз была совершенно счастлива в Лейпциге. Простота и даже аскетизм жизни здесь давали ей ощущение, что она тоже чем-то жертвует. Небольшой дом, куда ее поселили, казался темным и бедным, пища тоже была скудной, и лучшее из нее неизбежно доставалось детям. За едой они неизменно разговаривали о политике с фрау Эберт — секретарем партийной организации квартала Лейпциг-Хогенгрюн. Это была маленькая неприметная женщина, чей муж заведовал каменоломней где-то за городской чертой. Жизнь здесь в чем-то походила на существование в религиозной общине, мелькала порой мысль у Лиз, — как в монастыре, в кибуце или в чем-то подобном. Как ни странно, но на голодный желудок мир воспринимался лучше, чем был, вероятно, на самом деле. Лиз немного знала немецкий, на котором говорила ее тетушка, и сама поразилась, как быстро забытые слова вернулись к ней. Сначала она опробовала язык на детях, которые хихикали, но охотно помогали ей. Ребятишки от-

неслись к ней немного странно с самого начала, словно она была какой-то особенной или обладала некими редкими способностями. Но на третий день один из них набрался храбрости и спросил, не привезла ли она «оттуда» шоколада. Ей стало стыдно, потому что ей и в голову это не пришло. После чего дети почти перестали обращать на нее внимание.

По вечерам наступало время «партийной работы». Они распространяли пропагандистскую литературу, навещали товарищей, задолжавших членские взносы или слишком часто пропускавших собрания, приняли участие в районной конференции на тему «Проблемы, связанные с централизованным распределением продуктов питания», где присутствовали все секретари партийных ячеек, посетили заседание рабочего совета машиностроительного завода, расположенного на одной из окраин.

Наконец на четвертый день — это был четверг — подошло время собрания ячейки того квартала, где она жила. Для Лиз оно обещало стать волнующим событием: она ожидала увидеть пример того, как однажды начнет работать ячейка ее родного Бэйсуотера. Да и тему для вечерней встречи избрали, на ее взгляд, крайне интересную: «Мир-

ное сосуществование после двух великих войн». Ожидалось большое количество членов партии — для обеспечения явки сделали все возможное, убедились, что в это же время не проводится никаких других крупных мероприятий, а вечер был не тот, когда люди в массе своей устремляются по магазинам за покупками.

Пришло семь человек.

Ровно семь, не считая Лиз, секретаря ячейки и представителя райкома. Лиз старалась ничем этого не выдать, но была до крайности расстроена. Она с трудом заставляла себя сосредоточиться на выступлении докладчика, а когда ей это удавалось, он прибегал к столь сложным немецким речевым конструкциям, что уяснить их смысл оказывалось почти невозможно. Это напоминало собрания в Бэйсуотере, походило на вечерние молебны в церкви, которые она посещала в детстве, — та же небольшая группа выполняющих нудную обязанность, немного растерянных людей, но при этом искусственно внушаемое себе ощущение, как важно, чтобы именно такие вот простые люди свершили свою миссию ради общего великого блага. Хотя порой у нее возникало желание — скверное желание, но от него некуда было деться, — чтобы не пришел вообще никто.

Потому что тогда абсурд и унижение достигли бы своих абсолютных пределов, и люди бы поняли, что настала пора все коренным образом менять.

Но семь человек… Это было ничто. Хуже, чем ничто, потому что демонстрировало всю инертность и равнодушие народных масс, отчего становилось тоскливо на душе.

Помещение оказалось гораздо просторнее, чем школьный класс в Бэйсуотере, но и это служило слабым утешением. В Бэйсуотере сами по себе поиски комнаты для собрания становились своего рода приключением. Поначалу они скрытничали и делали вид, что никакого отношения к компартии не имеют. Снимали отдельные кабинеты в пабах, банкетный зал кафе «Ардена» или же потихоньку собирались друг у друга на квартирах. Потом в ячейку вступил Билл Хейзел, учитель из местной средней школы, и они стали использовать его класс. Но даже в этом заключался некоторый риск — директор школы полагал, что у Билла собирается драмкружок, а значит, теоретически их могли выставить за порог в любой момент. Но даже в школе было все же лучше, чем в так называемом лейпцигском «Зале мира», находившемся в здании из сборных железобетонных конструкций, где по углам

виднелись трещины и висел портрет Ленина. И зачем только они всегда вставляют его портреты в такие нелепые рамы? Из стен торчали похожие на обрезки органных труб декоративные украшения, а плакаты и знамена из кумача насквозь пропылились. Лиз почему-то показалось, что именно так обставляли свои похороны фашисты. И она снова подумала: наверное, Алек был прав. Ты верила во что-то, потому что не могла жить без веры, пусть предмет твоего верования сам по себе ничего не значил, не имел никакого смысла. Как он говорил? «Собака чешет то место, которое у нее чешется. И у каждой собаки такое место свое». Нет, все не так, и Алек ошибался. Произносить подобные слова было шутовским легкомыслием. Мир, свобода, равенство — это все не абстракции, а реальные понятия. И от исторических фактов никуда не денешься, а именно на их основе партия строила свою деятельность, намечала цели. Нет, определенно Алек заблуждался: истина существовала независимо от желания людей, ее подтверждал весь ход исторического развития, и каждый индивидуум должен был это признать. В противном случае ему грозила опасность стать жертвой исторического прогресса, на пути которого он вставал. Партия шла в авангарде истории,

в первых рядах борцов за мир… Но увиденное этим вечером способно было поколебать всякую уверенность. Жаль, что пришло всего семь человек. Так мало. Да и у пришедших вид был встревоженный и голодный.

Когда собрание закончилось, Лиз дождалась, пока фрау Эберт соберет непроданную литературу с массивного стола у двери, заполнит книгу явки и наденет пальто, потому что вечер выдался холодным. Докладчик сбежал, не приняв участия в обсуждении своего выступления, что Лиз посчитала бестактностью. Фрау Эберт уже стояла в дверях, положив руку на выключатель, когда из темноты коридора на пороге возникла фигура мужчины. На мгновение Лиз даже показалось, что это Эйш. Он был высоким, светловолосым, в плаще с кожаными пуговицами.

— Товарищ Эберт? — спросил он.

— Да, а в чем дело?

— Я разыскиваю нашего товарища из Англии по фамилии Голд. Она ведь остановилась у вас, верно?

— Элизабет Голд — это я, — сказала Лиз, и мужчина вошел в зал, прикрыв за собой дверь, а его лицо теперь оказалось освещено полностью.

— Я — Холтен из районного комитета партии. —

Он показал какое-то удостоверение фрау Эберт, которая так и застыла рядом с дверью, потом кивнула и бросила несколько обеспокоенный взгляд на Лиз.

— Мне было поручено передать товарищ Голд важное сообщение из президиума, — сказал мужчина. — Это касается изменений в программе ее пребывания у нас. Ей прислали приглашение принять участие в особо важном заседании.

— О, правда? — отозвалась Лиз с несколько поглупевшим выражением лица.

Казалось фантастикой, что в президиуме правящей партии страны вообще узнали о ее существовании.

— Воспринимайте это как жест доброй воли, — заявил Холтен.

— Но я… А как же фрау Эберт? — беспомощно произнесла Лиз.

— Я уверен, что при сложившихся обстоятельствах фрау Эберт отнесется ко всему с пониманием.

— Разумеется, — поспешила заверить его та.

— А где будет проходить заседание?

— Вот поэтому вам и придется выехать сегодня же вечером, — объяснил Холтен. — Ехать нам достаточно далеко. Почти до самого Герлица.

— Герлиц?… А где это?

— На востоке, — пояснила фрау Эберт. — Почти у самой границы с Польшей.

— Мы можем сейчас же отвезти вас домой. Соберете свои вещи, и мы тронемся в путь.

— Так срочно?

— Да. — Тон Холтена исключал какие-либо возражения со стороны Лиз. Казалось, ей не оставляли возможности выбора.

Их ждала большая черная машина. За рулем сидел водитель, а на крыле торчал шток для флажка. Похоже, автомобиль принадлежал какому-то военному ведомству.

20
Трибунал

Зал заседаний трибунала едва ли превышал размерами обычный класс в школе. В одном его конце были установлены пять или шесть длинных, но самых простых скамеек, по краям которых разместились охранники и тюремные надзиратели, а посередине — допущенная публика, состоявшая только из членов президиума и еще нескольких высокопоставленных официальных лиц. В противоположной стороне на стульях с высокими спинками перед неотполированным дубовым столом сидели трое судей трибунала. У них над головами на металлической проволоке висела огромная красная звезда из фанеры. Стены помещения были сложены из беленого кирпича, напомнившего Лимасу его тюремную камеру.

По оба конца стола, но чуть ближе к залу располагались еще два стула, развернутые так, чтобы сидевшие на них были обращены лицами друг к другу. Один стул занимал уже немолодой мужчина, вероятно, лет шестидесяти, в черном костюме и сером галстуке — так обычно одеваются в

немецкой провинции перед походом в церковь. Второй предназначался для Фидлера.

Лимаса усадили почти у задней стены под надзором двух стражей. Между головами собравшихся в зале он мог видеть Мундта, которого плотно окружали полицейские. Волосы ему постригли еще короче, а его широкие плечи стягивала теперь такая знакомая Лимасу арестантская роба. Он воспринял как индикатор общего настроения членов трибунала (на котором могло сказаться влияние Фидлера) то, что ему самому разрешили остаться в цивильной одежде, в то время как Мундта обрядили в униформу заключенного.

Лимас еще не успел толком осмотреться, как президент трибунала, сидевший в центре, звонком подал сигнал к началу заседания. Звук привлек внимание к главной фигуре процесса, и у Лимаса холодок пробежал по спине, когда он понял, что это женщина. Но едва ли ему стоило корить себя за то, что он не заметил такой детали сразу. Ей было около пятидесяти лет, маленькие глазки, по-мужски коротко постриженные черные волосы и простенький темный балахон, какие были в моде у многих женщин в СССР. Она пристально осмотрела зал, кивком головы приказала охраннику закрыть дверь и начала говорить

без каких-либо преамбул или приветственных слов в адрес собравшихся.

— Вы хорошо знаете, зачем мы прибыли сюда сегодня. Все, что будет здесь происходить, строго секретно — прошу никого не забывать об этом. Данный трибунал избран особым постановлением президиума. И только перед президиумом мы несем ответственность. А теперь нам предстоит заслушать показания сторон в установленном порядке. — Она повернула голову в сторону Фидлера. — Начнем с вас, товарищ Фидлер.

Тот поднялся. Коротко кивнув каждому из членов трибунала, достал из портфеля пачку бумаг, связанных в углу черным шнуром.

Говорил он спокойно, легко, но и со скромностью, какой Лимас не замечал за ним прежде. Лимас посчитал, что Фидлер взял верный тон, играя роль человека, который с великим сожалением готовится распять своего бывшего друга и начальника.

— Прежде всего, — начал Фидлер, — я считаю, мне следует поставить вас в известность, если только вас не снабдили соответствующей информацией заблаговременно, о том, что в тот же день, когда члены президиума получили копии моего доклада относительно деятельности това-

рища Мундта, я был подвергнут аресту наряду с мистером Лимасом — перебежчиком к нам с Запада. Мы оба попали в тюрьму, и к нам обоим… на нас обоих оказывалось исключительно мощное давление с целью добиться признания, что выдвинутые против Мундта серьезные обвинения были лишь частью фашистского заговора против лояльного и верного своей стране коммуниста.

В моем первоначальном меморандуме подробно описывалось, как и почему Лимас попал в наше поле зрения. Мы по своей инициативе вышли на контакт с ним, убедили перейти на нашу сторону и, наконец, сумели переправить на территорию демократической Германии. Ничто не может свидетельствовать о беспристрастности Лимаса более красноречиво, чем такой факт: по причинам, которые я объясню ниже, он до сих пор категорически отказывается поверить, что Мундт был агентом британской разведки. Таким образом, представляется полной нелепицей утверждение, будто Лимас сыграл роль подсадной утки: инициатива его вербовки полностью исходила от нас, а фрагментарные, но крайне важные показания Лимаса стали лишь окончательным доказательством в длинной цепочке улик, собранных за последние три года.

Перед вами все материалы этого дела, изложенные в письменном виде. Мне лишь остается дать пояснения к фактам, которые вам уже известны.

Суть обвинения против товарища Мундта состоит в том, что он является агентом империалистической державы. Я мог бы выдвинуть против него и другие обвинения — в том, что он передавал информацию секретным службам Великобритании, что он превратил сотрудников своего ведомства в невольных прислужников буржуазного государства, что он сознательно защищал реваншистские антипартийные группы и принимал в качестве вознаграждения крупные суммы в иностранной валюте. Однако все сопутствующие обвинения вытекают из главного: Ганс-Дитер Мундт — агент империалистической державы. Наказанием за подобное преступление может быть только смертная казнь. В нашем уголовном кодексе не значится ни одного более серьезного нарушения закона, поскольку именно оно подвергает самой большой опасности нашу страну, именно оно требует особой бдительности со стороны карательного аппарата партии.

Он положил свои записи и продолжал уже не по бумажке.

— Товарищу Мундту сорок два года. Он — за-

меститель начальника министерства народной обороны. Не женат. Его неизменно считали прежде исключительно способным и неустанным защитником интересов партии, безжалостным к ее врагам.

Позвольте мне напомнить некоторые подробности его карьеры. Он был принят на службу в министерство в возрасте двадцати восьми лет и прошел обычный курс подготовки. По истечении испытательного срока выполнял особые задания в Скандинавских странах — в Норвегии, Швеции и Финляндии, где ему успешно удалось наладить разведывательную сеть, которая вела активную борьбу с фашистскими агентами во враждебном нам лагере. Он хорошо справлялся с порученным делом, и нет никаких оснований предполагать, что он не был в то время всего лишь усердным сотрудником своего ведомства. Но при этом, товарищи, отметим про себя эту его раннюю связь со Скандинавией. Сеть агентов, завербованных товарищем Мундтом после войны, много лет спустя послужила ему предлогом для частых посещений таких стран, как Норвегия и Финляндия, где служебная необходимость стала для него всего лишь прикрытием, чтобы тайно снимать в зарубежных банках многие тысячи долларов, по-

лученных в награду за предательство. И не будем заблуждаться: товарищ Мундт не по идейным соображениям перешел на сторону тех, кто сопротивляется неумолимому ходу исторического развития. В первую очередь трусость, слабость и жадность стали его мотивами, личное обогащение превратилось в цель. По иронии судьбы, именно тщательно продуманная система для удовлетворения своих алчных запросов выдала его и привела сейчас на скамью подсудимых этого трибунала.

Фидлер сделал паузу и оглядел зал, а его глаза вспыхнули неожиданной страстью. Лимас смотрел на него, не уставая поражаться.

— Пусть это станет уроком, — почти выкрикнул Фидлер, — для всех врагов нашего государства, которые в тайные ночные часы вынашивают планы своих гнусных преступлений.

Группа слушателей в дальней части зала отозвалась на это ожидаемым одобрительным гулом.

— Им не укрыться от бдительного ока народа, на чьей крови они хотели бы нажиться! — Казалось, Фидлер выступает перед многотысячным митингом, а не перед кучкой членов руководства страны и охранников, собравшихся в небольшой

комнате с покрытыми побелкой стенами.

В этот момент Лимас понял, что Фидлер стремится не оставить оппоненту ни шанса: его обращение к трибуналу, судьям и зрителям должно было звучать политически безупречно. Несомненно, Фидлер понимал все опасности, которые могли содержаться в ответной речи защиты, что неизбежно в таких случаях, и заранее прикрывал свою спину от коварного удара. Его риторические реплики будут занесены в протокол, и потребуется немалое мужество, чтобы бросить им вызов.

Теперь Фидлер открыл папку, лежавшую перед ним на столе.

— В конце 1956 года Мундт был направлен в Лондон в качестве сотрудника представительства сталелитейной промышленности ГДР. Его особым секретным заданием стало противодействие подрывной деятельности обосновавшихся там эмигрантских группировок. В процессе исполнения задания он не только подвергался немалой опасности — это следует признать, — но и добился немалых успехов.

Внимание Лимаса вновь привлекли три фигуры за центральным столом. По левую руку от президента трибунала сидел моложавый, чуть

смуглый мужчина. У него были вялые непослушные волосы и серое, с впалыми щеками лицо аскета. Его тонкие пальцы непрестанно и нервно перебирали углы стопки документов, лежавших перед ним. Лимасу показалось, что это сторонник Мундта, хотя ему было бы трудно объяснить, почему у него возникло такое впечатление. По другую сторону расположился мужчина постарше, уже лысеющий, с открытым и добродушным лицом. Лимасу оно показалось несколько глуповатым. Как ему сейчас представлялось, судьба Мундта будет решаться в первую очередь молодым человеком, собиравшимся высказаться в его пользу, и председательствующей, которая поддержит обвинение. Что же до второго мужчины, то, столкнувшись с расхождением во мнениях, он будет все же склонен встать на сторону президента.

Фидлер продолжал свою речь:

— Именно в конце той командировки в Лондон произошла вербовка. Как я только что упомянул, Мундт подвергался там значительной опасности. Выполняя свою миссию, он совершил противоправные действия, и британская тайная полиция выдала ордер на его арест. Мундт, не обладавший дипломатическим иммунитетом (как вы знаете,

Великобритания и прочие члены НАТО не признают суверенитета нашей страны), вынужден был скрываться. В портах установили наблюдение, его фотографии и словесные портреты были распространены по всем Британским островам. И тем не менее после двух дней, проведенных в укрытии, товарищ Мундт взял такси до лондонского аэропорта и вылетел в Берлин. «Блестяще!» — скажете вы и будете правы. В то время когда вся британская полиция разыскивала его, шоссе, железные дороги, морские пассажирские терминалы и аэропорты были надежно перекрыты, товарищ Мундт самолетом покидает Лондон. Воистину блестяще, ничего не скажешь! Или вам, вероятно, может показаться, товарищи, поскольку вы имеете теперь возможность взглянуть на все под иным углом зрения, что побег Мундта из Англии был несколько чересчур блистательной операцией, осуществленной с несколько странной легкостью, и что без попустительства со стороны британских властей такое было бы совершенно невозможно!

Снова среди зрителей пробежал легкий ропот, на этот раз прозвучавший более спонтанным.

— Правда же заключается вот в чем: Мундт был все-таки арестован британцами, и после

краткого допроса, имевшего важное значение, они предложили ему классическую альтернативу. Предпочтет ли он провести долгие годы в империалистической темнице, поставив крест на своей незаурядной карьере, или же сможет вопреки всем ожиданиям совершить исполненный драматизма прорыв на родину, где ему удастся в полной мере реализовать свой многообещающий потенциал? Разумеется, британцы поставили ему условие, что в обмен на свободу он начнет снабжать их информацией, за которую будет получать крупное денежное вознаграждение. Таким образом, применив простейшую тактику кнута и пряника, им удалось завербовать Мундта.

С той поры в интересах британцев было, чтобы восхождение Мундта по карьерной лестнице ускорилось. Мы не располагаем доказательствами, что успехи Мундта в ликвидации некоторых малозначимых западных шпионов в нашей стране были достигнуты благодаря содействию его новых империалистических хозяев, готовых пожертвовать некоторыми своими мелкими информаторами, которым всегда легко подыскать замену, чтобы содействовать росту престижа Мундта. Мы не можем доказать этого, но имеющиеся улики указывают, что такой вариант не

исключен и может быть принят как гипотеза.

Именно с 1960 года, когда товарищ Мундт был назначен главой департамента контрразведки Абтайлунга, мы стали получать обрывки информации из разных стран мира, указывавшие на то, что в наших рядах завелся высокопоставленный вражеский лазутчик. Вам известно, что Карл Римек оказался шпионом. После его ликвидации мы посчитали, что зло удалось полностью искоренить. Но слухи продолжали упорно циркулировать.

В конце 1960 года один из наших бывших сотрудников вышел на связь с английским гражданином в Ливане, известным своими тесными контактами с британской разведкой. Он предложил ему, как вскоре нами было установлено, полную информацию о двух отделах Абтайлунга, на которые он прежде работал. Но после передачи сведений об этом в Лондон предложение оказалось отвергнуто. Вывод напрашивался только один: британцы уже располагали теми сведениями, которые им были предложены, в полном объеме и сведениями, актуальными на тот момент.

Начиная с середины шестидесятых годов мы стали терять своих агентов за рубежом с устраша-

ющей регулярностью. Зачастую их разоблачали в течение всего нескольких недель после заброски в страну. Иногда враги пытались заставить наших бывших людей работать против нас, но крайне редко. Складывалось впечатление, что они не слишком нуждаются в подобных услугах.

А затем — в начале 1961 года, если память мне не изменяет, — нам удивительно повезло. В ходе операции, детали которой я не склонен здесь раскрывать, мы добыли описание всей информации об Абтайлунге, которой располагали британские спецслужбы. Она была полной, точной и на удивление свежей. Я, разумеется, сообщил об этом Мундту как своему начальнику. Он заявил мне, что не удивлен: им якобы как раз в то время проводились определенные мероприятия в данном направлении, и он попросил меня не вмешиваться, чтобы не помешать их осуществлению. И должен признаться, как раз в тот момент у меня впервые возникло подозрение, казавшееся чем-то из области фантастики, что Мундт мог сам стоять за передачей данных. На такую возможность у меня уже имелись и некоторые другие указания…

Едва ли мне стоит объяснять вам, что глава нашей контрразведки был бы всегда последним,

на кого могло пасть подозрение в шпионаже. Сама по себе такая мысль кажется настолько немыслимой, настолько неправдоподобной, что очень немногие допустили бы ее, не говоря уже о том, чтобы высказать вслух! И я сам должен принять на себя часть вины, потому что слишком долго и упрямо отказывал себе в праве сделать столь дерзкое умозаключение. Что было с моей стороны большой ошибкой.

Но, товарищи, однажды наступил момент, когда решающие доказательства попали к нам руки. Я предлагаю заслушать показания свидетеля сейчас. — Он повернулся и посмотрел в дальний угол зала. — Предоставим слово мистеру Лимасу. Проводите его сюда.

Охранники, сидевшие по обеим сторонам от него, поднялись, и Лимас прошел узким, шириной не более двух футов проходом, оставленным между скамьями по центру зала. Еще один страж показал, что он должен встать лицом к столу. Фидлер также продолжал оставаться на ногах, стоя в каких-нибудь шести футах от него. Но сначала к нему обратилась президент трибунала.

— Свидетель, назовите свое полное имя, — попросила она.

— Алек Лимас.

— Сколько вам лет?

— Пятьдесят.

— Вы женаты?

— Нет.

— Но были?

— На сегодняшний день я не женат.

— Кто вы по профессии?

— Помощник библиотекаря.

Фидлера ответ разозлил, и он резко вмешался:

— Однако ранее вы служили в британской разведке, не так ли?

— Да. До прошлого года.

— Трибунал ознакомился с протоколами ваших допросов, — продолжал Фидлер. — Но я бы хотел, чтобы вы еще раз напомнили его членам о разговоре, который состоялся у вас с Питером Гилламом приблизительно в мае прошлого года.

— Вы имеете в виду разговор о Мундте?

— Да.

— Я уже все подробно рассказывал. Эта беседа состоялась в Цирке — так мы называем нашу штаб-квартиру, расположенную на Кембридж-серкус в Лондоне. Я столкнулся с Питером в коридоре. Я знал, что он занимался делом Феннана, и спросил, что случилось с Джорджем Смайли. Потом разговор коснулся погибшего Дитера Фрея

и Мундта, который оказался замешан в деле. Питер сказал, что Мастон — наш номинальный руководитель в то время — не хотел бы, чтобы Мундта задержали.

— Как вы интерпретировали эту информацию? — спросил Фидлер.

— Я знал, что Мастон наделал много ошибок в деле Феннана и ему едва ли хотелось бы, чтобы какой-то компромат на него всплыл в том случае, если бы Мундт появился в Олд-Бейли[19].

— Если бы Мундт был схвачен, ему бы предъявили официальные обвинения? — вставила вопрос президент трибунала.

— В зависимости от того, кто бы его арестовал. Если бы он попал в руки полиции, о нем непременно доложили бы министерству внутренних дел. После чего уже ничто не помогло бы ему избежать обвинительного заключения.

— А если бы его первыми сумели поймать люди из вашей организации? — поинтересовался Фидлер.

— О, это совсем другой коленкор. Допускаю, что они сначала основательно допросили бы его, а потом попытались бы обменять на одного из

---

[19] Примечания: 19
Название здания центрального уголовного суда в Лондоне.

наших людей, попавших в вашу тюрьму, или же они выписали бы ему билет в один конец.

— Что это значит?

— Негласно избавились бы от него.

— То есть ликвидировали? — Вопросы теперь задавал Фидлер, а члены триумвирата прилежно записывали все в лежавших перед ними блокнотах.

— Мне точно неизвестно, как это делается. Я никогда ни в чем подобном участия не принимал.

— Но разве они не попытались бы завербовать его как своего агента?

— Могли попытаться, но у них ничего бы не вышло.

— Откуда такая уверенность?

— О, ради бога, я уже тысячу раз повторял одно и то же. Я же все-таки не какой-то тюлень из зоопарка. Четыре года под моим началом работала вся берлинская резидентура. И если бы Мундт стал одним из наших агентов, я бы об этом знал. Просто не мог не знать.

— Понятно.

Фидлера, казалось, удовлетворил такой ответ, потому скорее всего, что он едва ли многое прояснил членам трибунала. И он перенес акцент на операцию «Роллинг стоун». Заставил Лимаса

снова рассказать о мерах безопасности и сложных предосторожностях при передаче досье, о письмах в банки Копенгагена и Хельсинки и об ответе, который Лимас получил из одного из них. Потом, обращаясь к членам трибунала, Фидлер дополнил его рассказ своим комментарием:

— Ответа из Хельсинки мы не получили. Причины мне неизвестны. Но позвольте сделать для вас краткое резюме. Лимас разместил деньги на депозитарном счете в Копенгагене 15 июня. Среди предоставленных вам документов вы найдете фотокопию упомянутого письма из Королевского скандинавского банка на имя Роберта Ланга. Именно этой фамилией Лимас воспользовался, чтобы открыть счет в Копенгагене. Ознакомившись с письмом (оно помечено номером четырнадцать в полученных вами папках), вы узнаете, что вся сумма целиком — то есть десять тысяч долларов — была снята вторым держателем счета ровно через неделю. Не думаю, — сказал Фидлер, кивком указывая на неподвижную фигуру Мундта, сидевшего в первом ряду, — что обвиняемый будет отрицать свое посещение Копенгагена 21 июня под предлогом выполнения секретной миссии от имени Абтайлунга. — Он сделал паузу и продолжил: — Лимас

побывал в Хельсинки, чтобы разместить еще одну сумму, приблизительно 24 сентября. — Он посмотрел прямо на Мундта и заметно повысил голос. — А уже третьего октября товарищ Мундт нанес тайный визит в Финляндию и снова якобы в интересах Абтайлунга.

Наступила недолгая тишина. Фидлер медленно повернулся, вновь устремив взор на членов трибунала и обращаясь к ним. Тоном сдержанным, но одновременно чуть угрожающим он спросил:

— Быть может, кто-то считает, что улики всего лишь косвенные? Тогда позвольте вам напомнить о некоторых других обстоятельствах. — Он повернулся к Лимасу. — Свидетель, во время вашей работы в Берлине вы вступили в контакт с Карлом Римеком, бывшим секретарем президиума Социалистической единой партии Германии. Какой характер носили эти контакты?

— Он был моим осведомителем до тех пор, пока люди Мундта не застрелили его.

— Совершенно верно. Он был застрелен подчиненными Мундта. То есть стал одним из нескольких шпионов, которых товарищ Мундт поторопился ликвидировать, прежде чем их успели допросить. Но до того, как его убили люди Мундта, он являлся агентом британской

разведки?

Лимас кивнул.

— Не могли бы вы описать встречу Римека с человеком, которого вы называете Шефом?

— Да, Шеф специально прибыл в Берлин, чтобы увидеться с Карлом. Он был одним из наших наиболее продуктивных агентов по всему миру, и, думаю, поэтому Шеф пожелал познакомиться с ним лично.

— К этому можно добавить, — продолжил Фидлер, — что Римек также пользовался наибольшим доверием, верно?

— Да, конечно. В Лондоне обожали Карла: по их мнению, он просто не мог совершать ошибок. Когда прилетел Шеф, я сделал так, чтобы Карл приехал ко мне на квартиру, и мы втроем поужинали. Мне не понравилась идея приглашать Карла к себе в Западный Берлин, но Шефу я не мог отказать. Это трудно объяснить, но в Лондоне люди мыслят по-своему. Они там несколько оторваны от реальности. И меня крайне страшила перспектива, что они под любым предлогом захотят напрямую руководить работой Карла. Такая вероятность существовала.

— Итак, вы организовали встречу втроем, — вставил Фидлер. — Что произошло потом?

— Шеф заранее попросил дать ему возможность побыть четверть часа с Карлом наедине, и потому в разгар вечера я сделал вид, что у меня кончилось виски. Я вышел из квартиры и направился к де Йонгу. Там я пропустил с хозяином пару стаканчиков, одолжил бутылку и вернулся.

— Что вы застали по возвращении?

— Не понял вопроса.

— Шеф и Римек продолжали беседовать? И если да, то о чем?

— Когда я пришел, разговор между ними уже закончился.

— Спасибо. Теперь можете сесть.

Лимас вернулся на прежнее место у задней стены зала. Фидлер снова обратился к триумвирату и продолжил:

— Мне бы хотелось сейчас поговорить о шпионе Римеке, которого застрелили, — о Карле Римеке. Перед вами список всей информации, которую Римек передал в Берлине Алеку Лимасу. По крайней мере тех сведений, о которых Лимас помнит. Это потрясающая летопись предательства. Позвольте мне кратко суммировать нанесенный ущерб. Римек снабдил своих хозяев детальной схемой структуры подразделений Абтайлунга в целом и дал персональные характеристики его

сотрудникам. Он оказался способен, если верить Лимасу, передать подробности наших самых секретных совещаний. А как секретарь президиума, он имел возможность скопировать протоколы сугубо конфиденциальных заседаний.

Для него это не составляло труда, поскольку он сам готовил материалы к каждому такому заседанию. Но вот свободный доступ Римека к совершенно секретным делам Абтайлунга — это уже нечто совершенно иное. Кто в конце 1959 года способствовал избранию Римека членом Координационного комитета защиты населения — этого важнейшего органа президиума, который не только обсуждает, но и во многом направляет деятельность наших спецслужб? Кто настоял, чтобы Римек получил привилегированную возможность ознакомления с досье Абтайлунга? Кто на протяжении всей карьеры Римека начиная с 1959 года (а это, напомню, год возвращения Мундта из Англии) неизменно выдвигал его на самые высокие и ответственные партийные должности? И я назову вам этого человека, — громогласно объявил Фидлер. — Потому что это та же фигура, которая располагала уникальной возможностью прикрывать любую шпионскую деятельность Римека: Ганс-Дитер

Мундт. Давайте вспомним хотя бы, как именно Римек вышел на первый контакт с британской разведкой в Берлине — как он выследил во время пикника машину де Йонга и подбросил в нее микропленку. Вас не удивляет чрезвычайная осведомленность и дар предвидения Римека? Откуда он мог знать, где найти ту самую машину в определенный день недели? У самого Римека автомобиля не было, и он не смог бы проследить за де Йонгом от его дома в Западном Берлине. Для него существовал единственный способ получить такую информацию — от наших собственных агентов службы безопасности, которые, как и положено, фиксировали перемещения машины де Йонга, стоило ей только пересечь границу восточного сектора. Эти данные передавались Мундту, а тот делился ими с Римеком. Вот в чем заключено важнейшее подтверждение состава преступления в деле Мундта. Как я только что продемонстрировал вам, Римек являлся его креатурой, играл роль связного между Мундтом и его империалистическими хозяевами!

Фидлер сделал очередную паузу, а потом уже совершенно спокойно добавил:

— Мундт — Римек — Лимас. Такова была цепочка передачи секретной информации, и, как это

принято в разведывательных службах всего мира, считаясь одной из профессиональных аксиом при построении подобных цепочек, не каждое ее звено обязательно знает о существовании другого. Чем дальше они друг от друга, тем лучше. Вот почему Лимас совершенно обоснованно твердит, что и не подозревал об измене родине Мундта. Это только подтверждает, насколько надежную и безопасную систему использовало его лондонское руководство.

Вам известно также, что масштабная операция под кодовым названием «Роллинг стоун» была осуществлена в обстановке максимальной секретности. Тот же Лимас имел лишь смутное представление о работе небольшой группы под руководством Питера Гиллама, считая, подобно всем остальным, что она занимается столь незначительной задачей, как анализ информации об экономическом положении нашей страны. А потом он с удивлением обнаружил, что группа Гиллама в полном составе включена в список допуска к досье по операции «Роллинг стоун». Остается только напомнить, что это тот самый Питер Гиллам, который в числе нескольких офицеров британских спецслужб занимался расследованием деятельности Мундта в период его

пребывания в Англии.

Моложавый мужчина за столом приподнял карандаш, привлек к себе внимание и, посмотрев на Фидлера широко открытыми, но жесткими и холодными глазами, спросил:

— Тогда почему же Мундт приказал ликвидировать Римека, если тот был его сообщником?

— У него не оставалось выбора. Римек попал под подозрение. Его выдала слишком болтливая и хвастливая любовница. И тогда Мундт распорядился, чтобы в Римека стреляли без предупреждения, сам подсказал Римеку маршрут побега, и опасность собственного разоблачения была устранена. Чуть позже Мундт убил и женщину тоже.

Интересно было бы рассмотреть методы работы Мундта, на чем я и хочу сосредоточить теперь ваше внимание. После его возвращения в Германию британская разведка заняла выжидательную позицию. Мундту еще только предстояло продемонстрировать им готовность к сотрудничеству, а потому они снабдили его инструкциями и стали ждать, готовые сразу платить ему в надежде на благоприятный исход. В то время Мундт еще не относился к числу руководящих сотрудников нашего ведомства — как не был и высокопостав-

ленным партийным функционером, — но ему на глаза попадалось достаточно многое, и всю эту информацию он начал отправлять в Лондон. На том этапе связь с английскими хозяевами он вынужден был поддерживать, разумеется, самостоятельно. Мы можем предполагать, что регулярные встречи с ним устраивались в Западном Берлине, а каждая его краткая поездка за рубеж, в Скандинавию и другие страны, также использовалась для контактов и допросов. Поначалу англичане не могли не относиться к нему с настороженностью, тщательно сверяя поставляемые им данные с тем, что им уже было известно, и не исключая возможности двойной игры с его стороны. Но постепенно они поняли, что наткнулись на золотую жилу. Мундт и в своем предательстве проявлял ту же энергию, ту же систематизированную эффективность, которые отличали его во всем. На первых порах — это только мое предположение, товарищи, но оно основано на долголетнем опыте работы и показаниях Лимаса, — так вот, в первые несколько месяцев они все же не решались создавать сеть агентуры, которая включала бы Мундта. Его держали в роли волка-одиночки, обслуживая его, оплачивая и руководя им в обход своей берлин-

ской группы. В Лондоне под началом Гиллама (потому что именно он сыграл решающую роль в вербовке Мундта) они создали небольшой, тщательно засекреченный отдел, подлинные задачи которого не были известны никому даже в самом Цирке, за исключением ограниченного круга избранных. Деньги Мундту переводились с помощью особой системы, получившей кодовое название «Роллинг стоун», и, несомненно, они долгое время тщательно хранили в тайне личность своего нового источника бесценной информации. Все это, как видите, вполне соответствует неоднократным заявлением Лимаса о том, что он ничего не знал о работе Мундта на Лондон, хотя в то время он не только оплачивал его услуги, но уже задолго до этого передавал в Лондон полученные через Римека разведывательные данные, добытые на самом деле Мундтом.

В конце 1959 года Мундт проинформировал своих английских хозяев, что нашел в составе президиума человека, который сможет стать посредником между ними и Мундтом. Этим человеком был Карл Римек.

Каким образом Мундт сумел вовлечь в свою игру Римека? Как набрался смелости, чтобы проверить готовность Римека к сотрудничеству? Вы

должны помнить, насколько исключительное положение занимал Мундт: у него был доступ к секретным делам, он мог прослушивать телефонные переговоры, вскрывать чужую почту, организовывать слежку. Он имел право вызвать на допрос любого и располагал самыми интимными подробностями личной жизни людей. А самое главное, он мог уничтожить на корню любые подозрения в отношении себя, направив против народа то самое оружие, — голос Фидлера задрожал от гнева и возмущения, — которое ему вручили для защиты народных интересов. — Фидлер без видимых усилий вернулся к своему сугубо деловому тону и продолжил: — Теперь вам должно быть ясно, как поступили в Лондоне. Все еще сохраняя Мундта в глубокой тайне, они согласились на вербовку Римека и, таким образом, установили для Мундта канал косвенной связи со своей берлинской резидентурой. Вот в чем состояла особая важность контактов Римека с де Йонгом и Лимасом. Именно с этих позиций вы должны воспринимать показания Лимаса и оценивать всю глубину предательства, совершенного Мундтом.

Фидлер повернулся и, глядя Мундту прямо в глаза, грозно выкрикнул:

— Вот он, перед вами! Человек, которого можно назвать подрывным элементом и террористом! Тот, кто продал интересы своего народа! Я почти закончил. Хочу добавить к сказанному только одно. Мундт заслужил репутацию надежного и проницательного защитника граждан нашей страны и, прикрываясь ею, сумел заставить навечно замолчать тех, кто мог разоблачить его двойную жизнь. Он убивал от имени народа, чтобы скрыть свой переход на сторону фашистов, замести следы измены и способствовать собственному продвижению по карьерной лестнице в нашем ведомстве. Невозможно себе представить преступление более ужасающее. Вот почему, сделав сначала все возможное, чтобы оградить Карла Римека от подозрений, которые постепенно сгущались, он затем был вынужден отдать приказ расстрелять Римека без суда и следствия. Вот почему он организовал убийство его возлюбленной. А потому, когда вы будете докладывать о своих выводах президиуму, не забывайте ни на секунду о том, какие зверские по своей сути преступления совершил этот человек. И тогда все поймут — для Ганса-Дитера Мундта даже смертный приговор станет актом милосердия.

21
Свидетель

Президент повернулась к маленькому мужчине в черном костюме, сидевшему прямо напротив Фидлера.

— Товарищ Карден, вы будете выступать в защиту товарища Мундта. Не хотели бы вы допросить свидетеля Лимаса?

— Да, да, я непременно это сделаю буквально через несколько минут, — ответил тот, не без труда поднимаясь на ноги и поправляя за ушами дужки очков в золоченой оправе. Он выглядел человеком добродушным, даже несколько простоватым. Волосы его были совсем седыми.

— Основа позиции товарища Мундта заключается в том, — начал он мягким, не лишенным приятных модуляций голосом, — что, во-первых, Лимас *лжет*, а во-вторых, что товарищ Фидлер либо по злому умыслу, либо по недомыслию и неосторожности позволил вовлечь себя в заговор, призванный нарушить нормальную деятельность Абтайлунга и, таким образом, дискредитировать органы безопасности нашего

социалистического государства. Мы не оспариваем того факта, что Карл Римек был британским шпионом, — на это указывают многочисленные улики. Но мы категорически отрицаем, что Мундт состоял в его сообщниках и получал деньги за предательство дела партии. Мы заявляем, что нет ни малейших объективных доказательств этого, а товарищ Фидлер отравлен жаждой власти, которая лишила его способности мыслить рационально. Мы утверждаем, что с того дня, когда Лимас вернулся из Берлина в Лондон, он намеренно стал играть роль, симулируя быстрый распад своей личности. Его пьянство, денежные долги, нападение на торговца на глазах у публики и постоянные антиамериканские выпады — все это было направлено на то, чтобы привлечь к себе внимание Абтайлунга. Мы полагаем, что британская разведка целенаправленно опутала товарища Мундта клубком всевозможных косвенных улик: размещение денежных средств в иностранных банках, снятие которых со счетов совпадало с датами визитов Мундта в ту или иную страну, сведения, полученные из якобы случайного разговора с Питером Гилламом, тайная встреча шефа британских спецслужб с Римеком, в ходе которой обсуждались вопросы, оставши-

еся тайной для Лимаса, — все это выстроилось в цепочку иллюзорных доказательств. А товарищ Фидлер, на чьи тщеславные амбиции сделали точную ставку в Лондоне, воспринял их всерьез, став участником чудовищного плана компрометации — или, если называть вещи своими именами, убийства, потому что товарищу Мундту грозит смертная казнь, — одного из самых бдительных защитников нашей республики.

Скажите, разве подобный дерзкий план не вписывается в долгую историю подрывной деятельности, саботажа и похищения людей британскими империалистами? Их подвигло на его осуществление еще и отчаяние, ведь с построением оборонительной стены проникновение западных шпионов на нашу территорию было взято почти под полный контроль. И мы чуть не стали жертвой заговора: в лучшем случае товарищ Фидлер повинен в очень серьезной ошибке, а в худшем — он сознательно вступил в союз с агентами империализма, чтобы подорвать устои безопасности государства рабочих и пролить невинную кровь.

Мы тоже располагаем свидетелем, — обратился он к членам трибунала. — Да, у нас есть свидетель. Потому что разве можно себе предста-

вить, чтобы столь умный человек, как товарищ Мундт, даже не подозревал о коварном заговоре Фидлера? Неужели вы могли бы в это поверить? Уже несколько месяцев, как ему известно о тех бредовых замыслах, которые вынашивало больное воображение Фидлера. Ведь товарищ Мундт лично дал согласие на первоначальный контакт с Лимасом в Лондоне: можно ли поверить, что он пошел бы на столь откровенный риск, если бы сам был в чем-то замешан?

И когда в президиум поступили копии первых протоколов допросов Лимаса в Гааге, неужели кто-то посчитал, что товарищ Мундт оставит их без внимания и не изучит? Затем, когда Лимаса уже доставили в нашу страну и Фидлер лично занялся его допросами, а отчеты от него перестали поступать вообще, неужели же товарищ Мундт легкомысленно списал это на забывчивость Фидлера, не догадываясь о его реальных намерениях и ничего не предприняв, чтобы быть в курсе происходившего? Когда были получены первые рапорты Петерса из Гааги, Мундту достаточно было всего лишь взглянуть на даты посещений Лимасом Копенгагена и Хельсинки, чтобы понять: он имеет дело с расставленной на него ловушкой. Лимас подослан с исключи-

тельной целью дискредитировать его — Мундта. Даты действительно совпадали по времени с поездками в Данию и Финляндию самого Мундта. Именно поэтому они и были выбраны в Лондоне. Подобным же образом Мундту стали известны и «некоторые другие указания», о которых здесь упомянул Фидлер, — прошу вас запомнить это. Мундт ведь тоже вел неустанный поиск вражеского агента в рядах Абтайлунга…

Со времени прибытия Лимаса на территорию демократической Германии Мундт имел возможность с большим интересом следить, как Лимас подпитывает подозрения Фидлера — где намеками, где смутными показаниями, — никогда не играя в открытую, как вы понимаете, никогда не перегибая палку, но делая свое черное дело с удивительным мастерством и утонченностью. А почва к тому времени была уже основательно подготовлена другими… Как, например, история о том человеке в Ливане, чудесным образом появившемся, чтобы дать в руки Фидлера еще одно подтверждение существования в недрах Абтайлунга высокопоставленного шпиона…

Все было выполнено на высочайшем уровне. Этот план мог — и все еще способен — обратить тяжелое поражение, которое британцы потерпе-

ли с потерей Карла Римека, в их потрясающую победу.

Однако пока британская разведка при содействии Фидлера строила козни с целью его устранения, товарищ Мундт принял свои меры предосторожности.

Мундт распорядился, чтобы в Лондоне провели тщательное расследование. Он в мельчайших подробностях изучил двойную жизнь, которую Лимас вел в Бэйсуотере. Ему нужно было найти, быть может, крайне незначительную, чисто человеческую ошибку в схеме, разработанной с почти сверхчеловеческой точностью. Где-то, рассуждал он, Лимас мог чуть сбиться на своем долгом пути к одичанию и оставить след, который позволил бы усомниться в реальности его бедности, пьянства, саморазрушения и, что очень важно, полнейшего одиночества. Ему необходим был компаньон, вероятно любовница, потому что невозможно справиться с неодолимым стремлением к теплу другого человека, желанием излить душу, положив голову на чью-то грудь. И знаете, товарищ Мундт оказался абсолютно прав. Лимас — этот искушенный разведчик, опытнейший манипулятор людьми, совершил столь элементарную ошибку, проявил настолько

свойственную простому человеку слабость… — Он улыбнулся. — Вы скоро услышите показания свидетеля, но не сейчас. Свидетеля доставили сюда по просьбе товарища Мундта. И это оказалось наилучшей мерой предосторожности с его стороны. Чуть позже свидетель будет вам представлен. — На его лице появилось почти игривое выражение, словно он хотел заранее подготовить публику к занятному зрелищу. — А пока, с вашего разрешения, я хотел бы задать несколько вопросов нашему почти невольному на первый взгляд свидетелю обвинения. Мистеру Алеку Лимасу.

— Скажите, — начал он, — вас можно назвать обеспеченным человеком?

— Не порите чепухи, — зло отозвался Лимас. — Вам прекрасно известно, почему я пошел на контакт с вашими людьми.

— В самом деле, — закатил глаза Карден, — все было разыграно мастерски. Значит, насколько я понимаю, денег у вас нет вообще.

— Понимайте, как хотите. Можно сказать и так.

— У вас есть друзья, которые могли бы ссудить вас деньгами или, возможно, подарить некоторую сумму? Расплатиться с вашими долгами?

— Если бы были, я бы не сидел сейчас здесь.

— То есть нет никого? Значит, вы не можете себе представить некоего доброго самаритянина, кого-то, о чьем существовании вы, возможно, забыли, который озаботился бы тем, чтобы поставить вас на ноги? Разобрался бы с вашими кредиторами и прочими проблемами?

— Нет.

— Спасибо. Следующий вопрос. Вы знакомы с Джорджем Смайли?

— Конечно. Он работал в Цирке.

— Но ведь он уже покинул ряды британских разведчиков?

— Да, он принял решение уйти после дела Феннана.

— Ага! Как раз после того дела, участие в котором принимал Мундт. Вы встречались со Смайли после этого дела?

— Один или два раза.

— Вы виделись с ним после того, как он покинул Цирк?

Лимас некоторое время колебался с ответом.

— Нет, — сказал он наконец.

— Он не навещал вас в тюрьме?

— Нет. Меня никто не навещал.

— А до того как вы угодили за решетку?

— Нет.

— После того как вас выпустили из тюрьмы, а если точнее, в тот самый день, когда вы вышли на свободу, с вами вступил в контакт человек по фамилии Эйш, не так ли?

— Да.

— Вы с ним пообедали в Сохо. Куда вы отправились после того, как расстались с ним?

— Не помню. Вероятно, в какой-нибудь паб. Сейчас уже затрудняюсь точно сказать.

— Позвольте мне освежить вашу память. Вы пешком дошли до Флит-стрит и там сели в автобус. Оттуда странными зигзагами, пользуясь автобусом, подземкой и частным автомобилем, вы, проявив невероятный для человека с вашим опытом дилетантизм, добрались до Челси. Теперь вспоминаете? Я могу показать вам детальный рапорт, если желаете. Он у меня при себе.

— Быть может, вы правы. И что с того?

— Джордж Смайли живет на Байуотер-стрит рядом с Кингз-роуд, вот к чему я клоню. Ваша машина свернула как раз на Байуотер-стрит, и, как доложил наш агент, вас высадили у дома номер девять. Именно по этому адресу проживает Джордж Смайли.

— Полная ерунда, — заявил Лимас. — Я мог поехать только в «Восемь колоколов» — мой

любимый паб.

— На частной машине?

— Это тоже какая-то путаница. Я, должно быть, взял такси. Когда у меня заводятся деньги, я их быстро спускаю.

— Но к чему была вся беготня, которая предшествовала этому?

— Скорее всего ваши люди просто напортачили. Сели на хвост не тому человеку. Типичная ошибка.

— Возвращаясь к моему более раннему вопросу. Вы можете представить, чтобы Смайли проявил интерес к вашей судьбе после того, как вы сами покинули Цирк?

— Нет. С какой стати?

— Чтобы он позаботился о вашем благополучии, пока вы сидели в тюрьме, помог деньгами кому-то из близких вам людей, пожелал встретиться с вами после контакта с Эйшем?

— Нет. Я понятия не имею, чем вы забили себе голову, Карден, но ответом на все ваши вопросы будет «нет». Если бы вы хоть раз встретились со Смайли, то не стали бы даже спрашивать. Более разных людей, чем мы с ним, и вообразить невозможно.

Кардену, казалось, все это доставляло искрен-

нее удовольствие. Он улыбался, кивал как бы самому себе, поправляя на носу очки и внимательно сверяясь со своими бумагами.

— Ах да, вот еще что, — добавил он, словно спохватившись. — Когда вы попросили у того бакалейщика кредит, сколько денег у вас было?

— Ни черта у меня не было, — небрежно ответил Лимас. — Я сидел без гроша уже неделю. Или даже дольше.

— Как же вы жили?

— Перебивался с хлеба на воду. К тому же я заболел. Подхватил простуду с высокой температурой. Я, собственно, неделю вообще есть не мог. Вероятно, из-за этого у меня и случился нервный срыв. Капля переполнила чашу.

— Но вам задолжали зарплату в библиотеке, верно?

— Откуда вы знаете? — резко вскинулся Лимас. — Вы побывали и в…

— Почему же вы не забрали свои деньги? Тогда бы вам не пришлось просить ни о каком кредите, ведь так, Лимас?

Он пожал плечами.

— Я как-то совершенно забыл об этом. Или потому, что утром по субботам библиотека не работает.

— Понимаю. Вы уверены, что в ту субботу она была закрыта?

— Не уверен, но мне так казалось.

— Ясно. Хорошо. Спасибо, это все, о чем я хотел вас спросить.

Лимас садился на место, когда дверь открылась и вошла женщина. Она была высокой и очень некрасивой в сером мундире с какими-то нашивками на рукаве. Позади нее стояла Лиз.

22
Президент

Лиз вошла в зал суда медленно, озираясь по сторонам, с широко открытыми глазами, похожая на только что проснувшегося ребенка, который сразу попал в ярко освещенную комнату. Заметив его, сидящего между двух стражников, остановилась.

— Алек…

Ближайший к ней охранник взял ее под руку и повел вперед к той точке в комнате, где только что стоял Лимас. В помещении воцарилась необычайная тишина.

— Как вас зовут, дитя мое? — неожиданно спросила президент трибунала. Длинные руки Лиз с выпрямленными пальцами бессильно свисали по сторонам ее тела.

— Как вас зовут? — повторила она вопрос уже намного громче.

— Элизабет Голд.

— Вы — член коммунистической партии Великобритании?

— Да.

— И вы находились по приглашению в Лейпциге?

— Да.

— Когда вы вступили в партию?

— В тысяча девятьсот пятьдесят пятом году. Нет, в пятьдесят четвертом, по-моему…

Она замолчала, услышав позади какую-то возню и скрежет отодвигаемой мебели. А потом голос Лимаса — хриплый, визгливый, жалкий — наполнил комнату.

— Вы, сволочи! Оставьте ее в покое!

Лиз в ужасе повернулась и увидела его стоящим на ногах с окровавленным лицом и в растрепанной одежде. На ее глазах охранник еще раз ударил его кулаком в лицо, отчего он чуть не упал, потом на него навалились уже двое, вывернув руки высоко за спину. Его голова упала на грудь, затем от боли он дернул ею в сторону.

— Если он еще раз посмеет пошевелиться, выведите его из зала, — распорядилась президент, потом посмотрела на Лимаса строгим предупреждающим взглядом и добавила: — Если вы захотите высказаться, вам позже дадут слово еще раз. А пока молчите.

Повернувшись к Лиз, она сказала довольно резко:

— Вы не можете не помнить, когда именно вступили в партию.

Лиз промолчала, и, выждав какое-то время, президент лишь передернула плечами. Затем, подавшись вперед и пристально вглядываясь в лицо Лиз, спросила:

— Элизабет, в вашей партии вас когда-нибудь предупреждали о необходимости конспирации?

Лиз кивнула.

— И вам объяснили, что нельзя задавать лишних вопросов о других товарищах, как и о структуре партии в целом?

Лиз снова кивнула.

— Да, конечно, — сказала она.

— Сегодня ваша готовность придерживаться этих правил будет проверена. Для вас самой будет лучше, чтобы вы знали как можно меньше. Не знали вообще ничего о сути происходящего, — добавила она с нажимом. — Скажу вам только, что мы трое, сидящие за этим столом, занимаем в нашей партии высокие посты. Мы действуем с согласия президиума и в интересах партийной безопасности. Мы должны задать вам несколько вопросов, и ваши ответы крайне важны для нас. Отвечая правдиво и смело, вы поможете делу социализма.

— Да, но кого… — прошептала она. — Кого здесь судят? Что такого сделал Алек?

Президент посмотрела мимо нее на Мундта и ответила:

— Вероятно, не судят никого. В том-то и дело. И вопрос теперь стоит о тех, кто выдвинул обвинения. Для вас не должно иметь значения, кого и в чем обвиняют, — добавила она. — Это послужит гарантией вашей объективности и беспристрастности.

Тишина вновь воцарилась в относительно небольшом зале, а потом голосом таким слабым, что президент инстинктивно повернулась, чтобы расслышать, Лиз спросила:

— Но ведь это Алек? Это Алек Лимас?

— Говорю же вам, — настойчиво повторила президент, — что в ваших же интересах ничего не знать. Так будет лучше для вас. Намного лучше. Вы должны сказать правду и уехать. Это самое разумное, что вы можете сделать.

Лиз, должно быть, подала какой-то знак или пробормотала нечто, оставшееся неразборчивым, потому что президент склонилась ближе и произнесла еще жестче:

— Послушайте, девочка, вы хотите вернуться домой? Делайте то, о чем я вас прошу, и верне-

тесь. Но если вы… — Она осеклась, указала рукой на Кардена и добавила: — Этот товарищ хочет задать вам несколько вопросов. Немного. Отвечайте правдиво. И потом можете уезжать.

Карден снова поднялся со стула и улыбнулся своей доброй улыбкой церковного старосты.

— Элизабет, — начал он допрос, — Алек Лимас был вашим любовником, верно?

Она кивнула.

— Вы познакомились в библиотеке в Бэйсуотере, где вы работаете?

— Да.

— А прежде вы с ним никогда не встречались?

Она помотала головой.

— Нет, мы впервые увиделись с ним в библиотеке.

— У вас было много любовников, Элизабет?

Ее ответ утонул в крике, которого снова не смог сдержать Лимас:

— Вы свинья, Карден!

Но теперь Лиз сама повернулась к нему и сказала, чтобы все слышали:

— Не надо, Алек. Иначе они уведут тебя отсюда.

— Да, — сухо подтвердила президент, — так мы и поступим.

— Скажите мне, — вкрадчиво продолжил Карден, — Алек был коммунистом?

— Нет.

— Он знал, что вы коммунистка?

— Да. Я сказала ему об этом.

— И как он отреагировал на ваше признание, Элизабет?

Она не знала, солгать ли ей. Она ненавидела ложь. Но вопрос был задан так неожиданно, что у нее не оставалось возможности обдумать его. Все это время они слушали, наблюдали, ждали от нее слова или жеста, который, вероятно, мог нанести Алеку непоправимый вред. Но она не в состоянии была заставить себя солгать, не зная, во имя чего это делает. Если же она начнет уклоняться от ответов, Алек может погибнуть — а в том, что ему грозит опасность, она уже не сомневалась.

— Так как же он отреагировал? Что он вам сказал? — повторил вопрос Карден.

— Просто рассмеялся. Он был выше всего этого.

— И вы поверили, что он действительно выше этого?

— Конечно.

Молодой человек, сидевший за столом, во второй раз счел нужным вмешаться в разговор. Глаза его оставались полузакрытыми.

— Неужели вы считаете это нормальной жизненной позицией для мыслящего человеческого существа? Заявление, что человек выше закономерностей исторического развития и законов диалектики?

— Не знаю. Я ему поверила, вот и все.

— Не будем углубляться в теорию, — сказал Карден. — Скажите лучше, он был тогда счастливым человеком, который постоянно смеялся и радовался жизни?

— Нет. Смеялся он редко.

— Однако его развеселило известие, что вы — член партии. Вы догадались почему?

— Мне кажется, он презирал компартию.

— А вы не подумали, что он мог ее даже ненавидеть? — спросил Карден как бы вскользь.

— Я не знаю, — ответила Лиз совсем уж жалким тоном.

— Вы считали его человеком, способным на сильные чувства, будь то любовь или ненависть?

— Нет… Нет. Он таким не был.

— Но он напал на торговца. Почему он так поступил?

Внезапно Лиз осознала, что Карден больше не вызывает у нее доверия. Ей перестали нравиться

его мягкий голос и добродушное лицо.

— Я не знаю.

— Но вы же размышляли об этом?

— Да.

— И к какому выводу пришли?

— Ни к какому, — ответила Лиз простодушно.

Карден бросил на нее задумчивый взгляд, в котором читалось что-то вроде разочарования, словно она была актрисой, забывшей текст роли.

— Вы знали заранее, что Лимас изобьет лавочника? — Это был вопрос, который напрашивался сам собой.

— Нет, — ответила Лиз, быть может, излишне поспешно, и в последовавшей затем паузе улыбка на лице Кардена сменилась выражением острого любопытства.

— До этого часа, до сегодняшнего дня, — спросил он потом, — когда вы в последний раз виделись с Лимасом?

— Я не встречалась с ним после того, как он угодил в тюрьму, — ответила Лиз.

— И все-таки, когда состоялась ваша последняя встреча? — голос Кардена оставался добрым, но в интонации прибавилось настойчивости.

Лиз не нравилось стоять спиной к аудитории, ей бы хотелось иметь возможность повернуться

и видеть Лимаса. Пусть только его лицо — в нем она прочитала бы подсказку, какой-то знак, который бы помог ей отвечать. Ей стало страшно за себя: все эти вопросы проистекали из обвинений и подозрений, о которых она ничего не знала. Они знали, что она хотела помочь Алеку, видели, как ей страшно, но ей никто не спешил помочь. Почему никто не желал помогать ей?

— Элизабет, так когда же вы в последний раз виделись с Лимасом до сегодняшнего дня? — О, этот голос! Она уже научилась ненавидеть его, этот шелковистый баритон.

— Вечером накануне происшествия, — ответила она, — накануне того дня, когда он подрался с мистером Фордом.

— Подрался? Но никакой драки не было, Элизабет. Бакалейщик ни разу не нанес ответного удара. Ему не представилось ни малейшей возможности сопротивляться. Это выглядело очень неспортивно! — Карден засмеялся, и это прозвучало тем более зловеще, что больше не рассмеялся никто.

— Скажите, где вы встречались с Лимасом в тот последний вечер?

— У него на квартире. Он болел и не мог работать. Почти все время лежал в постели, а я

приходила и готовила для него еду.

— И покупали продукты? Ходили за него по магазинам?

— Да.

— Вы были очень добры. И вам это стоило немалых денег, — заметил Карден с симпатией. — Вы могли себе позволить содержать его?

— Я вовсе не содержала его. Я брала деньги у Алека. Он…

— Вот как? — встрепенулся Карден. — Стало быть, у него все-таки водились деньги?

«О боже, — подумала Лиз, — о милостивый боже, зачем я это сказала?»

— Немного, — быстро добавила она, — совсем немного, я знаю. Фунт или два — не больше. Других денег у него не было. Он даже не мог оплачивать свои счета. За электричество и аренду помещения — за все это заплатили потом, понимаете, когда он уже уехал. Один из его друзей. Пришлось расплачиваться другу, а не самому Алеку.

— Ну, разумеется, — тихо сказал Карден, — за все заплатил друг. Специально приехал и расплатился по счетам. Какой-то старинный приятель Алека, тот, кого он, вероятно, знал задолго до того, как оказался в Бэйсуотере. Вы знакомы с этим

другом, Элизабет?

Она покачала головой.

— Ясно. По каким еще счетам заплатил друг, вы, случайно, не знаете?

— Нет… Нет, не знаю.

— Чем вызван столь нерешительный ответ?

— Я лишь сказала, что не знаю, — теперь уже уверенно возразила Лиз.

— Но вы замялись, — настаивал Карден. — Мне показалось, что вы не сразу нашлись, что ответить.

— Ничего подобного.

— Лимас рассказывал что-нибудь об этом друге? Человеке со средствами, который знал, где жил Лимас?

— Он никогда не упоминал о нем вообще. Я считала, что друзей у него нет.

— Ах, вот как!

В зале повисла устрашающая тишина, тем более пугающая для Лиз, что, подобно слепому ребенку среди зрячих, она была отрезана от мира вокруг нее. Эти люди могли давать оценку ее ответам, исходя из каких-то своих непонятных стандартов, и по этой их молчаливой реакции невозможно было понять, что они думали.

— Сколько вы зарабатываете, Элизабет?

— Шесть фунтов в неделю.

— У вас есть какие-то сбережения?

— Небольшие. Несколько фунтов.

— Во что обходится наемное жилье?

— В пятьдесят шиллингов в неделю.

— Это немалая сумма, согласны, Элизабет? Вы платили за квартиру в последнее время?

Она беспомощно покачала головой.

— Почему же? — продолжал спрашивать Карден. — Вам не хватало средств?

Она ответила почти шепотом:

— Я теперь владею ею. Кто-то выкупил права на нее и прислал мне документы.

— Кто?

— Я не знаю, — слезы побежали по ее лицу. — Я не знаю… Пожалуйста, не надо больше вопросов. Я понятия не имею, кто это сделал… Но только шесть недель назад через какой-то банк в Сити… Одна благотворительная организация перевела… Тысячу фунтов. Клянусь, что понятия не имею… Дар от благотворительной организации, так мне объяснили. Вы же сами все знаете. Так скажите мне, кто…

Спрятав лицо в ладони, Лиз заплакала навзрыд. Она стояла спиной к аудитории, и ее плечи вместе со всем телом сотрясались при каждом новом

приступе рыданий. Никто не пошевелился, и через какое-то время она убрала руки от лица, но взгляда не поднимала.

— Почему же вы не навели справки? — спросил Карден. — Или для вас обычное дело получать тысячефунтовые анонимные подарки?

Лиз промолчала, и Карден продолжил:

— Вы не наводили справок, потому что обо всем догадались. Так?

Вновь приложив ладонь к лицу, она кивнула.

— Вы поняли, что деньги прислал Лимас или друг Лимаса, верно?

— Да, — с трудом выдавила она из себя. — А на нашей улице прошел слух, что и лавочник получил деньги после суда. Много денег. Об этом только и было разговоров, и я догадалась, что здесь не обошлось без друга Алека…

— Как все-таки странно, — произнес Карден, обращаясь словно к самому себе. — Как необычно. Скажите мне, Элизабет, вас кто-нибудь навещал после того, как Лимас сел в тюрьму?

— Нет, — солгала она. Теперь она знала, была совершенно уверена, что им требовались какие-то доказательства против Алека, что-то, связанное с деньгами или с его друзьями, быть может, с тем бакалейщиком.

— Вы уверены? — спросил Карден, причем его брови взлетели поверх золотистых дужек очков.

— Да.

— А вот ваш сосед, Элизабет, — терпеливо продолжал Карден, — утверждает, что видел у вас мужчин — двоих мужчин — вскоре после того, как Лимасу вынесли приговор. Или это были просто ваши любовники, Элизабет? Такие же случайные любовники, как Лимас, которые платили вам?

— Алек не был моим случайным любовником! — воскликнула она. — Как вы смеете…

— Но он давал вам деньги. Те мужчины тоже привезли вам денег?

— О господи! — всхлипнула она. — Не спрашивайте…

— Кто они были?

Она промолчала, и вдруг Карден заорал, впервые повысив на нее голос:

— Кто они были?

— Я не знаю. Они приехали на машине. Друзья Алека.

— Как, еще друзья? И чего же они хотели?

— Я не знаю. Они лишь спрашивали, о чем он мне рассказывал… Просили связаться с ними, если…

— Как? Как связаться?

Лиз ответила не сразу:

— Один из них жил в Челси… Его фамилия Смайли… Джордж Смайли… Я должна была позвонить ему.

— И вы звонили?

— Нет!

Карден положил свою папку на стол. Мертвая тишина воцарилась в помещении суда. Указав на Лимаса, Карден заговорил, и голос его звучал еще более внушительно, потому что оставался совершенно спокойным:

— Смайли хотел убедиться, не разболтал ли ей Лимас слишком много. Лимас сделал то, чего британская разведка никак не могла ожидать от него: нашел себе девушку, чтобы было кому поплакаться в жилетку. — Карден тихо рассмеялся, словно все это представлялось ему забавной шуткой: — Он поступил в точности как Карл Римек. Совершил такую же ошибку. Лимас когда-нибудь рассказывал о себе? — продолжил Карден.

— Нет.

— Вам ничего не известно о его прошлом?

— Нет. Знаю только, что он работал в Берлине. На какую-то правительственную организацию.

— Значит, он все-таки кое-что говорил о своем

прошлом, верно? А он информировал вас, что уже был женат?

Наступило продолжительное молчание. Лиз кивнула.

— Почему вы не виделись с ним, когда он попал в тюрьму? Вам ничего не стоило посетить его там.

— Мне казалось, что он не хочет этого.

— Понятно. Вы писали ему?

— Нет… Впрочем, да, писала однажды… Объясняла, что готова ждать. Но кажется, ему было все равно.

— То есть ему и писем от вас получать не хотелось?

— Видимо, так.

— А когда он отбыл свой тюремный срок, вы не пробовали найти его?

— Нет.

— Ему было куда пойти, его ждала работа, друзья, готовые приютить у себя?

— Я не знаю… Не знаю.

— На самом деле к тому времени между вами все было кончено, не так ли? — спросил Карден с ухмылкой. — У вас уже появился новый возлюбленный?

— Нет! Я ждала только его… И всегда буду

ждать. — Она взяла себя в руки. — Я очень хотела, чтобы он вернулся.

— Тогда почему же вы не писали ему? Почему даже не постарались найти его позже?

— Как вы не поймете, он сам этого не хотел! Он взял с меня слово… Что я не буду разыскивать и преследовать его… Никогда…

— Могу я в таком случае сделать вывод, что он заранее знал о тюрьме? — спросил Карден тоном триумфатора.

— Нет… Я не знаю. Как я могу говорить о том, чего не знаю?

— Но в тот вечер, — настаивал Карден тоном уже гораздо более жестким и агрессивным, — в тот вечер накануне нападения на торговца он заставил вас снова повторить обещание?… Ну же! Заставил или нет?

Совершенно измученная, она кивнула, и это выглядело, как покорное признание своей капитуляции.

— Да.

— И вы попрощались?

— Мы попрощались.

— После ужина, как я догадываюсь. Было достаточно поздно. Или вы провели с ним ночь?

— После ужина. Потом я пошла домой… То есть

не сразу… Сначала я прогулялась, сама уже не помню где. Просто ходила по городу.

— Он объяснил вам, почему хочет разорвать с вами отношения?

— Он их вовсе не разрывал, — ответила она. — Никогда. Он только сказал, что у него есть работа, которую надо выполнить, с кем-то свести счеты любой ценой, а потом, вероятно, однажды, когда все закончится… Он хотел… Он обещал вернуться, если я все еще буду…

— И вы, несомненно, заверили, что готовы ждать вечно? — иронично бросил Карден. — Что будете любить его всю жизнь?

— Да, — коротко ответила Лиз.

— Он обещал присылать вам деньги?

— Нет, но он сказал… Сказал, что все не так плохо, как может показаться… Что все… Все еще наладится.

— И именно по этой причине вас не удивило потом, когда какая-то богадельня из Сити подарила вам тысячу фунтов?

— Да! Да, это так. Теперь вы все знаете — вы и так уже все знали… Зачем я вам понадобилась, если вам все было известно?

Карден невозмутимо ждал, пока прекратится новый приступ ее рыданий.

— Итак, — объявил он затем сидевшему перед ним трибуналу, — вам были представлены доводы защиты. Мне, право, остается только сожалеть, что подобную девушку, чей разум замутнен эмоциями, а чувство бдительности так легко притупить с помощью денег, наши британские товарищи сочли достойной занимать выборную должность в своей партии. — Посмотрев сначала на Лимаса, а потом на Фидлера, он добавил, перейдя уже на откровенную грубость: — Она — круглая дура. Но благодаря счастливому для нас стечению обстоятельств Лимас сошелся с ней. Это далеко не первый случай, когда реваншистский заговор удается разоблачить благодаря личным порокам его архитекторов. — После этого, коротко, но вежливо кивнув каждому из триумвирата судей, Карден сел.

В тот же момент на ноги вскочил Лимас, и на этот раз охранники не стали вмешиваться.

Видимо, сидя в Лондоне, они окончательно рехнулись. Он же объяснил им, что это не серьезно, просил оставить ее в покое. А теперь стало ясно: с того самого момента, как он покинул Англию — и даже раньше, пока он еще отбывал срок в тюрьме, — какой-то идиот принялся подчищать за ним, оплачивая счета, улаживая проблемы с

домовладельцем и избитым торгашом; а главное — занявшись Лиз. Это было безумие, в которое невозможно поверить. Чего они добивались? Гибели Фидлера, гибели собственного агента? Срыва своей же операции? Или за всем этим стоял один лишь Смайли? Неужели его извращенная совестливость толкнула его на все? А Лимасу оставалось теперь только одно — выгородить Лиз и Фидлера, приняв весь удар на себя. Вероятно, его и так уже списали со счетов. Если ему удастся спасти шкуру Фидлера — если только еще остался хоть какой-то шанс, — то появится надежда вернуть Лиз домой.

Но каким, черт возьми, образом им стало так много известно? Он был уверен, на все сто процентов уверен, что в тот день его не могли отследить до дома Смайли. И деньги… Откуда им известно об обвинении в краже денег из казны Цирка? Эта сплетня предназначалась исключительно для внутреннего распространения… Так откуда же? Откуда, дьявол их раздери?!

Растерянный, злой, стыдящийся себя самого, он медленно прошел через центр зала, пошатываясь, как осужденный, всходящий на эшафот.

23
Признание

— Хорошо, Карден, ваша взяла. — Лицо Лимаса было бледным и застывшим, словно каменным. Голову он откинул чуть назад и вбок, напоминая человека, который вслушивается в какой-то отдаленный звук. Он был пугающе неподвижным и спокойным, и это было спокойствие, продиктованное не чувством обреченности, а полнейшим самоконтролем, и потому казалось, что воля у него железная. — Отпустите ее, Карден.

Лиз уставилась на него глазами, полными слез, ее лицо сморщилось и подурнело.

— Нет, Алек… Нет, — сказала она неожиданно громко. — Как бы то ни было, не признавайся ни в чем ради меня… Мне все равно, как они поступят со мной, Алек. Это правда, мне все равно.

— Помолчи, Лиз, — смущенно отозвался Лимас. — Теперь уже слишком поздно. — Он перевел взгляд на президента трибунала. — Она ничего не знает. Вообще ничего. Выведите ее отсюда, отправьте домой, и я сам расскажу вам все.

Президент по очереди обменялась взглядами

с мужчинами, сидевшими по обе стороны от нее, некоторое время размышляла и, наконец, сказала:

— Она может покинуть зал, но не отправится домой, пока слушания не завершены. Потом будет видно.

— Говорю же вам, ей ничего не известно, — почти выкрикнул Лимас. — Карден прав, разве вы еще не поняли? Это была операция, спланированная операция. Откуда ей было об этом знать? Она лишь потерянная маленькая девочка из заштатной библиотеки. Вам она ни к чему!

— Она все еще свидетель, — жестко возразила ему президент. — Возможно, Фидлер захочет ее допросить.

«Товарищем Фидлером» она его больше не называла.

При упоминании своей фамилии Фидлер, казалось, вышел из забытья, в которое погрузился, а Лиз впервые смогла по-настоящему разглядеть его. Карие глаза Фидлера на несколько секунд тоже задержались на ней, и он чуть заметно улыбнулся, словно только что понял, к какой расовой группе она принадлежит. Он выглядел маленьким и жалким, но до странности умиротворенным, подумалось ей.

— Она ничего не знает, — сказал Фидлер. — Лимас совершенно прав. Отпустите ее. — Голос его звучал предельно устало.

— Вы понимаете смысл сказанного вами? — спросила президент. — Осознаете, что это значит? У вас есть к ней какие-либо вопросы?

— Она уже сказала все, что могла. — Руки Фидлера были сложены на коленях, и он изучал их так внимательно, словно они интересовали его значительно больше, чем происходившее вокруг. — С нею сработали чрезвычайно ловко. — Он кивнул. — Позвольте ей уйти. Она не может рассказать то, чего не знает. — А потом тоном почти издевательски формальным добавил: — Вопросов к свидетелю не имею.

Охранник отпер дверь и что-то выкрикнул в сторону коридора. В полной тишине, снова наступившей в зале, донеслись ответ женщины и ее приближавшиеся гулкие шаги. Фидлер резко поднялся и, взяв Лиз за руку, повел ее к двери. У самого порога она обернулась и посмотрела на Лимаса, но он отвел взгляд с выражением человека, который не выносит вида крови.

— Возвращайтесь в Англию, — напутствовал ее Фидлер. — Вам следует отправиться обратно в Англию.

Лиз внезапно разразилась неудержимыми рыданиями. Тюремщица обняла ее за плечи, но не чтобы утешить, а лишь не дать упасть, и вывела из зала. Охранник закрыл дверь. Постепенно всхлипы затихли, и их не стало слышно совсем.

— Мне остается добавить лишь немногое, — начал Лимас. — Карден совершенно прав. Это была попытка свести счеты. С гибелью Карла Римека мы потеряли своего единственного действительно важного агента в восточной зоне. С другими расправились еще раньше. Для нас это было непостижимо. Мундт успевал раскрыть их, казалось, еще до того, как мы их вербовали. Я вернулся в Лондон и встретился с Шефом. Присутствовали также Питер Гиллам и Джордж Смайли. Джордж к тому моменту уже официально ушел в отставку, занимаясь чем-то крайне интеллектуальным. Кажется, в области филологии.

Как бы то ни было, им пришла в голову эта идея. Превратить нашего человека в живую ловушку, как выразился Шеф. Проделать необходимые действия и посмотреть, клюнет ли на них противник. Затем мы продумали план, причем в обратном порядке, если вам понятно, что я имею в виду. «Методом индукции», по определению Смайли. Если бы Мундт в самом деле был нашим агентом,

как бы мы ему платили, как бы выглядело досье по делу и так далее. Питер вспомнил, что пару лет назад какой-то араб пытался продать нам схему организации работы Абтайлунга, но мы послали его куда подальше. Уже потом выяснилось, что сделали мы это совершенно напрасно. И Питер решил, что подобный эпизод вполне можно использовать, — мы сделаем вид, что отвергли информацию, потому что все уже и так знали. Это был умный ход.

Остальное вам нетрудно будет представить. Я изобразил полный распад личности: выпивка, проблемы с деньгами, слухи о том, что Лимас ограбил казну своего отдела. Все сплеталось в отличный клубок. Чтобы сплетни расходились быстрее, мы привлекли Элси из бухгалтерии и еще пару сотрудниц. Они справились с этим блестяще. — В его голосе даже послышалась нотка гордости. — А потом я выбрал подходящее утро — в субботу, чтобы народу кругом собралось побольше, — и окончательно слетел с катушек. Моя история попала в прессу. По-моему, даже «Уоркер» писала об этом, но к тому времени ваши люди уже взяли меня на мушку. И с тех самых пор, — добавил он, — вы сами начали рыть для себя могилу.

— Не для себя, а для вас, — негромко заметил на это Мундт. Он задумчиво смотрел на Лимаса своими до белесости бесцветными глазами. — И вероятно, для товарища Фидлера.

— Вам не в чем особенно винить Фидлера, — равнодушно произнес Лимас, — он просто оказался нужным для нас человеком. Но он ведь далеко не единственный в Абтайлунге, кто с большим удовольствием повесил бы вас, Мундт.

— А повесим-то мы все-таки вас, — заявил Мундт с уверенностью в голосе. — Вы убили охранника. И пытались убить меня.

Лимас лишь сухо улыбнулся.

— Ночью все кошки серы, Мундт… Смайли с самого начала предупреждал, что план может пойти под откос. Мы запускаем реакцию, говорил он, которую уже не сможем остановить. У него нервишки шалят, как вы наверняка знаете. После дела Феннана он сильно изменился. Точнее, после тех дел, которые натворил в Лондоне некто Мундт. Говорят, с ним что-то тогда случилось, и потому он покинул Цирк. Но я многого не могу понять. Зачем они расплатились по моим счетам, для чего помогли девушке и прочее. Должно быть, Смайли умышленно решил провалить операцию, другого объяснения у меня нет. Вероятно, у него

случился очередной конфликт с собственной совестью, и он решил, что убивать кого бы то ни было недопустимо. Что-то в этом духе. Ведь было чистым безумием после стольких приготовлений, огромного объема предварительной работы так грубо вмешаться в ход операции.

Но Смайли ненавидел вас, Мундт. Думаю, мы все вас ненавидели, хотя не высказывались об этом вслух. Мы все спланировали так, словно это было чем-то вроде игры… Сейчас даже трудно объяснить толком. Но мы знали, что нас прижали к стене. Мундт нанес нам поражение, и теперь нам оставалось только попытаться уничтожить Мундта. Но все равно это была игра. — Обращаясь к трибуналу, он продолжил: — Вот почему вы ошибаетесь относительно Фидлера. Он вовсе не наш человек. Лондон никогда бы не пошел на риск вербовки столь высокопоставленного офицера, как Фидлер. Но они рассчитывали на него, не могу не признать. Они знали, что он тоже ненавидит Мундта, и у него были на то особые причины. Назвать их вам? Дело в том, что Фидлер — еврей. А вы, вы все до единого в этом зале осведомлены о репутации Мундта и его мнении о евреях.

Но я расскажу вам то, чего вы не узнаете ни

от кого другого, так что послушайте: Мундт собственноручно избивал Фидлера и все время, пока продолжалось избиение, высмеивал его и издевался над его еврейским происхождением. Вы все знаете, что за человек Мундт, но терпите его, потому что он хорошо делает свою работу. Но… — на секунду он сбился с мысли, но почти тут же продолжил: — Но, ради всего святого, в этом деле замешано слишком большое количество людей, чтобы еще и голова Фидлера полетела в корзину. Фидлер — ваш верный слуга, хотите верьте, хотите нет. Идеологически выдержанный. Я правильно употребил фразу из вашего лексикона?

Он снова всмотрелся в лица членов трибунала. Они смотрели на него бесстрастно. Быть может, с легким оттенком любопытства, но глаза их оставались безжизненными и холодными. Только Фидлер, вернувшийся на свой стул и слушавший Лимаса с несколько напускной отстраненностью, вдруг бросил на него взгляд, в котором промелькнуло доброжелательство:

— А вы все испортили, Лимас, не так ли? — спросил он. — Старый охотничий пес Лимас, ввязавшийся в операцию, которая бы достойно увенчала его славную карьеру, запал на… Как вы ее назвали? На потерянную девочку из за-

штатной библиотеки? В Лондоне наверняка все знали. Смайли не пошел бы на такое один. — Фидлер повернулся к Мундту: — Вот ведь в чем странность, Мундт: они не могли не понимать, что вы подвергнете проверке каждую деталь его «легенды». Вот почему Лимасу пришлось буквально вжиться в новый образ. И тем не менее они торопятся выплатить компенсацию лавочнику, оплачивают долги по квартире, выкупают жилье для девушки. Люди с огромным опытом… И вдруг вытворяют такое чудачество… Платят тысячу фунтов за его девушку — за члена коммунистической партии, — которая должна была до последнего считать, что у Лимаса нет за душой ни гроша! И не надо мне сказок о совестливости Смайли. Это сделали с ведома Цирка. Пойти на такой риск!

Лимас лишь пожал плечами.

— Смайли оказался прав. Мы не смогли остановить реакцию. Мы не ожидали, что вы привезете меня сюда. В Голландию — может быть, но не сюда. — Он на секунду замолчал, а потом продолжил: — И уж конечно, я и представить себе не мог, что вам удастся заманить к себе девушку. Здесь я свалял большого дурака.

— Зато Мундт оказался хитрее, — подхватил

его слова Фидлер. — Мундт точно знал, что ему следует искать, — понимал, что девушка предоставит нужные доказательства. Очень умно с его стороны, должен признать. Я бы даже сказал, чересчур умно. Ему было известно о выкупе квартиры — вот что поразительно. Хотел бы я знать, как он это выяснил, — она ведь никому ни о чем не рассказывала. Я понял характер этой девушки — она бы никогда и никому не проговорилась. — Он посмотрел на Мундта. — Не хотите ли сами просветить нас на этот счет?

Мундт колебался на секунду дольше, чем мог себе позволить, отметил Лимас.

— Партийные взносы, — ответил он наконец. — Месяц назад она стала платить на десять шиллингов в месяц больше. Мне доложили об этом. И нам удалось установить, почему она смогла себе это позволить.

— Блестящая импровизация, — холодно отметил Фидлер.

Снова воцарилась тишина.

— Я считаю, — сказала президент, поглядывая на двух своих коллег, — что теперь трибунал располагает возможностью написать свое заключение для президиума. Если только, — добавила она, обратив свои маленькие жесткие глазки на

Фидлера, — вам нечего больше нам сообщить.

Фидлер помотал головой. Казалось, его все еще занимает какая-то необычная мысль.

— В таком случае, — начала подводить итог президент, — мы с коллегами сошлись во мнении, что товарища Фидлера следует отстранить от должностных обязанностей, пока дисциплинарный комитет президиума не примет решения относительно его будущего. Лимас уже находится под арестом. Но моя обязанность напомнить вам, что трибунал не обладает правами исполнительного органа. Народная прокуратура совместно с товарищем Мундтом, несомненно, рассмотрят, какое наказание должен понести британский шпион, провокатор и убийца.

Она быстро взглянула на Лимаса, а потом на Мундта, который, в свою очередь, изучал Фидлера с тем чисто деловым выражением, с каким палач на глазок определяет, какой длины ему понадобится веревка.

И неожиданно, с ужасающей ясностью для человека, которого слишком долго водили за нос, Лимас понял всю суть этого отвратительного фарса.

24
Комиссар

Лиз стояла у окна спиной к своей сопровождающей, устремив невидящий взгляд в небольшой внутренний двор внизу, по которому прогуливалась небольшая группа людей. Она находилась в чьем-то рабочем кабинете, на столе рядом с телефоном стоял поднос с едой, но она не могла заставить себя притронуться к ней. Она чувствовала себя больной и усталой — физически усталой. У нее болели ноги, лицо горело, кожу на нем стянуло от высохших слез. Она казалась себе грязной и мечтала принять ванну.

— Почему вы не едите? — не в первый раз спросила женщина. — Уже все закончилось. — Она говорила это не с симпатией, а словно дивясь глупости странной девчонки, которая отказывалась есть, хотя ей дали столько пищи.

— Я не голодна.

Стражница пожала плечами.

— Вам, возможно, предстоит длительный переезд, — добавила она, — а дадут ли поесть там, у вас, еще неизвестно.

— Что вы имеете в виду?

— Все знают, что простые люди в Англии голодают, — уверенно заявила женщина. — Капиталисты держат рабочих впроголодь.

Лиз хотела возразить, но поняла, что ее доводы все равно не подействуют. Кроме того, ей многое хотелось узнать; она должна была все узнать, а женщина в форме как раз способна ответить на многие вопросы.

— Что это за место?

— А вы еще не поняли? — рассмеялась женщина. — Тогда спросите их. — Она кивнула в сторону окна. — Они уж точно знают, где находятся.

— Кто они?

— Заключенные.

— За что их посадили?

— Это враги народа, — резко ответила женщина. — Шпионы, агитаторы.

— Откуда вы знаете, что они шпионы?

— Партия все знает. Партия знает о людях больше, чем они сами о себе. Разве вам не объясняли этого? — Тюремщица посмотрела на нее, покачала головой и продолжила: — Эти англичане! Богачи прожрали ваше будущее, а вы, бедняки, только и делали, что кормили их. Вот что произошло с вашей прекрасной Англией.

— Кто вам такое сказал?

Женщина улыбнулась, но промолчала. Она казалась довольной собой.

— И это специальная тюрьма для шпионов? — продолжала задавать вопросы Лиз.

— Здесь тюрьма для тех, кто отказывается принимать реальности социализма, для тех, кто считает, что имеет право совершать ошибки. Для тех, кто тормозит наш марш вперед. Для предателей, — закончила она кратко.

— Да, но в чем их конкретные преступления?

— Мы не сможем построить коммунизм, не избавившись от всех проявлений индивидуализма. У вас не получится возвести величественное здание, если на вашей стройплощадке грязные свиньи будут одновременно строить для себя свинарник.

Лиз смотрела на нее с изумлением.

— Кто внушил вам такие мысли?

— Я комиссар, — гордо ответила она. — Я работаю в этой тюрьме.

— Вы очень умны, — сказала Лиз, желая найти к ней подход.

— Я — простая труженица, — желчно ответила женщина. — С концепцией, что умственный труд есть его высшая форма, пора навсегда покончить.

Нет никаких категорий. Есть только те, кто трудится. Нельзя противопоставлять физический и умственный труд. Разве вы не читали Ленина?

— Стало быть, люди, сидящие в этой тюрьме, — интеллектуалы?

Женщина снова улыбнулась.

— Да, — сказала она, — это реакционеры, называвшие себя сторонниками прогресса. Они защищали свободу личности от государства. Вы слышали, как Хрущев отозвался о контрреволюции в Венгрии?

Лиз покачала головой. Надо делать вид, что ей интересно. Она должна заставить женщину говорить.

— Он сказал, что там ничего бы не произошло, если бы вовремя расстреляли парочку писателей.

— А кого расстреляют сейчас? — поспешно спросила Лиз. — После этого суда?

— Лимаса, — ответила женщина равнодушно, — и этого жида Фидлера.

На мгновение Лиз показалось, что она падает, но потом ее рука нащупала спинку стула, и ей удалось сесть.

— За что Лимаса? — прошептала она.

Женщина посмотрела на нее своими малень-

кими хитрыми глазками. Она была огромного роста, а сильно поредевшие волосы стягивала в пучок на широком затылке. Кожа на ее грубом лице была дряблой и какой-то водянистой.

— Он убил охранника, — ответила она.

— Как?

Та только пожала плечами.

— А что до еврея, — продолжила женщина, — то он оболгал нашего верного товарища.

— Они расстреляют Фидлера только за это? — спросила Лиз, ошеломленная.

— Все евреи — одного поля ягоды, — отозвалась тюремщица. — Товарищ Мундт знает, как найти на них управу. Нам они здесь ни к чему. Если они вступают в партию, то начинают думать, что теперь она им принадлежит. Если остаются в стороне, то считают, что партия строит козни против них. Было же сказано, что Лимас и Фидлер организовали заговор против Мундта. Так вы не будете есть? — Она указала на поднос, по-прежнему стоявший на столе.

Лиз покачала головой.

— Тогда я все съем сама. Не пропадать же добру, — сделала тюремщица жалкую попытку объяснить свою жадность. — Я смотрю, вам даже картошку дали. Должно быть, у вас завелся воз-

дыхатель на кухне.

И она, потешаясь над собственной шуткой, стала быстро расправляться с едой.

Лиз вернулась к окну.

* * *

Среди хаоса мыслей, смешавшихся в голове Лиз, в клубке стыда, горя и ужаса ясно выделялось только горькое воспоминание о Лимасе, каким она видела его в последний раз в зале суда, когда он отвел взгляд в сторону. Она подвела его, и он не осмеливался посмотреть на нее перед смертью — не хотел, чтобы она прочла презрение и, вероятно, страх, написанные в тот момент на его лице.

Но разве она могла что-то изменить? Если бы Лимас объяснил, что ей делать — пусть смысл не был бы ей до конца ясен, — она бы лгала и изворачивалась изо всех сил, пошла бы на все, если бы он только предупредил ее! Он же понимал это, конечно, понимал. Он знал ее достаточно хорошо, чтобы осознавать — она сделает так, как он скажет. Она примет одинаковую с ним форму существования, его воля станет ее волей, его жизнь — ее жизнью. Она разделила бы с ним его судьбу, его боль, если бы только могла, она ни о чем дру-

гом не просила — лишь дать ей шанс сделать это. Но откуда было ей знать без его предупреждения, как отвечать на все эти непонятные, коварные вопросы? И теперь она причинила ему поистине беспредельный вред. В лихорадочном возбуждении памяти вдруг всплыло воспоминание о невероятном испуге, который она испытала в детстве, когда узнала, что каждым шагом ноги стопой убивает тысячи микроскопических живых организмов. Теперь же, лгала бы она или говорила правду, или даже отмалчивалась, она невольно принуждена была уничтожать жизнь человека или даже двоих людей, потому что был еще этот еврей, Фидлер, который проявил к ней доброту, брал ее за руку и говорил, что она должна вернуться в Англию. Они расстреляют Фидлера, сказала тюремщица. Но почему Фидлера? Почему не того старика, который задавал вопросы, или не того светловолосого мужчину, который сидел между солдатами в первом ряду и все время улыбался. Когда бы она ни поворачивалась в сторону зала, она видела голову этого блондина с гладким жестоким лицом, все время улыбавшегося, словно все происходившее казалось ему одной бесконечной комедией. Ее немного успокаивала мысль, что Лимас и Фидлер были союзниками.

Она снова посмотрела на стражницу и спросила:

— Чего мы ждем?

Та отодвинула от себя пустую тарелку и встала из-за стола.

— Дальнейших указаний, — ответила она. — Там решают, должны ли вы остаться.

— Остаться? — повторила Лиз непонимающе.

— Это вопрос свидетельских показаний. Фидлера, возможно, будут судить. Как я вам уже сказала, Лимас и Фидлер подозреваются в преступном сговоре.

— Но в сговоре против кого? Как Лимас мог участвовать в заговоре, находясь в Англии? Как он вообще оказался здесь? Он даже не член партии.

Женщина помотала головой.

— Это секретная информация, — сказала она. — Такие вопросы касаются только президиума. Вероятно, еврей вовлек его в сговор.

— Но ведь вам-то наверняка все известно, — упорствовала Лиз, подпуская в голос льстивые нотки. — Вы же комиссар целой тюрьмы. Вы точно все знаете.

— Может быть, — ответила женщина небрежно. — Но только это все равно секретные сведения.

Зазвонил телефон. Женщина сняла трубку и стала слушать. Потом бросила быстрый взгляд на Лиз.

— Да, товарищ. Будет немедленно сделано, — сказала она и отсоединилась.

— Вы остаетесь, — коротко сообщила она Лиз. — Президиум будет рассматривать дело Фидлера. А вам придется на это время задержаться у нас. Таково распоряжение товарища Мундта.

— Кто такой Мундт?

Женщина хитро ушла от ответа.

— Это распоряжение президиума, — повторила она.

— Но я не хочу здесь оставаться! — воскликнула Лиз. — Я хочу…

— Партия знает о нас больше, чем мы сами, — перебила ее женщина. — Вы обязаны остаться. Таков приказ партии.

— Кто такой Мундт? — снова спросила Лиз, но опять не получила ответа.

Затем она медленно последовала за тюремщицей по бесконечным коридорам, перегороженным решетками, возле которых дежурили охранники, мимо металлических дверей, откуда не доносилось ни звука, а потом вниз по столь же бесконечным лестницам, через мрачные залы,

находившиеся глубоко под землей, пока, как ей показалось, они не очутились у самых врат преисподней, где ей никто уже не скажет, умер Лимас или еще жив.

Она понятия не имела о времени, когда в коридоре рядом с ее камерой послышались чьи-то шаги. Могло быть пять часов вечера, или уже наступила полночь. Лиз не спала, а лишь всматривалась в окружавшую ее непроницаемую тьму, отчаянно желая услышать хоть какой-то звук. Она и представить себе прежде не могла, что тишина может быть такой ужасающей. Однажды она закричала, но в ответ не донеслось даже эха. Ничего. Только беглое воспоминание о собственном голосе. Ей представилось, как звук натыкается на плотную темноту, как кулак на каменную стену. Она ощупала себя руками, сидя на койке, и ей показалось, что от окружающей ее черноты руки ее отяжелели, словно им проходилось преодолевать сопротивление воды. Она знала, что камера очень маленькая, что в ней только койка, на которой она сейчас сидит, раковина для мытья рук, но без крана, и грубо сколоченный стол — все это она успела заметить, когда вошла. Затем внезапно погас свет, и Лиз поспешно рванулась в сторону кровати, ударив-

шись об ее край, и потом все время лежала на ней, дрожа от страха. Вдруг послышались шаги, и дверь камеры резко распахнулась.

Она узнала его сразу, хотя могла различить лишь силуэт в скудном голубоватом свете, проникавшем из коридора. Атлетическая фигура, голова с очень короткой стрижкой, светлые волосы, четкий абрис подбородка, лишь чуть подсвеченный сзади.

— Я — Мундт, — сказал он. — Идите со мной, немедленно.

Его голос звучал высокомерно, но одновременно и приглушенно, словно он не хотел быть никем больше услышанным.

Лиз почувствовала, как ее охватил еще более сильный страх. Она вспомнила слова тюремщицы: «Товарищ Мундт знает, как найти на евреев управу». Встав рядом с койкой, она смотрела на него, не зная, что делать.

— Быстрее же, дурочка! — Мундт шагнул к ней и ухватил за запястье. — Поторопись.

Она позволила буквально вытащить себя в коридор. В полнейшем недоумении наблюдала она за тем, как Мундт снова запирает дверь ее камеры. Грубо взяв Лиз за руку, он быстро увлек ее за собой вдоль первого коридора, перейдя по-

чти на бег. До нее донеслось отдаленное урчание кондиционеров воздуха; по временам слышались шаги в других коридорах, ответвлявшихся от главного. Она заметила, как Мундт замедлял движение или даже останавливался, когда они подходили к углу следующего прохода, первым выглядывал, убеждался, что там никого нет, а потом делал ей знак следовать за собой. Казалось, он был уверен, что она непременно подчинится, словно ей уже понятен смысл происходящего. К ней он относился почти как к своей сообщнице.

Потом он внезапно остановился и вставил ключ в скважину замка грязной стальной двери. Ей оставалось только ждать, с трудом подавляя волну паники. Мощным толчком он открыл дверь наружу, и сладковатый холодный воздух зимнего вечера хлестнул ее по лицу. Он опять сделал ей знак, все так же требовавший быстро следовать за ним, и она, преодолев две ступени, спустилась на посыпанную гравием дорожку, которая вела через нечто, напоминавшее огород.

Дорожка привела их к красивым старинным готическим воротам, за которыми протянулось шоссе. Рядом с воротами была припаркована машина. Около машины стоял Алек Лимас.

— Оставайся на месте, — осадил ее Мундт, когда

она рванулась вперед. — Жди здесь.

Затем он вышел за ворота, и она, казалось, целую вечность наблюдала, как двое мужчин, встав друг против друга, о чем-то тихо переговаривались. Сердце у Лиз бешено колотилось, все тело содрогалось от холода и страха. Наконец Мундт вернулся.

— Иди со мной, — произнес он бесстрастно и повел ее туда, где ждал Лимас. Двое мужчин еще раз посмотрели в глаза друг другу.

— Прощайте, — сказал Мундт по-прежнему без всякого выражения. — Вы совершаете большую глупость, Лимас, — добавил он. — Она такой же мусор, как и Фидлер. — Не сказав больше ни слова, он повернулся и широкими шагами пошел прочь, пока не скрылся в темноте.

Лиз протянула руку и прикоснулась к Лимасу, но он, не глядя на нее, убрал ее руку, открыл дверь машины и кивком показал, что она должна сесть. Но Лиз решилась не сразу.

— Алек, — прошептала она. — Что ты сделал, Алек? Почему он отпустил тебя?

— Замолчи! — прошипел Лимас. — Не смей даже задумываться об этом, слышишь? Садись в машину.

— Что он имел в виду, когда говорил о Фидлере?

Почему он разрешил нам уехать, Алек?

— Он разрешил нам уехать, потому что мы закончили свою работу. Полезай в машину, живо!

Подчиняясь давлению его необычайной силы воли, она села в автомобиль и захлопнула дверь. Лимас занял место рядом с ней.

— На какую сделку с ним пришлось тебе пойти? — упорствовала она, и в ее тоне слышались одновременно страх и подозрительность. — Они же говорили, что ты устроил заговор против него вместе с Фидлером. Так почему же он отпустил тебя?

Лимас запустил двигатель и быстро повел машину по узкой дороге. По обе стороны тянулись голые поля, в отдалении сквозь сгустившийся сумрак проглядывала монотонная череда похожих друг на друга холмов. Лимас посмотрел на часы.

— До Берлина пять часов пути, — сказал он. — Нам надо попасть в Кепеник[20] без четверти час. Должны успеть без проблем.

Какое-то время Лиз молчала, она смотрела на пустынную дорогу сквозь лобовое стекло, запутавшись в лабиринте своих полуоформившихся мыслей. Взошла полная луна, и стал виден мо-

---

[20] Примечания: 20
Район Берлина.

розный туман, сплошным саваном покрывший поля. Они выехали на автобан.

— Все потому, что тебя мучила совесть из-за меня, так, Алек? — спросила она наконец. — Поэтому ты договорился с Мундтом, чтобы меня отпустили?

Лимас ничего не ответил.

— Вы же с Мундтом враги, верно?

Он снова промолчал. Теперь машина шла на очень высокой скорости — стрелка спидометра перевалила за отметку ста двадцати километров в час, хотя покрытие автобана было неровным и попадались рытвины. Она заметила, что он включил дальний свет и не давал себе труда переключаться на ближний, когда по встречной полосе им попадался другой автомобиль. Машину он вел предельно внимательно, нагнувшись вперед так, что локти почти легли на рулевое колесо.

— Что будет с Фидлером? — неожиданно спросила Лиз, и на этот раз Лимас ответил:

— Его расстреляют.

— Тогда почему они не расстреляли тебя? — продолжала расспросы Лиз, стараясь больше не делать пауз. — Ты вместе с Фидлером вступил в сговор против Мундта, так было заявлено. Ты

убил охранника. Почему же Мундт позволил тебе бежать?

— Хорошо! — внезапно почти выкрикнул Лимас. — Я тебе скажу. Я скажу тебе то, чего ты никогда и ни за что не должна была узнать. О чем тебе надо сразу забыть. Как и мне самому. Слушай! Мундт — человек Лондона. Их агент. Его завербовали, когда он работал в Англии. И мы с тобой становимся очевидцами финала самой постыдной, самой грязной операции, призванной спасти шкуру Мундта. Уберечь его от умного маленького еврея, который работал вместе с ним и начал подозревать правду. Они заставили нас послать его на верную смерть, понимаешь. Они почти принудили нас убить этого еврея собственными руками. Вот. Теперь ты все знаешь. Полегчало? Да поможет Бог нам обоим!

25
Стена

— Если это так, Алек, — спросила она после очень долгого молчания, — то какая роль была отведена мне? — Она говорила до странности спокойно, почти равнодушно.

— Я могу только строить предположения, Лиз, исходя из того, что известно мне самому, и из сказанного Мундтом на прощание. Фидлер начал подозревать Мундта, подозревал с самого его возвращения из Англии. Он считал, что Мундт ведет двойную игру. Фидлер, разумеется, питал к нему личную неприязнь — у него были для этого все основания, — но это не значит, что он был не прав. Мундт стал агентом Лондона. Причем Фидлер обладал слишком большим влиянием, чтобы Мундт мог устранить его сам, и тогда в Лондоне решили сделать это за него. Я так и вижу их за планированием этой операции — они дьявольски академичны в своих подходах. Представляю, как они сидели вокруг камина в одном из этих своих мерзких закрытых клубов. Они знали, что просто убить Фидлера мало — он мог поделиться

своими соображениями с друзьями, оставить письменные показания. Поэтому уничтожить следовало в корне все основания для подозрений. Публичную реабилитацию — вот что они организовали для Мундта.

Он резко свернул в левый ряд, чтобы обогнать грузовик с прицепом. Но в тот же самый момент водитель грузовика совершил такой же маневр, и Лимасу пришлось резко затормозить на ухабистом шоссе, чтобы его машину не размазало о разделительный барьер.

— Они сказали мне, что их цель — подставить под удар Мундта, — продолжал он как ни в чем ни бывало, — что они хотят уничтожить его, и я согласился участвовать. Это должно было стать для меня самым последним важным заданием. Выполняя его, я опустился на дно, избил торговца… Но ты все это знаешь.

— И только поэтому занимался со мной любовью? — спросила она чуть слышно.

Лимас яростно помотал головой.

— В том-то и дело, что нет. В этом вся суть, пойми, — продолжал он. — Мундт обо всем знал, был в курсе всех деталей плана. По его приказу меня завербовали — по его и Фидлера. А потом он позволил Фидлеру взять все в свои руки, поскольку

был уверен, что в результате Фидлер попадет в собственный капкан. Моя задача состояла в том, чтобы окончательно заставить его поверить в истину: Мундт — агент британской разведки. — Он помедлил, не сразу решившись закончить. — А на твою долю выпала миссия дискредитировать меня. Фидлер пойдет под расстрел, а Мундт будет выглядеть героем, избежавшим смерти в результате фашистского заговора. Они использовали классический принцип — любовная интрижка мешает агенту довести дело до успешного конца.

— Но откуда они узнали обо мне, как могли предвидеть, что мы сойдемся с тобой? — воскликнула Лиз. — Боже милостивый, Алек, неужели они способны даже предсказать, что двое людей полюбят друг друга?

— Нет, конечно. И это не имело для них значения. Ставка делалась на другое. Тебя они избрали, потому что ты молода, хороша собой, состоишь в коммунистической партии и не отказалась бы поехать в Германию по сфабрикованному приглашению. К вам на работу меня направил Питт с биржи труда, который догадывался, что я не откажусь от места в библиотеке. Во-первых, Питт служил в разведке во время войны, и они ему приплатили, надо полагать. Им достаточно

было установить контакт между мной и тобой. Пусть всего на день. Срок не играл никакой роли. Зато потом это давало им предлог навестить тебя, снабдить деньгами, создать иллюзию, что между нами возник роман, даже если бы его на самом деле не было. Понимаешь? Чтобы позже всякий поверил в нашу взаимную страсть. И для этого тебе прислали деньги так, словно я просил об этом. А то, что мы и в самом деле стали близки, только облегчило их задачу…

— Да, тут нечего возразить, — сказала Лиз и добавила: — Я чувствую себя грязной, Алек, словно меня изнасиловали.

Лимас промолчал.

— Скажи, людям из твоего ведомства это облегчает муки совести? Я имею в виду… Когда они используют в такой роли члена компартии, а не обычную девушку? — спросила Лиз.

— Возможно, — ответил Лимас. — Но, как мне кажется, они сделали это не намеренно. Просто это еще более способствовало успеху операции.

— А ведь я могла остаться у них в тюрьме, я знаю. Ведь именно этого хотел Мундт, скажешь, нет? Он не видел смысла рисковать — я могла услышать слишком много лишнего, слишком о многом догадаться сама. В конце концов, Фидлер

тоже невиновен. Но он — еврей, — добавила она возбужденно. — И его невиновность уже не играет большой роли, верно?

— О, бога ради! — простонал Лимас.

— Очень странно, что Мундт отпустил меня. Более чем странно, пусть это и стало частью вашей с ним сделки, — размышляла вслух Лиз. — Я же отныне фактор риска, как ни крути. Я имею в виду, когда мы доберемся до Англии. Член коммунистической партии, осведомленная обо всем этом… Нет ни намека на логику в его согласии отпустить меня.

— Как я предполагаю, — объяснил Лимас, — он собирается использовать факт нашего побега для наглядной демонстрации президиуму, что в его ведомстве окопались другие фидлеры, которых необходимо найти и устранить.

— И другие евреи?

— Это дает ему дополнительную возможность укрепить свои позиции, — ответил Лимас, пропустив ее вопрос мимо ушей.

— Убив еще больше ни в чем не повинных людей? Но тебя, кажется, не слишком это волнует.

— Разумеется, волнует. Меня тошнит от стыда и злости… Но я воспитан совершенно иной средой, Лиз, и потому не могу видеть все только в чер-

ных и белых тонах. Люди, играющие в подобные игры, неизбежно идут на риск. Фидлер проиграл, Мундт одержал победу. И Лондон выиграл — вот в чем все дело. Это была омерзительно грязная операция. Но она себя оправдала, и нет ничего важнее. — По мере того как он говорил, его голос становился громче и под конец уже почти перешел в крик.

— Ты сам пытаешься себя убедить, что это правильно! — воскликнула в ответ Лиз. — Они творили отвратительные дела. И как можно убивать Фидлера? Он же хороший человек, Алек, я знаю, что хороший. А Мундт…

— Не понимаю, на что ты, черт возьми, жалуешься, — грубовато перебил ее Лимас. — Ведь это твоя партия все время с кем-то воюет, не так ли? Жертвуя личностями во имя интересов масс. Этот принцип она провозглашает. Социалистическая реальность — ежедневная и еженощная неустанная борьба. Они же об этом тебе твердят? По крайней мере ты осталась в живых. Что-то не слышал, чтобы коммунисты верили в святость человеческой жизни, или я чего-то не понял? — спросил он саркастически. — Я признаю, да, признаю, что тебя могли уничтожить. Такой вариант не был исключен. Мундт — свинья еще

та, он не видел смысла оставлять тебя в живых. Его обещание — а он дал слово не трогать тебя — недорого стоит. И ты действительно могла умереть — сегодня, через год или через двадцать лет — в тюрьме рая для рабочих и крестьян. Как и я сам. Но твоя партия, насколько я помню, ставит себе целью уничтожение целых общественных классов. Скажи, если я опять ошибаюсь.

Он достал пачку, вынул из нее две сигареты и вместе со спичками подал Лиз. Ее пальцы дрожали, когда она прикуривала их и протягивала одну Лимасу.

— Ты много размышлял об этом, как я погляжу? — спросила она.

— Так уж случилось, что мы чуть не оказались в могилах, — продолжал Лимас. — Мне очень жаль. Как жаль и всех остальных, кто погиб. Но только не надо убиваться из-за правил игры, Лиз, — это те же правила, какие установила твоя партия. Мы — лишь малая цена, которую приходится платить за великие свершения. Одна жертва для блага многих. Но не очень-то приятно, как я догадываюсь, выбирать, кто именно должен стать жертвой, когда абстрактная схема начинает касаться непосредственно людей.

Она слушала в темноте, какое-то время не заме-

чая ничего, кроме убегавшей под колеса дороги и парализующего страха в душе.

— Но они позволили мне полюбить тебя, — сказала она наконец. — Позволили поверить в тебя и полюбить.

— Они нас использовали, — ответил Лимас, не жалея ее чувств. — Они обманули нас обоих, потому что возникла необходимость. Только так у них все могло получиться. Фидлер уже сам подобрался к Мундту вплотную, понимаешь? Мундта бы разоблачили, разве это не ясно?

— Ты обладаешь поразительной способностью переворачивать все с ног на голову. Как ты можешь? — внезапно закричала на него Лиз. — Фидлер был хорошим, нормальным человеком, который всего лишь выполнял свою работу, и теперь вы уничтожили его. А Мундт — шпион и предатель, но вы защищаете такого. Мундт к тому же нацист, вам об этом известно? Он ненавидит евреев… На чьей ты стороне? Как же ты можешь…

— В этой игре существует только один закон, — резко ответил Лимас. — Мундт — их человек, он дает им то, в чем они нуждаются. Это достаточно легко усвоить, как мне представляется, или нет? Весь ваш ленинизм строится на целесообразно-

сти временных союзов. А кто такие, по-твоему, шпионы: жрецы, святые или мученики? Это подлая кучка тщеславных кретинов, предателей в том числе, да. А еще слабаков, садистов и пьяниц — людей, играющих в ковбоев и индейцев, чтобы скрасить свое унылое и гнусное существование. Неужели ты думаешь, что в Лондоне сидит монашеский орден, который только и думает о том, что правильно, а что неверно? Я бы своими руками удавил Мундта, если бы мог. Ненавижу его породу. Но не сейчас. Так уж случилось, что пока он им нужен. Он им нужен для того, чтобы та самая масса безликих болванов, которые тебя так заботят, спокойно спали по ночам в своих постельках. Он нужен им ради безопасности простых и незаметных людей, как ты или я.

— Но что же Фидлер? Неужели у тебя совсем нет сочувствия к нему?

— Это война, — ответил Лимас. — И она только потому выглядит столь отчетливо грязной, что ведется в малых масштабах, всегда в ближнем бою, почти неизменно вызывая гибель поневоле вовлеченных в нее невиновных людей. Я вынужден признать это. Но такие конфликты ничто, пшик в сравнении с настоящими войнами — будь то в прошлом или будущем.

— О, мой бог, — тихо сказала Лиз. — Ты не понимаешь. И не хочешь понять. Тебе все время приходится убеждать самого себя. То, что они творят, гораздо страшнее: они нащупывают слабости, свойственные всем людям, находят их во мне и в любом, кого потом используют, чтобы превратить в свое оружие и пускать его в ход, калеча судьбы и убивая…

— Господи! — воскликнул Лимас. — А чем еще занимались люди от сотворения мира? Неужели ты до сих пор не поняла? Я ни во что не верю, даже во всеобщее уничтожение и анархию. Меня тошнит, меня выворачивает наизнанку от убийств, но я не вижу, к каким другим средствам они могут прибегать. И они ведь не стремятся всех обратить в свою веру. Они не взбираются на кафедры или партийные трибуны, призывая людей бороться за мир и бог знает за что еще. Это всего лишь мелкие людишки, которые пытаются удержать проповедников всевозможных великих идей от того, чтобы они не повзрывали друг друга к чертовой матери.

— Ты ошибаешься, — безнадежно констатировала Лиз. — Они гораздо страшнее, чем мы все, вместе взятые.

— Потому что я занимался с тобой любовью,

заставив поверить, что я нищий пьяница? — жестко спросил Лимас.

— Потому что они презирают, — ответила Лиз, — презирают все подлинное и доброе; они презирают любовь, презирают…

— Да, — внезапно согласился Лимас, чувствуя безмерную усталость. — Это цена, которую им приходится платить. Одинаково презирая и Бога, и Карла Маркса по одной и той же причине.

— И это делает тебя одним из них, — продолжала Лиз. — Ты ничем не лучше Мундта и всех остальных… Мне ли теперь этого не знать? Ведь это с моими чувствами играли, не правда ли? Играли они, играл ты, потому что тебе на все наплевать. Только Фидлер в этом не участвовал… Но вы все… Все остальные… Вы обращались со мной, как с ничтожеством, как с мелкой разменной монетой… Вы все из одного теста, Алек.

— О, Лиз, — в отчаянии сказал он, — умоляю, поверь: я ненавижу все это, я смертельно устал. Но наш мир, целое человечество… Они как будто сошли у ума. И мы — всего лишь ничтожная расплата за безумие… Везде происходит то же самое. Людей обманывают, сбивают с толку, людские судьбы ломают с величайшей легкостью, везде расстреливают, сажают в тюрьмы, целые соци-

альные группы и классы списывают в расход не раздумывая. А ты… Вернее, твоя партия? Видит бог, она вся построена на костях обыкновенных людей. Ты никогда не видела смерти, Лиз, как видел ее я…

Пока он говорил, Лиз вспомнились грязный тюремный дворик и слова надзирательницы: «Здесь тюрьма для тех, кто тормозит наш марш вперед… для тех, кто считает, что имеет право совершать ошибки».

Лимас внезапно весь подобрался, пристально вглядываясь сквозь лобовое стекло. В свете фар Лиз тоже теперь различила фигуру, стоявшую на дороге. В руке человек держал маленький фонарик, который то включал, то выключал по мере приближения их машины.

— Это за нами, — пробормотал Лимас. Он заглушил двигатель, выключил фары, позволив автомобилю двигаться вперед по инерции. Когда они поравнялись с мужчиной, Лимас обернулся и открыл заднюю дверь.

Лиз даже не посмотрела на того, кто сел на сиденье позади нее. Она неподвижно устремила взгляд вперед, глядя на улицу, которую поливал дождь.

— Держитесь на тридцати километрах в

час, — сказал мужчина. В его голосе звучали напряжение и страх. — Я укажу вам путь. Когда доберемся до места, вам нужно будет выйти и бежать к стене. Луч прожектора направят точно в то место, где вам предстоит перебраться на другую сторону. Держитесь луча. А когда его отведут в сторону — перелезайте. У вас будет на это девяносто секунд. Вы пойдете первым, — обратился он к Лимасу, — а девушка вслед за вами. В нижней части вбиты железные скобы, но потом вам придется с силой подтянуться. Доберетесь до верха стены и поможете забраться на нее своей спутнице. Вы поняли?

— Поняли, — сказал Лимас. — Сколько осталось до места?

— На тридцати километрах в час мы будем там примерно через девять минут. Луч направят на стену ровно в пять минут второго. Они могут дать вам девяносто секунд. Не больше.

— А что произойдет, когда эти девяносто секунд истекут? — спросил Лимас.

— Вам дадут только девяносто, — повторил мужчина, — а потом станет слишком опасно. Предупреждено только одно отделение. Им объяснили, что вы — лазутчики, которых забрасывают на западную сторону. Но даже им приказали сде-

лать так, чтобы у вас все не получилось слишком легко с виду. Хотя девяноста секунд достаточно.

— Хотелось бы надеяться, черт побери, — сухо сказал Лимас. — Который теперь час на ваших?

— Мы сверили часы с сержантом, который командует отделением, — ответил мужчина. Потом на заднем сиденье на мгновение вспыхнул и тут же погас свет. — Сейчас ноль часов сорок восемь минут. Нам нужно трогаться без пяти час. Семь минут придется подождать.

Они сидели в полной тишине. Только капли дождя барабанили по крыше машины. Перед ними протянулся участок мощенной брусчаткой улицы, скудно освещенной замызганными лампами стоявших через каждые сто метров фонарных столбов. Вокруг не было ни души. Небо над ними сияло ненатурально ярким отблеском прожекторов в отдалении. По временам один из лучей проносился буквально по крыше машины и исчезал. Где-то слева прямо над линией горизонта Лимас вдруг заметил мигающий огонь, который постоянно менял силу света, как всполохи пожара.

— Что это? — спросил он, указывая в том направлении.

— Информационный сервис, — ответил муж-

чина. — Световая азбука. Так они передают в Восточный Берлин заголовки основных новостей.

— А, ну конечно, — пробормотал Лимас. Они действительно достигли последнего этапа своего путешествия.

— Возврата не будет, — продолжал мужчина. — Он вас предупредил? Как и второго шанса.

— Знаю, — ответил Лимас.

— Если что-то пойдет не так — допустим, вы упадете и поранитесь, — назад все равно не возвращайтесь. В зоне стены они стреляют без разбора во все, что шевелится. Вы обязаны суметь перебраться во что бы то ни стало.

— Мы знаем, — повторил Лимас. — Он нам все растолковал.

— И как только покинете машину, сразу окажетесь в зоне поражения.

— Нам и это известно. Помолчите немного, — раздраженно сказал Лимас. А потом спросил: — Машину заберете вы?

— Как только вы выйдете, я сразу уеду. Я ведь тоже подвергаюсь опасности, — ответил мужчина.

— Сочувствую, — усмехнулся Лимас.

Снова повисла тишина. Потом Лимас спросил:

— У вас есть пистолет?

— Да, — кивнул мужчина, — но я не могу отдать его вам. Он прямо распорядился не давать вам оружия… Предупредил, что вы попросите.

— Это в его стиле, — беззвучно рассмеялся Лимас.

Он включил стартер. С шумом, который, казалось, заполнил всю улицу, автомобиль медленно тронулся с места.

Когда они проехали ярдов триста, мужчина возбужденно зашептал:

— Здесь сверните направо и сразу налево.

Они въехали в какой-то узкий проулок. По обе стороны его стояли пустые лотки рыночных торговцев, и машина еле-еле проходила между ними.

— Здесь налево, резко!

Они снова свернули, быстро проехав на этот раз между двумя высокими зданиями и попав, как могло показаться, в тупик. Поперек улицы на веревке вывесили для просушки белье, и Лиз подумала, что они едва ли сумеют проскочить под ним. Когда они уже приблизились к тому, что виделось им глухой стеной тупика, мужчина распорядился:

— Тут снова налево и следуйте вдоль дорожки.

Автомобиль взобрался на бордюрный камень,

пересек тротуар, и они стали двигаться по широкой пешеходной тропе, вдоль которой слева тянулся ветхий забор, а справа — высокий дом без окон. Откуда-то сверху донесся крик, голос был женский, и Лимас пробурчал:

— О, заткнись, ради бога, — несколько неуклюже миновав поворот вправо, который делала тропа, и почти сразу выехав на какую-то улицу.

— Куда теперь? — спросил он.

— Пересекайте дорогу прямо возле аптеки. Вернее, между аптекой и почтой. Да, здесь!

Мужчина теперь так перегнулся вперед, что его лицо оказалось практически на одной линии с лицами сидевших на передних сиденьях. Потом, протянув руку мимо головы Лимаса, он указал направление, ткнув пальцем в стекло.

— Назад! — зашипел на него Лимас. — Уберите руку. Как я, дьявол вас раздери, смогу что-то разглядеть, если вы будете размахивать руками у меня под носом?

Включив первую передачу, он быстро пересек довольно широкую улицу, бросив при этом взгляд влево, и несколько оторопел, увидев массивный силуэт Бранденбургских ворот всего в трехстах ярдах и несколько зловещего вида машин, похожих на бронетранспортеры, у их подножия.

— Куда мы направляемся? — спросил он встревоженно.

— Почти приехали. Сейчас помедленнее… Влево, влево, сворачивайте влево! — почти закричал мужчина.

Лимас вывернул руль как раз вовремя, и через узкую арку они попали во двор. Окна в соседних домах были либо выбиты, либо заколочены досками; на них безмолвно взирали пустые дверные проемы. По другую сторону двора находились ворота без створок.

— Поезжайте туда, — донеслась из темноты поданная теперь шепотом команда, — а потом резко вправо. Потом справа от вас увидите фонарный столб. Следующий за ним сломан. Доехав до второго фонаря, глушите мотор, и пусть машина катится сама до пожарного гидранта. И на этом — все.

— Какого лешего вы сами не сели за руль?

— Он сказал, что машину должны вести вы. Посчитал, что так будет безопаснее.

Они проехали в проем ворот и свернули направо. Здесь проходила узкая улочка, погруженная в почти полную тьму.

— Погасите фары!

Лимас выключил фары, медленно миновал

первый фонарный столб. Впереди уже маячил второй. Фонарь на нем в самом деле не горел. С выключенным двигателем они тихо проехали мимо и катились еще немного, пока в двадцати ярдах не разглядели очертания пожарного гидранта. Лимас нажал на педаль тормоза, и автомобиль замер на месте.

— Где мы? — шепотом спросил Лимас. — Мы ведь пересекли Ленин-аллее, верно?

— Нет, Грифсвальдерштрассе. Потом повернули на север. И сейчас мы к северу от Бернауэрштрассе.

— В районе Пбнков?

— Чуть не доезжая. Смотрите, — мужчина указал в сторону уходившего влево переулка. В дальнем его конце они увидели небольшой отрезок стены, серо-коричневой в отраженном свете прожекторов. Поверх нее протянулись три ряда колючей проволоки.

— Как девушка переберется через «колючку»?

— В том месте, где вы будете перелезать, ее уже срезали, оставив узкий промежуток. У вас осталась минута, чтобы добраться до стены. Прощайте.

Из машины они вышли втроем. Лимас взял Лиз за руку, и она отстранилась от него, словно он

причинил ей боль.

— Прощайте, — повторил немец.

Лимас лишь прошептал в ответ:

— Не заводите мотор, пока мы не переберемся на другую сторону.

При тусклом свете Лиз наконец бросила беглый взгляд на их проводника. Его лицо показалось ей молодым и испуганным — лицо почти мальчика, который изо всех сил старается быть храбрым.

— Прощайте, — сказала Лиз. Высвободив руку, она пошла вслед за Лимасом сначала через дорогу, а затем в узкий переулок, который упирался в стену.

Стоило им войти в него, как они услышали за спиной звук мотора: машина развернулась и быстро уехала в том направлении, откуда они только что прибыли.

— Мог бы и лестницу для нас подержать, гаденыш, — скрипнул зубами Лимас, глядя вслед машине.

Лиз едва ли его слышала.

26
Путь с холода

Они пошли быстрым шагом, и Лимас время от времени оборачивался, чтобы убедиться, поспевает ли за ним Лиз. Добравшись до конца переулка, он остановился, укрылся в тени дверного проема и посмотрел на часы.

— Две минуты, — прошептал он.

Лиз ничего не ответила. Только смотрела вперед, в сторону стены, и на руины, черневшие на противоположной стороне.

— Две минуты, — повторил Лимас.

Перед ними протянулась полоса шириной в тридцать ярдов. Она следовала вдоль стены в обоих направлениях. Примерно в семидесяти ярдах справа от них стояла сторожевая вышка; луч установленного на ней прожектора бегал вдоль контрольной полосы. Тонкая пелена дождя висела в воздухе, придавая свету прожекторов несколько размытый желтоватый оттенок, но полностью скрывая все, что находилось дальше. Никого не было видно. Не доносилось ни звука. Сцена пока оставалась пустой.

Луч прожектора с вышки начал постепенно и нерешительно, словно ощупью, перемещаться вдоль стены ближе к ним; каждый раз, когда он ненадолго замирал, они могли разглядеть чуть ли не каждый кирпич в стене, неряшливо и поспешно скрепленный цементным раствором с другими. Пока они рассматривали все это, луч остановился прямо напротив них. Лимас бросил взгляд на часы.

— Готова? — спросил он.

Лиз кивнула.

Взяв ее за руку, он пошел через полосу намеренно медленно. Лиз хотела побежать, но он держал ее крепко. Они уже проделали половину пути к стене. Яркий полумесяц света манил к себе, а луч прорезал темноту прямо над их головами. Лимас был исполнен решимости держать Лиз как можно ближе к себе, словно опасался, что Мундт не сдержит слова и попытается отнять ее у него в самый последний момент.

Они подошли к стене почти вплотную, когда луч прожектора рывком переместился к северу, оставив их на мгновение в полной темноте. Все еще держа Лиз за руку, Лимас вслепую повел ее вперед, вытянув левую руку перед собой, пока она внезапно не уперлась в шероховатую по-

верхность кирпичей из шлакоблоков. Теперь он уже мог разглядеть стену, а подняв глаза, и тройную колючую проволоку, и крючки с острыми концами, к которым она крепилась. Металлические скобки, похожие на снаряжение, которым пользуются альпинисты, были вбиты в кирпичи. Ухватившись за самую верхнюю из них, Лимас проворно подтянулся и очень скоро оказался наверху стены. Дернул за нижний ряд колючей проволоки, и она отогнулась, подрезанная заранее.

— Давай, — шепнул он полным тревоги голосом, — начинай подниматься.

Распластавшись на стене, он ухватился за ее вытянутые руки и стал тянуть, как только она встала на самую нижнюю скобу.

Но внезапно весь мир вокруг них вспыхнул, словно объятый огнем: сверху, сбоку — отовсюду лучи света устремились на них с беспощадной точностью.

Лимас был ослеплен, ему пришлось отвернуться, хотя он по-прежнему отчаянно цеплялся за руки Лиз. Ее тело теперь висело, ни на что не опираясь. Он подумал, что ее нога соскользнула, и стал отчаянно звать ее, не переставая тянуть вверх. Видеть он не мог ничего — только бешеное

мельтешение цветовых пятен перед глазами.

Затем раздался истеричный вой сирены, зазвучали отрывистые команды. Упершись коленями в самый край стены, он покрепче перехватил ее руки и принялся подтягивать к себе дюйм за дюймом, каждую секунду рискуя сам свалиться вниз.

Потом они начали стрелять. Одиночными. Три или четыре выстрела. И он почувствовал, как она содрогнулась. Ее тонкие пальцы выскользнули из его сжатых кулаков. С западной стороны до него донесся голос, произнесший по-английски:

— Прыгай, Алек! Прыгай сюда, дружище!

А потом раздался целый хор возгласов — смесь английского, французского, немецкого языков, — где-то совсем рядом был Смайли.

— Девушка? Где девушка? — спрашивал он.

Прикрыв глаза ладонью, как козырьком, Лимас осмотрел подножие стены и наконец разглядел ее, лежавшую недвижимо. Лишь мгновение он колебался, а потом неторопливо спустился вниз по все тем же скобам, пока не оказался рядом с ней. Она была мертва: голова повернута в сторону, черные волосы разметались по щекам, словно защищая их от дождя.

Могло показаться, что они не решаются стрелять снова. Кто-то даже отдал приказ, но выстрела

не последовало. А потом они все-таки убили его — две или три пули попали в цель. Он еще какое-то время держался на ногах, глядя по сторонам подобно ослепленному быку на арене. Падая, Лимас видел, как два огромных грузовика давят всмятку маленькую машинку, а из окна ему весело машут руками детишки.

От автора

Ни одного из персонажей или клубов, ведомств или разведывательных организаций, описанных в этой или любой другой моей книге, насколько мне известно, в реальной жизни не существует и никогда не существовало. Мне хотелось бы особо это подчеркнуть.

Выражаю искреннюю признательность Обществу радиолюбителей Великобритании, лично мистеру Р.И. Молланду, а также главному редактору и сотрудникам журнала «Авиэйшн уик энд спейс текнолоджи», как и мистеру Роналду Коулзу, каждый из которых снабжал меня ценными советами технического характера. Приношу благодарность мисс Элизабет Толлинтон, взявшей на себя обязанности секретаря.

Но прежде всего я должен сказать огромное спасибо своей жене за ее неустанную помощь в работе.

Джон Ле Карре,
г. Айос-Николаос, Крит
Май 1964 года